

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и балканистики

СЛАВИСТИКА
ИНДОЕВРОПЕИСТИКА
НОСТРАТИКА

К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо

КОНФЕРЕНЦИЯ

Москва 1991

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и балканистики

К о н ф е р е н ц и я

СЛАВИСТИКА. ИНДОЕВРОПЕИСТИКА. НОСТРАТИКА

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. А. ДЫБО

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Москва 1991

Редакционная коллегия: Р.В.Булатова, Г.И.Замятина,
С.Л.Николаев

ISBN 5-201-00712-0

© Институт славяноведения
и балканистики АН СССР,
1991

Данная конференция посвящена ведущему сотруднику Института славяноведения и балканистики АН СССР доктору филологических наук Владимиру Антоновичу Дыбо и приурочена к его 60-летию. Название конференции "Славистика. Индоевропеистика. Ностратика" очерчивает те области сравнительно-исторического языкознания, в которых работал и продолжает плодотворно трудиться юбиляр.

Являясь виднейшим представителем реконструктивного направления в компаративистике, В.А. Дыбо по праву научного авторитета возглавляет две важных и актуальных области компаративистики: реконструкция акцентных и тональных систем и исследование проблемы отдаленного родства языковых семей.

На протяжении 35 лет своей творческой деятельности В.А. Дыбо остается верен одной области сравнительно-исторического языкознания — акцентологии. По инициативе В.А. Дыбо и прежде всего благодаря его фундаментальным разработкам был проведен коренной пересмотр основных положений "классической" славянской акцентологии, которая к 50-м гг. XX в. не в состоянии была "переварить" накопленные факты, не укладывающиеся в построенную ею систему. Суть кризиса традиционной акцентологии, по мнению В.М. Иллич-Свитыча, состоял в нерешенности основного вопроса — о происхождении прабалтийской и праславянской акцентных систем, решение же данного вопроса невозможно без поисков общеиндоевропейской основы для этих систем¹.

Ориентируясь в исследовании вопросов генезиса праславянской акцентной системы на реконструкцию Хр. Станга², В.А. Дыбо создал цельную теорию славянской акцентологии, позволившую впервые полностью реконструировать систему акцентных парадигм праславянского периода и основных моментов модификации просо-

---

¹ В.М. Иллич-Свитыч. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963, с. 3.

² Chr. Stang. Slavonic accentuation. Oslo, 1957.

дических единиц, составляющих акцентные парадигмы в составе синтаксического целого [1]. Вторая часть проблемы явилась элементом, необходимым для понимания первой, т.к. только разрешив проблему модификации акцента в составе тактовых групп, можно было понять отношение славянской и балтийской (а также других индоевропейских) акцентных систем [2]. В.А. Дыбо обратился к подробному изучению акцентных зависимостей в словообразовании (находившихся до того на периферии интересов акцентологов), что много дало для коренной перестройки акцентологической концепции [3].

Особенностью акцентологических исследований В.А. Дыбо является последовательность в исключении проблем, выходящих за пределы, очерчиваемые возможностями сравнительно-исторического метода, и значительным расширением материала за счет привлечения акцентных систем, зафиксированных в древнейших акцентуированных текстах [4]. Введение новых данных "позволило расширить базу сравнения и перенести центр тяжести реконструкции именно на древние акцентные системы, удревнив на 5-6 веков исходные пункты сравнения"¹.

Последние годы в совместных разработках В.А. Дыбо и С.Л. Николаева за счет широкого привлечения диалектного материала (в том числе собираемого на поле по специальной программе) определился весьма перспективный лингво-географический аспект исследования, позволяющий на акцентологическом материале по-новому решать проблему классификации праславянских диалектов, проблемы лингвогенеза отдельных славянских языков [5].

Разработанная В.А. Дыбо концепция праславянской и балтославянской акцентологии [6] выявила кардинальный принцип построения реконструированной акцентной системы: акцентуация любой словоформы оказывается объяснима (и предсказуема) на основании неизменных акцентологических характеристик составляющих ее морфем.

Анализ других индоевропейских групп языков (кельто-италийской, индо-иранской) показал результативность просодико-морфонологического подхода к исследованию акцентных систем, их генетическое тождество с реконструированной балтославян-

---

¹ В.А. Дыбо. Славянская акцентология. М., 1981, с. 8.

ской системой [7].

Теоретические разработки, определившие четкий контур систем парадигматического акцента (эти системы характеризуются наличием двух или нескольких акцентных типов, по которым все слова соответствующего языка распределены следующим образом: у непроезводных основ акцентная парадигма каждого слова присуща ему традиционно, а у производных — определяется акцентными типами производящих) дали В.А. Дыбо возможность провести сравнительно-исторический анализ таких систем в других, неиндоевропейских группах языков: восточносахарской (канури, канембу, туба, теда) и западнокавказской (абхазский, абазинский, убухский) [8]. Анализ показал, что такие системы обычно возникают в результате утраты (полной или частичной) тоновых различий и фонологизации акцентного контура, сопряженного с тонами [9]. Таким образом В.А. Дыбо получил серьезные основания для выдвижения гипотезы, "согласно которой балто-славянская акцентная система является отображением индоевропейских тонов ¹.

Ностратическая проблематика, превратившаяся со временем в более широкий круг проблем, связанных с изучением отдаленного родства языков, вошла в творческую биографию В.А. Дыбо с необходимостью подготовить к печати труд В.М. Иллич-Свитыча (1934-1966), оставшийся после трагической кончины автора незавершенным. Роль В.А. Дыбо не сводилась к роли просто издателя (В.А. Дыбо-издателя характеризует чрезвычайно бережное отношение к редактируемому тексту, с одной стороны, и с другой, — тщательная проверка каждого примера по первоисточнику, см., например, подготовленный им том акцентологических штудий Л.А. Булаховского [10] и предисловие и комментарий к книге Х. Бирнбаума [11]). Чтобы подготовить к изданию I том Ностратического словаря В.М. Иллич-Свитыча (включающий обширное Введение — в нем очерки сравнительных грамматик шести сравниваемых языковых семей: семитохамитской, картвельской, индоевропейской, уральской, дравидийской, алтайской и сам Словарь, включающий 245 этимологий от Ъ до К — то, что было подготовлено автором к перепечатке), В.А. Дыбо пришлось провести колоссальную исследо-

---

¹ В.А. Дыбо. Славянская акцентология, с. 262.

вательскую работу по выявлению и объяснению ряда изменений в реконструкциях, данных в Словаре по сравнению с предварительными публикациями, проследив эволюцию автора в его реконструктивной работе, а также пришлось заняться составлением сравнительно-фонетических таблиц двух уровней: ностратического и на уровне сравниваемых языковых семей, что было возможно осуществить, лишь овладев материалом всего корпуса Словаря, включая содержащийся в картотеках автора [12]. Второй том Ностратического словаря (включающий 108 этимологических статей от Ё до N, написанных В.М. Иллич-Свитычем как в чистовом, так и в черновом виде и выборочные пробные статьи от р до з) требовал от В.А. Дыбо значительных комментариев, показывающих логику и уровень анализа автора , с одной стороны, и с другой - возможности компаративистики спустя десятилетие после составления В.М. Иллич-Свитычем данных этимологий [13]. И, наконец, издание III тома Ностратического словаря, содержащего всего 25 этимологических этюдов, является, по сути дела, исследованием В.А. Дыбо, опиравшегося на картотеки В.М. Иллич-Свитыча, но демонстрирующем возможности ностратического языкознания на современном этапе его развития (в свете новых данных и эволюции метода) [14].

В.А. Дыбо не только продолжил сравнительно-исторические исследования отдаленного родства языков, основы которого заложил В.М. Иллич-Свитыч, он вывел это приоритетное направление из положения исследования одного исследователя. В.А. Дыбо сумел вовлечь в это направление целый ряд молодых специалистов по разным языковым группам через Ностратический семинар имени В.М. Иллич-Свитыча, действующий с 1972 г. при Институте славяноведения и балканистики АН СССР и руководимый В.А. Дыбо [15].

Ностратическое языкознание, как новое направление, должно было пробивать себе дорогу через скепсис ряда влиятельных ученых. В.А. Дыбо пришлось отстаивать ностратикку не только публикациями, но и в полемике по его докладу на Бюро ОЛЯ в 1978 г. [16]. После этого выступления В.А. Дыбо ностратическое направление получило официальное признание и одобрение у нас в стране. Приоритет советского языкознания в данной области был бесспорно признан за рубежом.

Работы В. А. Дыбо и его коллег по Ностратическому семинару углубили и расширили исследования древнейшего родства праязыковых семей (в частности, вывели их за пределы ностратической макросемьи), а также много сделали для достижения высокого уровня методологической строгости анализа который был присущ наиболее развитым областям сравнительно-исторического языкознания, таких как индоевропейское и уральское [17].

БИБЛИОГРАФИЯ ОСНОВНЫХ ТРУДОВ В. А. ДЫБО

[1] Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981. 272 с. *Назовем также ряд публикаций, вышедших после 1981 г.:* Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумный (материалы к реконструкции). I. Реконструированное распределение в целом. Замечания по классификации и реконструкции глагольных классов. Материалы к реконструкции распределения акцентных типов у презенсов I группы // БСИ. 1981. М., 1982, с. 205 - 261; Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумный (материалы к реконструкции). II. Некоторые дополнения и уточнения к характеристике ряда древних южнославянских акцентных систем презенса. III. Материалы к реконструкции распределения акцентных типов у презенсов II группы. Балто-славянские истоки описанного распределения // БСИ. 1982. М., 1983, с. 3 - 67; Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумный (материалы к реконструкции). IV. Материалы к реконструкции распределения акцентных типов у глаголов на -лс с корнями на гласные и сонанты // БСИ. 1984. М., 1986, с. 112 - 134; Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумный (материалы к реконструкции). V. Новые данные по глагольной акцен-

туации среднеболгарских текстов тырновской группы // БСИ. 1985. М., 1987, с. 181 - 209; О некоторых акцентологических изоглоссах словенско-кайковской языковой области // Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj. VI. 1982, s. 101 - 134; Программа "Реконструкция и типология просодических систем": методологические основы и проблемы // Материалы всесоюзной конференции "Теория лингвистической реконструкции" (Москва, 11 - 13 января 1988 г.). М., 1987, с. 34 - 42.

[2] О фразовых модификациях ударения в праславянском // СовСлавяноведение. 1971, № 6, с. 77 - 84; Закон Васильева - Долобо и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском // ВЯ. 1971, 2, с. 93 - 114. Закон Васильева - Долобо в древнерусском (на материале Чудовского Нового Завета) // International journal of Slavic linguistics and poetics. XVII,1, 1975, а также К вопросу о системе порождения акцентных типов производных имен в прабалтийском // Конференция "Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом" (11 - 15 декабря 1978 г.). Предварительные материалы. М., 1978, с. 79 - 80.

[3] Акцентология и словообразование в славянском // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968, с. 148 - 224; Акцентные типы производных в праславянском // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1972. М., 1974, с. 233 - 242; Словообразование и акцентология. Акцентологические архаизмы как источник для реконструкции акцентных типов производящих // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. Тезисы международного симпозиума. М., 1984, с. 81 - 87; Словообразование и акцентология. Акцентологические архаизмы в производных как источник для реконструкции акцентных типов производящих // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987, с. 142 - 149.

[4] Среднеболгарские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения (Praesens) // ВЯ. М., 1969, № 3, с. 82 - 101; Древнерусские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения (Praesens) // ВЯ. М., 1969, №

6, с.114 - 122; Материалы по исторической акцентологии болгарского языка. I. Именное ударение в восточных среднеболгарских текстах XIII - XIV вв. // Известия на Института за български език. XXII. София, 1973, с. 151 - 210; Акцентологический комментарий к Норовской псалтыри // Норовская псалтырь. Среднеболгарская рукопись XIV века. В двух частях. Часть I. Издание подготовили: Е.В.Чешко, И.К.Бунина, В.А.Дыбо, О.А.Князевская, Л.А.Науменко. София, 1989, с. 93 - 114; Акцентологические наблюдения над новоболгарскими дамаскинами XVII в. (совместно с С.Л.Николаевым и Дж.Шаллертом) (в печати).

[5] Проблемы акцентологических диалектизмов в праславянском // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации. М., 1988, с. 31 - 66; К проблеме раннеславянского диалектного членения // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Материалы к дискуссиям на Международной конференции (Москва, 29 мая - 2 июня 1989 г.). Ч. 2. М., 1989, с. 66 - 92 (совместно с С.Л.Николаевым); Проблема акцентологической классификации праславянских диалектов (совместно с С.Л.Николаевым); Основы славянской акцентологии. М., 1990 (совместно с Г.И.Замятиной, С.Л.Николаевым).

[6] *Из работ, касающихся непосредственно балтийской акцентологии, укажем следующие:* Работы Ф. де Соссюра по балтийской акцентологии // Фердинанд де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 583 - 597; Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента // Кузнецовские чтения. 1973. История славянских языков и письменности. М., 1973, с. 8 - 10; К вопросу о системе порождения акцентных типов производных имен в прабалтийском // БСИ. 1980. М., с. 65 - 89; *см. также* Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. (Акцентологический статус конечноударных форм а.п. с в праславянском) // Балканика: лингвистические исследования. М., 1979, с. 85 - 101.

[7] Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его

значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии // Вопросы славянского языкознания, М., 1960, № 5, с. 9 - 34; Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. I. Балто-славянский прототип праславянской акцентной системы // Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980, с. 91 - 150; Еще к вопросу о балто-славяно-германских акцентологических соответствиях // Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане. Тезисы докладов. М., 1983, с. 16 - 18; О рефlekсах индоевропейского ударения в индоиранских языках // Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Тезисы докладов. М., 1972, с. 38 - 44; О рефlekсах индоевропейского ударения в афганском // Актуальные вопросы иранистики и сравнительного индоевропейского языкознания. Тезисы докладов. М., 1970, с. 10 - 14; Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балто-славянской акцентологии. I. Именная акцентуация // БСИ. М., 1974, с. 67 - 105; Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балто-славянской акцентологии. II. Глагольная акцентуация. а) Формы презенса // Славянское и балканское языкознание. Просодия. М., 1989, с. 106 - 147.

[8] Типология и реконструкция парадигматических акцентных систем // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989, с. 7 - 45; Сопоставительное изучение морфонологизованных акцентных и тоновых систем и их синхронное описание // Синхронно-сопоставительное изучение грамматического строя славянских языков. Тезисы докладов и сообщений советско-польской конференции 3 - 5 октября 1989 г. М., 1989, с. 13 - 14; К вопросу о типах систем парадигматического акцента // Конференция "Сравнительно-историческое языкознание на современном этапе". Памяти Иллич-Свитыча. 6 - 9 февраля 1990 г. Тезисы докладов. М., 1990; Просодическая система тубу (группа теда-канури) - начало трансформации тональной системы в систему парадигматического акцента? [ч. I] // Африканское историческое языкознание. М., 1987, с. 458 - 557; Западнокавказская акцентная система и

проблема ее происхождения // Конференция "Ностратические языки и ностратическое языкознание". Тезисы. М., 1977. Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. II. Запднокавказские акцентные системы как аналог балто-славянской. 1. Некоторые дополнения к реконструкции балто-славянской акцентной системы // БСИ. 1987. М., 1989, с. 238 - 248; Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. II. Запднокавказские акцентные системы как аналог балто-славянской // БСИ. 1988 (в печати).

[9] Тонологическая гипотеза генезиса индоевропейских акцентных систем // Конференция "Проблемы реконструкции". Тезисы докладов. М., 1978, с. 56 - 61; A tonological hypothesis on the origin of paradigmatic accent systems // Estonian papers in phonetics. 1978. Tallinn, 1978, pp. 16 - 20 (совместно с С.Л. Николаевым и С.А. Старостиным).

[10] Л.А. Булаховский. Избранные труды. Т. 4. Славянская акцентология. Киев, 1980. 575 с. Отв. ред. В.А. Дыбо.

[11] Книга Хенрика Бирнбаума и современные проблемы праязыковой реконструкции // *Хенрик Бирнбаум*. Праславянский язык. Достижения и проблемы в его реконструкции. М., 1987, с. 5 - 16; Комментарии // *Ibid.*, с. 494 - 509; Комментарии к статье Н.С. Трубецкого "О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства // *Н.С. Трубецкой*. Избранные труды по филологии. М., 1987, с. 425 - 427.

[12] От редактора // Вводная статья к книге: *В.М. Иллич-Свитыч*. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь (b - k). М., 1971, с. I - XXXVI; О принципах построения словаря // *Ibid.*, с. 105 - 106; Сравнительно-фонетические таблицы // *Ibid.*, с. 147 - 171.

[13] От редактора // Предисловие к книге: *В.М. Иллич-Свитыч*. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидий-

ский, алтайский). Сравнительный словарь (і - §). Указатели, М., 1976, с. 3 - 4.

[14] В.М.Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Сравнительный словарь (р - ҫ) (по картотекам автора). М., 1984.

[15] *Отчеты о работе этого семинара см. в публикациях:* Конференция "Ностратические языки и ностратическое языкознание". Тезисы докладов. М., 1977, с. 79 - 83, - и в сборнике "Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод". М., 1989, с. 291 - 298.

[16] *Этот доклад В.А.Дыбо "Ностратическая гипотеза. (Итоги и проблемы)" опубликован в сб. ИАН СССР. Серия литературы и языка. Т. 37, вып. 5, 1978, с. 400 - 413.*

[17] Об уральском вокализме // Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Тезисы докладов. М., 1972, с. 35 - 37; Ностратическая макросемья и проблема ее временной локализации // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. Ч. 5. М., 1984, с. 3 - 20 (совместно с В.А.Терентьевым); Проблемы изучения отдаленного родства языков // Вестник АН СССР. 1985, № 2, с. 55 - 66 (совместно с И.И.Пейросом).

Тезисы докладов располагаются в следующем порядке: сначала идут исследования, связанные так или иначе с ностратической проблематикой (с. 13-78), затем - индоевропейские штудии (с. 79-107), отдельно выделены тезисы докладов, посвященных проблемам акцентологии и тонологии (с. 108-168) и завершают сборник статьи по разнообразным вопросам славистики (с. 169-220).

ПРАРСДИНА НОСТРАТИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ

Наиболее убедительным доказательством существования ностратической макросемьи языков является сходство некоторых важнейших местоимений в языках ряда семей и групп Евразии, хорошо заметное и в их современных формах. Сравним:

	"я"	"ты"	"тот"	"кто"	"что"
русский	(<i>мой</i>)	<i>ты</i>	<i>тот</i>	<i>к-то</i>	
марийский	<i>мый</i>	<i>мый</i>	<i>тудо</i>	<i>кõ</i>	<i>мо</i>
селькупский	<i>мат</i>	<i>мат</i>	<i>тина</i>	<i>кут</i>	
татарский	<i>мин</i>	<i>син</i>	<i>теге</i>	<i>кем</i>	
калмыцкий	(<i>мини</i> "мой")	<i>чи</i>	<i>тер</i>	<i>кен</i>	
юкагирский	<i>мэт</i>	<i>тэт</i>	<i>таги</i>	<i>кин</i>	
чукотский	<i>гы-м</i>	<i>гы-т</i>			(<i>мик-</i> 'кто')
сванский	<i>ми</i>	<i>си</i>			<i>мсий</i>

Ностратическими, вслед за В.М.Иллич-Свитычем, обычно считают шесть языковых семей – индоевропейскую, семито-хамитскую (афразийскую), уральскую, алтайскую, картвельскую, дравидийскую. Ностратические связи юкагирского и чукотско-камчатских языков не исследовались. Не все лингвисты признают существование алтайской семьи, но отдельные группы алтайских языков – тюркская, монгольская, тунгусо-маньчжурская – могут входить в состав ностратической макросемьи как самостоятельные единицы. Относительно афразийских языков в последнее время часто высказывается мнение, что они составляют

группировку, по временной глубине сравнимую с ностратической и родственную ей. Дравидийские языки, возможно, не являются ностратическими.

Согласно В.А.Дыбо и В.А.Терентьеву, возраст ностратической макросемьи по данным глоттохронологии составляет около 15 тысяч лет, по культурно-историческим соображениям - несколько более 11 тысяч лет (Дыбо, Терентьев, с. 14). Первая дата представляется более вероятной.

Ареал распространения ностратических языков в обозримом прошлом всегда был сплошным, т.е. отдельные ностратические семьи занимали смежные территории. Однако в пределах этого ареала оказываются также некоторые современные или древние языки (или небольшие группы языков), скорее всего не родственные ни ностратическим, ни каким-либо другим языковым семьям: баскский, этрусский, северокавказские, хурритский (с урартским), шумерский, бурушаски, енисейские. Трудно предположить, что все народы, говорящие на них, были пришельцами издалека. Скорее это остатки более древнего, доностратического населения.

Отметив на карте районы распространения этих языков и соединив их линиями, мы получим границы большой области, где неностратические языки отсутствуют; где-то внутри ее и следует искать ностратическую прародину. Впрочем, из этой области можно исключить значительную часть Западной Европы - те территории, на которых языки единственной представленной здесь ностратической семьи, индоевропейской, не автохтонны.

Предполагаемые прародины шести ностратических семей расположены по отношению к этой области таким образом, что

уральская целиком помещается в ее пределах, индоевропейская, картвельская, алтайская примыкают к ее границам, и только афразийская и дравидийская прародины заметно смещены к югу; ср. карту во введении к словарю В.М.Иллич-Свитыча (ОС, 1971, с. 45).

Некоторые дополнительные данные о ностратической прародине можно получить, рассматривая ностратическую лексику, относящуюся к явлениям природы, растительному и животному миру.

В ностратическом словаре имеются слова для снега и инея или наста (ОС, 1971, № 230; 1984, № 354; Дыбо, Терентьев, с. 8), а также льда (Долг., № 32). Возможно, что сюда же относится "буря, вьюга" (ОС, 1971, № 23): в уральских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языках его соответствия значат "метель, вьюга, пурга, пороша", хотя в индоевропейских и афразийских связь со снегом отсутствует. Эти слова указывают на северное происхождение ностратических языков.

Очень существенно для рассматриваемого вопроса слово *marja "ягода" (ОС, 1976, № 282). Только для жителей северных лесов ягоды имеют настолько большое значение, что соответствующее слово может сохраняться в течение тысячелетий. В языках более южных народов общее название для ягод может вообще отсутствовать (как напр., в китайском). Все сказанное относится и к грибам, однако неясно, могло ли слово *kapra "мягкий нарост" (ОС, 1971, № 158) обозначать 'гриб' уже в ностратическое время, или в разных семьях имело место параллельное семантическое развитие.

Из деревьев ностратическому языку известны береза,

ясень, черемуха, ива (или вяз) (ОС, 1971, № 170, 117; 1976, № 274; Долг., № 52а); все они характерны для лиственного леса умеренного пояса. Правда, в словаре В.М.Иллич-Свитыча названия деревьев помечены как сомнительные (т.е. это могут быть и заимствования). Менее показательны названия животных: антилопа, олень, волк (и собака), хищник (в разных языках – лиса, волк, шакал), мелкий хищник (рысь, куница, лиса, песец, шакал, собака) (ОС, 1971, № 90, № 135, № 238; 1976, № 270; Дыбо, Терентьев, с. 8). Но и здесь преобладает фауна северных лесов (кроме антилопы и шакала, с одной стороны, и песца, с другой). Некоторые другие ностратические названия животных, как "змея" и "рыба" (ОС, 1971, № 179, № 67, № 155), не связаны с определенным климатом или ландшафтом.

15 тысяч лет назад еще продолжался ледниковый период. Растительные зоны были сдвинуты к югу по сравнению с их современным положением. Леса сохранялись на равнинах и в предгорьях Южной Европы и Кавказа, на Южном Урале, в предгорьях Алтая и Саян (БСЭ, с. 592 и карта к с. 592); отсюда они постепенно распространялись на север по мере таяния ледника. Алтай, Кавказ и Южная Европа находятся на окраинах области, где отсутствуют неностратические языки, или даже за ее пределами; иначе говоря, вполне возможно, что древнейшее население этих мест говорило на доностратических языках (к которым восходят, например, современные северокавказские и енисейские). Поэтому наиболее вероятной прародиной ностратических языков являются леса Южного Урала и соседних районов (Поволжья и Западной Сибири).

Если это так, то ностратическая прародина располагалась

очень близко от позднейших уральской и финно-угорской.

В этой связи интересно отметить особенности семантики некоторых слов ностратического происхождения в уральских языках. Два слова, относящихся к области культуры, имеют в них более архаичное значение, чем в других языках макросемьи: слова, восходящие к ностратическому *kuʃu, в большинстве современных языков значат "собака", но в уральских – "волк" (ОС, 1971, № 238); **p'alga* "укрепленное поселение" в уральских языках сохранило значение "поселение, жилище" (ОС, 1984, № 368). (Эти более ранние значения сохранились также в некоторых афразийских языках).

СОКРАЩЕНИЯ

БСЭ – Голарктическая область // Большая советская энциклопедия. Второе изд. Т. 2. М., 1952, с. 587–593.

Долг. – Долгопольский А.Б. Гипотеза древнейшего родства языков Северной Евразии (проблемы фонетических соответствий) // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.

Дыбо, Терентьев – Дыбо В.А., Терентьев В.А. Ностратическая макросемья и проблема ее временной локализации // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. Часть 5. Проблемы изучения ностратической макросемьи языков. М., 1984, с. 3–20.

ОС – Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971, 1976, 1984.

НОСТРАТИЧЕСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

Как-то около 1970 г. А.А.Зализняк в разговоре со мной сказал, что количество имеющихся ностратических (далее ностр.) этимологий можно увеличить втрое. Однако прошло уже около 20 лет, а корпус наличных этимологий возрос лишь незначительно. Возникает мысль, что В.М.Иллич-Свитыч выбрал их весьма тщательно и почти исчерпал возможности ностр. этимологии.

Здесь я предлагаю несколько новых этимологий и дополнения к старым. Оформление каждой этимологической статьи производится с максимальным приближением к тому, как это сделано в "Опыте" В.М.Иллич-Свитыча.

Хотя в последнее время был отвергнут ностр. характер афразийских языков, — они лишь родственны ностратическим, составляя отдельную макросемью, — я, следуя традиции, привожу ряд сравнений афразийских слов с ностратическими.

1. *baga 'колодец, источник': а.-а. *b(?)r, *bit 'колодец' ~ и.-е. *bhegъ 'струиться, бурлить', *bhegъ/n 'колодец'.

А.-а. || сем. *bi²r 'колодец': араб. bi²r, др.-евр. b^{a?}ēr, возможно, др.-евр. bōr (<*bawr-) 'водоем, выдолбленный в скале', аккад. bīru 'искусственный водоем, колодец' (И.-С., I, № 21). Данные остальных афразийских языков сомнительны по семантическим или фонетическим причинам.

И.-е. || лат. feruō, ferueō 'кипеть, бурлить, клокотать'

|| рус. *оруя* 'струя' || греч. *φρέαρ*, *ατος* 'колодец' || арм. *աղբուր* 'источник' || герм. **brunnō*, **brunnaz* 'колодец, источник'. И.-е. название колодца, - очевидно, гетероклитическое имя (Kluge, 105, Onions, 128, Skeat, 58, Frisk, 21, 1040-1041).

В.М.Иллич-Свитыч не учитывал и.-е. корня, а афразийский корень считал восходящим к ностр. **bura* 'сверлить' (И.-С., I, № 21). Представляется разумным считать этот корень для ностр. самостоятельным. Как известно, первые колодцы появляются только в эпоху бронзы, поэтому, скорее всего, в ностр. этот корень означал 'источник'.

2. *²ага 'земля': а.-а. **²arçā* ~ и.-е. **er-* (**er-t*, **er-ц*) 'земля'.

А.-а. || сем. **²arq* 'земля': др.-евр. *²ereš*, араб. *²araš*, араб. *²arq*, аккад. *erštu* (Ges., 67, 68) || чад. **(HV)riçā* (прачадская реконструкция О.В.Столбовой).

И.-е. || греч. *ἔραζε* 'на землю' || герм. **erþō*; **erō*; др.-в.-нем. *ero* 'земля'; др.-исл. *forvi* (*<*erwan*) 'песок, песчаный берег' || кимр. *erw* 'поле', корн. *erw*, *ereu* 'тж.', ст.-брет., ср.-брет. *eru*, н.-брет. *ero* 'борозда' || возможно, арм. *erkir* 'земля' и лит. *erdvė* 'пространство' (Pok., 332, Onions, 298, Part., 174, Kluge, 171).

Связь и.-е. с афразийским предложена Э.Партриджем.

3. *²alba 'белый' или 'молоко': а.-а. **hīb* 'молоко' ~ и.-е. **albh-* (*<*helbh-*) 'белый'.

А.-а. || др.-евр. *hālāš*, араб. *halab*, *halīb*, геез *hālīb* (Ges., 231).

И.-е. || лат. *albus* 'белый', умбр. *alfu* 'alba' || греч. *ἄλφους λευκούς*, *ἄλφός* 'белая сыпь', *ἄλφι ἄλφίτου* 'ячменная

мука' || алб. *eip, eibī* 'ячмень' || возможно, др.-в.-нем. *albiz* 'лебедь' || польск. *łabędź*, чешск. *labut'*, рус. *лебедь*; рус. *лебеда* (Ernout-Meillet, 20, Фасм., II, 469-471).

Ввиду др.-греч. 'ячменная мука', алб. 'ячмень' и др.-евр. значений 'еда' и 'зерно', также возможных у этого слова, есть слабое подозрение, что первоначально это слово означало еду. Но какую? Зерно?

4. *KUL-ba 'волк': а.-а. *kl-b 'собака' ~ и.-е. **k^hel-b* 'щенок'.

А.-а. || с суффиксом *-b* представлено только в семитском: *kalb: др.-евр. *keleḥ*, араб. *kalb*, геез *kālb*, сирийск. *kalbō*, аккад. *kalbu* (Ges., 346). В остальных афразийских языках без суффикса *-b*, см. материал в И.-С., I, № 238.

И.-е. || герм. *hwelpaz 'щенок': англ. *whelp*, нем. *Welf*. Этимологи считают это слово звукоподражательным, ср. др.-англ. *hwēlan* 'выть'. Без суффикса *-b* это слово представлено в кимр. *colwyn*, брет. *kolen* (<*kol-igno) 'щенок', лит. *kalė* 'сука' (Kluge, 850-851, Oions, 1001, Skeat, 606, Part., 802). В и.-е. подействовал закон несовместимости согласных. Поэтому в этом слове разумно восстанавливать глоттализованное *k*.

В семитском *k* иногда, как известно, дает *k*. *-b* - суффикс животных (см. И.-С., I, № 27). В.М.Иллич-Свитыч причислял этот корень к ностр. *ku, ka*, считая афразийские корни нерегулярным отклонением. Так как домашней собаки во времена существования ностр. праязыка не было, я считаю разумным восстанавливать значение 'волк'.

5. *talqa 'futuege': картв. **iqn-* 'futuege' ~ и.-е. **tek-* 'зачинать, рождать'.

Картв. || груз. *tqauri* 'future'. Иногда этот глагол считают родственным картв. **tqen-* 'вонзать', как сообщил мне Я.Г.Тестелец.

И.-е. || греч. *τίκτω* 'производить на свет, рождать, рожать' || др.-инд. *takman-* 'потомок', *takarī* f. 'часть женских гениталий' || *teknot 'ребенок': греч. *τέκνον* 'ребенок' || герм. **reigna-* (с другим местом ударения) 'свободный воин' (Frisk, 20, 867, 899, Part., 709, Pok., 1057). Возможно, к этому же гнезду относится рус. (*тетеревиный*) *ток*, в этимологизации которого М.Фасмер затрудняется (Фасм., IV, 70).

На данный корень обратил внимание Х.Флеминг в Циркулярном письме № 2 за 1986 г., сравнив и.-е. *tek с омотским (галила) *tik* 'future'. Однако других сходных корней в афразийских языках не обнаружено. Так как в и.-е. по др.-инд. *takarī* восстанавливается нелабиализованный и непалатализованный гуттуральный, в ностр. есть некоторые основания реконструировать на конце *a*.

6. *wESa 'трава': а.-а. *^f*Vu/ɬs* '(спелая) трава' ~ урал. *wES3 'зеленый, желтый' ~ ? монг. **эбэ-яи-* 'трава'.

А.-а. || сем.: араб. ^f*w3* 'твердеть и высыхать (о растении)' || куш.: сахо-афар ^f*aus-o* 'трава, солома, растительность', сомали ^f*aw3* 'сухая трава', дуллай ^f*a3-ko* 'трава', ^f*aw3-* 'созреть', сидамо. *aus-o* 'трава' || берб.: ахаггар *e-həss3* 'клевер', егип. ^f*f-t*, ^f*f'y* 'растение, используемое в медицине' || чад.: хауса *gasaɔa* 'обычная трава' (Dyak., Mil., Stolb., № 62). Вызывает подозрение чередование *u/ɬ*, но коль скоро они чередовались, ларингал прибавлен для получения трехслогового корня.

Урал. || фин. *vihriä, vihreä* 'зеленый', *vihanta* 'зеленый, зеленоватый, незрелый, цветущий', *viho* 'зелень', *vihellä* 'свежий, зеленый, незрелый', *vehreä, vehmas* 'пышный' || морд. э. *ožo* 'желтый' || мар. *êžar, žar, užar* 'зеленый', *užar* 'молодой' || удм. *vož* 'зеленый, неразвитый, маленький'; коми *vež* 'зеленый, желтый', *viž* 'желтый, зеленый' (UEW, 7, 823, SKES, IV, 1732-1734, 1735, 1739, 1683, 1682). Финно-угроведы не различают здесь двух омонимичных корней, которые следует различать, уральского со значением 'зеленый, желтый' и заимствованного из индоиранского 'злоба, яд' (авест. *vīša-*, др.-инд. *viśam* 'яд'). Эти слова по внешнему виду совпали в финно-угорском ввиду обычно зеленого цвета яда. Если 'яд' в фин.-угр. имел на конце явно *-a*, то 'зеленый', возможно, имел другой гласный, если вообще его имел. У слова 'зеленый' можно подозревать в фин.-угр. корневой гласный *e*.

Монг. || п. монг. *ebäzu*, Мукад.-ал-Адаб *ibäzul*, Ибн-Мух. *iwāzul*, халх. *evs(en)*, бурят. *ybehe(n)*, калм. *ewsq*, ордос. *ewözu*, дагур. *ewz*, Хуа-и-и-юй *ʔéběsül*, Зирни *ebäsul*, могол. *ebästul*, монгор. *wesə, jesə*, прадунс.-баоан. **vesyl:* дунс. *osul*, баоан. *vesoŋ*. Конечный согласный корня перед суффиксом *-su-* отпадал. Возможно, гласный *e* согласуется с уральским, если в нем был *e*. (Монг. материалы получены от О.А. Мудрака).

7. *workE 'какой-то вид работы': и.-е. **uerǵ-*, **uerǵ-* 'делать, работать' ~ урал. **work3* 'шить'.

И.-е. || авест. *uarəz-* || греч. *ἐργάζομαι* 'тж.' || алб. *rregj* 'очищать' || ст.-брет. *guerg* 'efficax', ср.-кимр. *gureith* 'дело', корн. *gruen*, ср.-брет. *grueotr* || герм.

*wirkjan, *wurkjan || *werġom 'дело, работа': греч. ἔργον || арм. *gorc* || герм. *wirka (Pok., 1168, Onions, 1012, Skeat, 615, Part., 809, Frisk, Bd. I, 548, 549).

Урал. || мар. *əŋɣe-*, *uŋɣe-* 'шить', *wəŋɣet*, *uŋɣet* 'платье, одежда' || удм. *uŋ-*, *uŋ!-* 'шить', *uŋi:s* 'шов, шрам'; коми *uŋ-* 'шить', *uŋi:s* 'шов, строчка, шрам', венг. *uŋt-* 'шить', (устар.) 'латать', ? *uŋ* 'струп', *uŋga* 'сапожник' (UEW, 5, 584-585, Elemei, III 674, 675, TESZ, III 1094).

Палатализованный гуттуральный в и.-е. позволяет реконструировать ностр. гласный переднего ряда во втором слоге.

Эта этимология была предложена кем-то в ностратическом семинаре в сер. 70-х гг., но дальнейшего развития не получила.

Дополнения к имеющимся ностр. этимологиям и сравнениям:

1. *[?]*ilɪ* 'олень' || урал. *ilɜ ?; нен. *илець* 'дикий олень'. Данное слово обычно считают производным с суффиксом орудия *ець* от *иле(сь)* 'жить', т.е. средство к существованию. Но может быть, это лишь приспособление непонятого слова к ненецкому языку (И.-С., I, № 135).

2. *mla 'оставаться на месте, прочно стоять' (И.-С., II, № 287) || урал. **mlɪ3-*; сам. **mlɪ3-* с сомнительным переводом 'пройти' у Ю.Янхунена; нен. *ленець* 'прожить на одном месте' (длительный срок); миновать (о беде)' и др. Ср. маторско-тайгийско-карагасское /*mlɪ*/ 'охотиться, промышлять'. Е.А.Хелимский относит это слово к другому этимону: **mlɪ3-* 'охотиться, промышлять': нен. тундр. (L) O. *mlɪ*, (T) *mlɪ*(сь) 'стоять во время перекочевки один или несколько дней на одном месте', нен. лесн. (L) Lj. *mlɪmlɪ* 'тж.' (JJ,

92, Хел., 131, 132). В этом случае проявляется корневой гла-
сный в ностр. Это будет δ . Можно привести здесь в пример
также чадское дафо-бутура *тил* 'оставаться' (сообщение О.В.
Столбовой).

3. *-b, суффикс в названиях диких животных (собственно
все животные в то время были дикими) || урал. **-ша* : **ога*
(-ша) 'белка': фин. *ogava*, эст. *ogav*, *ogavas*; саам. *oav'ge*
-гг-, *ággē*, *vie'ggev*, *uē'ggev* 'тж., копейка' || морд. *ш* 'бе-
лка; копейка, грош' || мар. *ш* 'белка, копейка' || коми *ш*
'белка, копейка' || сам. (без уточнения языка) *огор* 'Sciurus
striatus' (UEW, 4, 343). Самодийское *-р*, конечно, не восхо-
дит к урал. **-ша*. Показательно, что суффикс **-ша* в данном
слове есть не во всех уральских языках. Согласно И.А. Никола-
евой подобный суффикс есть в юкагирском.

ЛИТЕРАТУРА

И.-С. - В.М.Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических
языков. Сравнительный словарь. Т. I, б - К. М., 1971; т. II,
л - ж. М., 1976.

Фасм. - М.Фасмер. Этимологический словарь русского язы-
ка. Т. I-IV. М., 1986-1987.

Хел. - Е.А.Хелимский. Etymologica // Nyelvtudományi
közlemények 88. Budapest, 1986. - L. 119-143.

Dyak., Mil., Stolb. - I.M.Dyakonov, A.Yu.Militaryov,
O.V.Stolbova. Report in the Proceedings of the Semito-Hami-
tic Congress. Vienna (forthcoming). *

Elemel - A magyar szókészlet finnugor elemel. Etimológiai
szótár. III. Budapest, Akadémiai kiadó, 1978.

Ernout-Meillet - A.Ernout, A.Meillet. Dictionnaire étymologique
de la langue latine. V. 1-2. Paris, 1959.

Frisk - H.Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch.
Heidelberg, 1954-1972.

Ges. - W.Gesenius. Hebräisches und aramäisches Handwörter-

terbuch über das Alte Testament. Bearbeitet von dr. F.Buhl. Leipzig, 1921.

JJ - J.Janhunen. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Castrenianumin toimitteita, 17. Helsinki, 1977.

Kluge - F.Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin; New York, 1975.

Onions - The Oxford dictionary of English etymology by C.T.Onions with the assistance of G.W.S.Friedrichsen and R.W.Burchfield. Oxford, 1982.

Part. - E.Partridge. Origins. A short etymological dictionary of modern English. New York, 1983.

Pok. - J.Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1-2. Bern, 1947-1969.

Skeat - W.Skeat. A concise etymological dictionary of the English language. New York, 1963.

SKES - Suomen kielen etymologinen sanakirja. LSFU, XII. Helsinki, 1974-1981.

TESZ - A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. III. Budapest, Akadémiai kiadó, 1976.

UEW - K.Rédei. Uralsches etymologisches Wörterbuch 1-7. Budapest, Akadémiai kiadó, 1986-1988.

К ТОПОХРОНОЛОГИИ УРАЛЬСКО-АЛТАЙСКИХ ЭТНОЯЗЫКОВЫХ СВЯЗЕЙ

В связи с неуклонным накоплением лингвистических и экстралингвистических данных, касающихся контактных связей между алтайскими и уральскими языками, встает задача полной систематизации этих данных. Очевидно, ее идеалом явилось бы построение такой схемы, в которой любой факт контактного происхождения — алтайское заимствование в одном или нескольких уральских языках, урализм в том или ином из алтайских языков, изоглосса фонетического развития и т.п. — мог бы занять строго определенное место, обрести свою топохронологию. Оптимальную сетку пространственных и временных координат могла бы задать трехмерная схема — преобразующая во времени карта ареалов распространения уральских и алтайских языков, указывающая тем самым зоны сближения, смыкания и наложения этих ареалов, т.е. зоны потенциального возникновения контактных феноменов. С некоторой потерей точности такая схема может быть сведена и к серии карт, отражающих различные временные срезы и языковые состояния, или же к таблице, фиксирующей /а/ время, /б/ регион, /в/ уральские и алтайские языки, контактировавшие в это время в этом регионе, ср. фрагмент подобной таблицы:

	Подунавье	Прикамье	Присаянье	
X в. н.э.	хазарско-булгарский : древне-венгерский	вожско-булгарский : позднепермский	древнетюркский : магторский	

Заполнение схемы конкретным материалом, по мере роста его полноты и надежности, способно во многом прояснить те социолингвистические = исторические обстоятельства, в которых происходило контактирование. Общее количество, направление, степень фонологизма в адаптации и семантический спектр заимствований, относящихся к определенному времени/региону, могут интерпретироваться как показатели интенсивности соответствующих контактов, распространенности билингвизма, различий в функциях двух языков и т.д. Речь идет об одном из важных не только в урало-алтаистике направлений в реконструкции языковых ситуаций, выступающей как самостоятельная сфера исследований по отношению к традиционной реконструкции (пра)языковых состояний.

Естественно, возможность и надежность заполнения схемы для древних эпох зависит от решения фундаментальных для палеолингвистики вопросов локализации прародин и миграционных путей; последнее особенно существенно, когда мы имеем дело с алтайскими народами, продемонстрировавшими едва ли не на всех этапах своей истории значительно более высокую мобильность, чем уральские народы. В то же время налицо и обратная связь: данные по лексическим заимствованиям и по другим отражениям уральско-алтайских связей, пока далеко не в полной мере учтенные в исследованиях по этнической истории, в ряде случаев ведут к принципиально важным констатациям.

В качестве примера можно сослаться на многочисленные параллели между прасамодийскими и пратунгусо-маньчжурскими формами. Само существование, объем и характер данного фонда контактной лексики едва ли можно объяснить в рамках концепции маньчжурско-приамурской прародины тунгусо-маньчжурских наро-

дов. Гораздо реалистичнее выглядит версия, локализирующая их прародину в Западном Прибайкалье до Енисея (при постоянном проникновении в некоторые соседние регионы).

Наличие в венгерском языке слов, имеющих в конечном счете славянское происхождение, но непосредственно заимствованных из "промежуточных" тюркских форм¹, доказывает, что племена степных кочевников, закрепившиеся в конце IX в. в Подунавье, принесли с собой не только тюркские экзоэтнонимы, тюркские имена князей и тюркскую титулатуру, но и тюркский – по всей вероятности, хазарско-булгарский – язык, функционировавший на первых порах достаточно активно, хотя и вытесненный затем языком мадьярской части переселенцев. (Отметим, что "промежуточным" тюркским языком вряд ли мог явиться язык дунайских аваров, если даже последние и были исходно тюркоязычными, что не может считаться доказанным.)

Нельзя не признать, что задача систематизации уральско-алтайских этноязыковых связей в топохронологическом ракурсе сталкивается с огромными, отчасти пока что неразрешимыми трудностями в интерпретации имеющегося материала. Так, по всей вероятности, среди лексических и грамматических параллелей, которые представлены и с уральской, и с алтайской стороны во всех языковых группах или в значительной их части и которые традиционно привлекаются в исследованиях по проблематике "урало-алтайской общности", имеются факты тройного происхождения: а/ наследие ностратического родства; б/ наследие родства или по крайней мере ареально-генетических отношений в рамках более позднего восточноностратического единства; в/ результаты вто-

¹ Хелимский Е.А. *király* и *olasz*. К истории ранних славяно-тюрко-венгерских связей // Славяне и их соседи. Москва, 1988.

ричных контактов между уже вполне обособившимися, но еще не подвергшимися дальнейшему дроблению уральским и алтайским языками. Удовлетворительный критерий имеется лишь для опознавания фактов первого рода – этим критерием служит наличие соответствий в других ветвях ностратической макросемьи. В тех случаях, когда он не работает, трактовка урало-алтайских соответствий обычно носит гадательный характер.

Далее, остается неясным – и трудно укладываемым в какую-либо топохронологическую схему – происхождение немногочисленных, но чрезвычайно ярких лексических параллелей между тюркскими, с одной стороны, и прибалтийско-финскими и саамским, с другой стороны, языками (при отсутствии соответствий в других уральских языках), ср. фин. *agra* "орудие колдовства" : тюрк. *agra* - "колдовать" (ностратическое происхождение сомнительно), приоб.-фин. *käkä "косой" : тюрк. *käkü 'то же' и др.

Стали известны (в основном благодаря работам И.Футаки) тунгусо-маньчжурские этимологии нескольких венгерских слов, ср. венг. *kanál* (из *kaľán*) "ложка" : тунг. *kaľan* "черпак", венг. *oldal* "сторона" : тунг. (х) *oldon* 'то же' и др. Относительно времени и места заимствования пока можно строить самые разноречивые версии (контакты на восточной прародине венгров, участие тунгусо-маньчжурских племен в венгерском этногенезе, проникновение этих племен в Подунавье и т.п.).

Легче преодолимы те трудности, которые создаются недостаточной изученностью или неизученностью таких вопросов, как распространенность в языках уральской семьи непосредственных монгольских заимствований (в отличие от монголизмов, проникших через тюркское посредство), объем корпуса "сибирских" лексических изоглосс, представленных, в частности, в уральских и алтайских языках, и др.

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА: ПРОБЛЕМЫ
ОБЩЕДАГЕСТАНСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Противопоставление форм единственного и множественного числа имен существительных присуще всем современным восточнокавказским языкам. Выражается это противопоставление обычной маркировкой множественности с помощью соответствующих суффиксов, как правило, занимающих позицию между корнем и падежным показателем. В связи с этим реконструкция общедагестанского состояния, на первый взгляд, сводится к восстановлению общедагестанских архетипов для соответствующих современных показателей. В то же время ряд особенностей функционирования числовой оппозиции во многих дагестанских языках, касающихся как формальной, так и содержательной стороны, вынуждают нас более детально проанализировать эти аспекты реконструкции.

В содержательном плане прежде всего привлекают внимание работы последних лет (Ибрагимов 1974; Талибов 1985; Халилов 1985; Сулейманов 1985), в которых подвергается сомнению бинарность числовой оппозиции в дагестанских языках и обосновывается наличие третьего члена противопоставления — "ограниченного (двойственного?) множественного". На наш взгляд, во всех этих работах под ограниченным множественным понимаются разные, не сводимые друг к другу явления. Кроме того, привлекаемые к рассмотрению в этих статьях материалы не демонстрируют признаков архаичности: например, показателем

ограниченного множественного в аварском признается наиболее регулярный суф. -ад, что дает возможность ^{рассматривать} оппозицию ограниченного/неограниченного множественного как результат морфологизации "старого" и "нового" (унифицирующего) способов образования форм множественности. В силу этого мы поддерживаемся пока от проекции на общедагестанскую плоскость третьей морфологической единицы при реконструкции категории числа.

С формальной точки зрения нельзя не обратить внимание на значительное разнообразие в большинстве современных языков аффиксов множественности. Опираясь на существующие междиалектные соответствия и отдельные позиционные варианты, многие дагестановеды пытаются редуцировать количество исконных показателей сведением имеющихся аффиксов к единому архетипу на основе фонетического сходства. Например, предполагается следующая цепочка преобразований в даргинском языке: =би/=бе → =ми/=ме → =ни/=не. Такую интерпретацию трудно принять, поскольку она предполагает действие вторичных процессов перераспределения, следы которых проследить не удается.

В дагестановедении предпринимались попытки минимизации формантов множественного числа на основе морфонологических решений, когда ныне действующий аффикс расщепляется и в его составе вычленяется элемент, интерпретируемый как часть основы (корня), утраченная в форме единственного числа. Эта гипотеза находит, на первый взгляд, подтверждение и во внешних соответствиях, ср. дарг. цуба "зуб" - мн. цуби при таб. силиб, агул. селеб "зуб" и т.п. Анализ именного дар-

гинского словаря позволяет сделать вывод об отсутствии здесь условий для подобного переразложения: с одной стороны, не зафиксированы процессы утраты конечных согласных (в т.ч., например, =д), с другой стороны, существительные с аффиксами множественного числа типа =би не обнаруживают тех функциональных особенностей, которые позволили бы реинтерпретировать словоформу множественного числа и по этой реинтерпретированной форме образовать новую основу единственного. Более того, значительно проще лексемы типа таб. силиб, агул. селеб "зуб" рассматривать как лексикализованные формы множественного числа (ср. Джейранишвили 1948; Загиров 1985).

Среди различных подходов к объяснению многоформантности илгралиса с собственно морфологических позиций следует выделить прежде всего квалификацию отдельных показателей как образованных путем наложения одного форманта на другой. Это явление прослеживается в большей или меньшей степени практически во всех дагестанских языках. Например, в андийском (Церцвадзе 1965, 156) дифференцируются простые показатели =д, =ол, =ул, =ил, =ал и сложные, образуемые сочетанием не-которого связанного элемента с простым показателем, ср.: =(и)б=ол, =(о)б=ил, =д=ил и др.

Сложный характер второй группы суффиксов доказывается не только тем, что отдельные их компоненты совпадают с самостоятельно функционирующими суффиксами, но также и утратой конечных элементов у сложных суффиксов в косвенных падежах. Учитывая, что элемент =д характерен для форм множественного числа всех имен андийского языка, легко предположить, что это явление — позднейшее, обусловленное универсализаци-

ей одного из формантов, но не путем вытеснения других суффиксов, а путем наращивания =л на уже имеющиеся.

Хотя данная методика позволяет существенно сократить набор первичных морфологических единиц, она не учитывает, во-первых, возможность существования сложных формантов уже на языковом уровне (ср. общелезгинский суффикс $\text{ж}=\text{лнр}$, разложимый на $\text{ж}=\text{л}$ и $\text{ж}=\text{нр}$) и, во-вторых, оставляет все же некоторое количество не сводимых друг к другу аффиксов.

В силу этого могут оказаться полезными поиски источника формирования плюральных морфем за пределами категории числа. Так, при достаточно распространенной тенденции к развитию на базе суффиксов собирательной множественности словообразовательных суффиксов отвлеченных существительных (см. Серебренников 1974) для некоторых дагестанских языков представляется возможной интерпретация отдельных суффиксов множественного числа как словообразовательных по происхождению суффиксов, ср. арч. дальл=мул "двери" при буьл=мул "возвращение", ботл. =льи в составе сложных аффиксов: гIалим=заба=льи "ученые" при аварск. гIалим=заби, а также цеб=льи "единство" и т.п.

При явной немногочисленности примеров такого рода гораздо большую популярность в дагестановедении получила гипотеза классного происхождения показателей множественного числа. Действительно, налицо непосредственное совпадение наиболее распространенных в дагестанских языках показателей множественного числа, реконструируемых в виде $\text{ж}=\text{рл}$, $\text{ж}=\text{лл}$ и $\text{ж}=\text{лл}$, с соответствующими классными показателями, дифференцирующими формы множественного числа личных и неличных клас-

сов (см. Шарадзендзе 1972; Топурия 1973 и др.).

Несмотря на обоснованность данной гипотезы, признание ее не противоречит предположению о функционировании соответствующих аффиксов в качестве числовых уже на общедагестанском хронологическом уровне. Равным образом реконструкции общевосточнокавказских показателей множественного числа $*_{=III}(\Gamma)$, $*_{=II}\Gamma$ и $*_{=a}$ (см. Дьяконов, Старостин 1986) не противоречит их возможная связь с местоименными корнями (см. Ибрагимов 1974; Топурия 1985).

Таким образом, многоформантность множественного числа в современных дагестанских языках является наследием общевосточнокавказского состояния. Основной причиной этого можно считать гетерогенность данной категории, сложившейся в общевосточнокавказскую эпоху на основе реинтерпретации классных и проминальных морфем.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБЩЕВОСТОЧНОКАВКАЗСКОЙ СИСТЕМЫ
ОСНОВНЫХ ПАДЕЖЕЙ

Во всех восточнокавказских языках базисным является противопоставление прямой и косвенной основы имен существительных. Прямая основа используется в абсолютном падеже (номинативе), а косвенная основа, как правило, во всех прочих падежах. При этом наиболее архаична, по-видимому, ситуация, при которой косвенная основа в чистом виде служит для выражения эргативного падежа. В правосточнокавказском (ПВК) косвенная основа могла образоваться от прямой либо путем прибавления некоторых суффиксов (*-*ra*, *-*ni*, *-*di* etc.), мотивированных, по-видимому, семантикой имени, а могла образовываться непосредственно от прямой основы при помощи сдвига ударения к концу основы, часто сопровождающегося чередованием гласных в корне. Эти два способа образования косвенной основы были противопоставлены друг другу, возможно, в рамках категории определенности – неопределенности (т.е. бессуффиксальная косвенная основа выступала как неопределенная, а суффиксальная как определенная).

Что касается остальных падежей, то они образовались посредством прибавления формантов к косвенной основе. Специфической особенностью восточнокавказских (ВК) падежных систем (в отличие, например, от индоевропейских) является чрезвычайная нестабильность косвенных падежей. Это объясняется самим характером базисной падежной оппозиции (прямой / абсолютный / немаркированный падеж – все прочие косвенные падежи, группирующиеся вокруг эргативного, оформленного в качестве косвенной основы). Внутри системы косвенных падежей, таким образом, постоянно происходили локальные сдвиги, приводившие к изменению функций отдельных падежей и к их слиянию.

Анализ падежных изменений в отдельных подгруппах восточнокавказских языков позволяет выделить следующие основные типы сдвигов в падежных системах (в скобках приводятся конс-

трукции, в которых наиболее часто возникает падежная омонимия):

- 1) аффектив → эргатив;
- 2) генитив → датив;
- 3) датив → генитив (обратное развитие);
- 4) датив → эргатив;
- 5) инструменталис → эргатив;
- 6) инструменталис / эргатив → датив / генитив.

Иногда может наблюдаться также проникновение местных падежей в систему косвенных, однако это сравнительно редкое явление (в основном может наблюдаться превращение общелокативного падежа в инструменталис).

Учитывая изложенные соображения, для ПК можно восстановить следующую систему падежей:

1. Номинатив - -0 (прямая основа, ПО)
2. Эргатив - -0 (косвенная основа, КО)
3. Генитив - КО + -n
4. Датив - КО + -t
5. Аффектив - КО + классный показатель (+ -i)
6. Инструменталис
  - a) с одушевленными именами - КО + -se
  - b) с неодушевленными именами - КО + -uV
7. Комитатив - КО + -ci
8. Общий локатив - КО + -di ("эргативно-локативный падеж" по Б.К.Гигинейшвили).

Постулируемая система, по-видимому, позволяет объяснить возникновение и развитие основных падежей в большинстве современных восточнокавказских языков. Характерно, что большая часть реконструируемых падежей находит параллели также и в западнокавказских (ЗК) языках. Для номинатива и эргатива западнокавказское соответствие, естественно, нулевое; кроме этого, ср.:

- ВК генитив *-n : ЗК (уб.) общекосвенный падеж на -n(ə)
ВК датив *-t : ЗК (абх.-абаз.) инструменталис на -la
ВК инструменталис *-se : ЗК эргатив / трансформатив на *-s'V
ВК локатив *-di : ЗК локатив, адвербиальный локатив на *-dV

ИЗ СИБИРСКОЙ КОСМОНИМИИ: URSA MAIOR

Исключительная широта и глубина подхода к теме, характеризующие исследование Й.Эрдёди по уральской космонимии (Erdődi J. Uráli csillagnevek és mitológiai magyarázatuk. Budapest, 1970), к сожалению, не учтенное нами ранее (Известия СО АН, сер. ист., филол. и философ., 3, 1990, 18-22), превращают его в важнейший источник сведений по истории, географии и типологии не только уральских, но и евразийских, в частности, сибирских космонимов, а также коррелятивных мифологических представлений. Тем не менее задача полного описания соответствующей лексики в языках Сибири (не говоря о более глобальном подходе) еще ждет своего решения. Ниже приводятся некоторые данные, дополняющие материалы книги Й.Эрдёди.

К числу основных типов названий созвездия Большая Медведица (Б.М.) в языках Сибири относятся космонимы, имеющие "внутреннюю форму" типа (небесный) лабаз, амбар, навес' (ср. также названия по принципу '(небесный) лось, олень', 'семи(звездие)', не говоря о других, менее известных). Ср.:

I. Сельк. кет. р^м ōrə 'Б.М.', таз. ruogē, kiškael-ruogē 'то же', тым. pōr 'навес, амбар', н.-пумп. pēarə 'род нар для хранения припасов', 'Б.М.', н.-таз. pōr^o 'деревянный помост (иногда крытый) на четырех ножках для хранения припасов', нем. тундр. паре 'лабаз', камас. pāri, pāri-kīn'a' žigei 'Б.М.' < самод. * pārs 'нары с четырьмя ножками для хранения вещей' (SW, 116).

II.1. Якут. араң(у)ас 'лабаз, кладовая на столбах, могильный лабаз на дереве', араң(э)ас сулус 'Б.М.' < монг., ср. бур.,

монг. аранга 'вышка, помост для охоты на диких зверей', бур. 'помост, на который клали трупы людей или животных' < алт. *p'arug 'плетенка' (В.И. Цинциус. АЭ, 34). Последнее сопоставимо с упомянутым самод. *pärz (ср. Sauvageot, 10);

2. Якут. атахтāх 'имеющий ноги, подставки, Б.М.' (ср. атах 'нога') > эвенк. (говоры в Якутии) атактак 'Б.М.' (ТМС I, 57).

III. Юкаг. колым. орпанцьаа 'вешала', 'Б.М.' (сообщение И.А. Николаевой).

IV. 1. Ороч. пэулэ 'амбар без крыши, помост для хранения продуктов, Б.М.', ульч. пэулэ (и-) 'вешала, Б.М.', также 'Малая Медведица', нан. Нх пэулэ, Бк фэулэ 'вешала для юкеры', Нх Дай Пэулэ (= 'большие вешала'), Нүчи Пэулэ 'Малая Медведица' (= 'малые вешала' (ТМС II, 360).

2. Уд. зали 'амбар', 'лабаз', Бик зали бангежи 'и 'Б.М.' (ТМС I, 246), ср. бангеж 'Полярная звезда' (сообщение М.Д. Симонова).

V. Нивх. Няһр Нё 'Б.М.' (= 'крысиный амбар').

Ср. еще фин. otava 'Б.М.', 'сеть для ловли лосося', хант. waś, ю.-хант. woś 'огороженное деревянной изгородью место для хранения провизии' (FUV, 44-45).

Большой интерес представляет вопрос о возможности генетического отождествления южн. т.-ма. пэулэ ~ пэулэ (и-) и др. (см. IV.1) и сев. т.-ма. названий Б.М. по принципу ('небесный лось': эвенк. П-Т, Д, С-Б хэглэн, П-Т, Алд, Вл, Е, З, И, Н, С-Б, Урм, Учр, Члм хэглун, А, Сх, Урм, Чык, эвлэн 'Б.М.', П-Т устар. 'лось', забайк. оһлаткан 'Малая Медведица', Е хоглокән ~ хэглэкән 'лосенок', эвен. Алл хэвльн 'Б.М.', нег. Н, В хэвлэн ~ хэүлэн 'Б.М.' (ТМС II, 360). Оба ряда фактов допускают выведение из т.-ма.

* päulän . Семантическая реконструкция вызывает затруднения. Соотношение значений '(небесный) лось' и '(небесный) амбар' соотносимо с отразившимся в древних петроглифах противопоставлением двух эстетических концепций мира : динамическо-реалистической у палеолитических и неолитических охотников Сибири и статическо-схематической у неолитических рыболовов Амура. Следует иметь в виду, что и '(небесный) лось' и '(небесный) амбар' могут именоваться как 'имеющий ноги (подставки)', ср. к семантике якут. атахтāх (см. выше II.2; интересно удм. žek-kuk 'ножка стола', žek-kuk-kižili 'Б.М.', VNSz, 302), хант. вост. kiŋəpwaјəx ~ kiŋəpwoјə 'лось' (=ногатый зверь)', 'Б.М.' (СВХД, 132), эвенк. токи (х) алгания 'Б.М.' (=ноги лося', ТРС, 142).

Приведем еще несколько примеров наименований Б.М. по принципу 'лось, олень' (помимо указанных т.-ма. фактов и обширных материалов книги И. Эрдеди — главным образом, уральских): сельк. пэққи 'Б.М.' (Е.Д. Прокофьева, ПиЧ, 103), päqqi 'лось' (Erd., 180), кет. кај 'лось', 'Б.М.' (Е.А. Алексеев, ПиЧ, 84), эск. тунтут 'Б.М.', множ.ч. от тунту 'дикий олень' (ср. саам. saršwä 'лось', множ.ч. saršwän 'Б.М.', Erdödi J. Op. cit. 40; рус. диал. Лось, но и Лоси 'Б.М.', СРНГ 17, 155) коряк. Нлва-кјəу 'Б.М.' (=дикий олень-бык', Богораз, 25, 29).

Мифопоэтические представления, соответствовавшие перечисленным "лосиным" названиям Б.М., в частности, тунгусские и кетские мифы об охоте за космическим лосем, обнаруживают многочисленные параллели в североамериканских индейских традициях с той разницей, что в последних объектом космической охоты является, как правило, не лось, а медведь (Gibbon W. B. JAF, 77, 1964, 236-251). Изучение подобных параллелей должно

считаться с "медвежьими" мотивами в астральных сибирских мифах, отразившимися и в соответствующих космониках. Отметим, например, ороч. мапа 'старик', иноск. 'медведь', название звезды в созвездии Б.М. (ТМС I, 531), утгули насан'и 'Б.М.', собственно, 'шкура хозяина медведей, убитого творцом вселенной Хадау' (ТМС II, 251), ср. южн. т.-ма. мифы об охотниках, подкрадывающихся к небесному амбару, в который забирается огромный медведь, а также айнский миф о единоборстве человека с большим медведем, расчленении последнего и превращении человека в Полярную звезду, а частей медведя — в Б.М. Интересно известное у нанайцев название Полярной звезды по принципу 'звезда Хада (культурного героя)' (А.В. Смоляк, ПИЧ, 136), что перекликается с эвенк. И хэглун в значении 'Полярная звезда' и эвенк. хэглен как именем космического охотника (Г.М. Василевич. ТИЭ 51, 1959, 162 и др.), называемого также Манй, ср. эвенк. П-Т, Е, Н, Нрч, С-Б манй 'медведь', ороч. манэ ~ манй 'дух-помощник божества Хадау', 'богатырь-охотник (гнавший по небу лосиху с лосенком)' (ТМС I, 530, ср.: В.В. Иванов. МНМ I, 116).

Названия Б.М. типа 'семизвездие' ('семь /звезд, ханов, старцев, богов, разбойников и т.п./'; особенно интересны '7 братьев', например, чад. jati qardaş, обнаруживающие точные североамериканские аналогии, см. Gibbon V.W. Op.cit., 236 и др) отчасти известны сибирским этносам, входящим в циркумполярную зону (ср. нган. [Кастрэн] saibua fatajea, энецк. [сообщение Е.А. Хелимского] seo robeseo 'Б.М., семизвездие', нен. Си"йв Со"öm 'Б.М.' = 'семь Со"öm'), но основной ареал их распространения приходится на юг рассматриваемого региона, ср., например, койб. jettägän, алт., тел., леб. jättäy äñ 'Б.М.'

монг. doloγan äbügän, бур. долоон үбгэд, сол. ида бш'икта,
орок. надаса ~ надас'а, надасаңи, ма. надан усиха 'Б.М.'
(ТМС 1,577).

В заключение отметим ульч. қомбо ~ қомбу (ТМС 1,408),
бур. диал. Шанага Мүшэн — довольно редкие для Сибири примеры
названия Б.М. по широко известному в Евразии принципу (небес-
ный) ковш'.

СОКРАЩЕНИЯ: АЭ — Алтайские этимологии. Л., 1984; Бого —
раз — В.Г. Богораз. Чукчи. Т. II. Религия. Л., 1939; МНМ —
Мифы народов мира. Т. I-II. М., 1980-1982; ПиЧ — Природа и
человек в религиозных представлениях народов Севера. М.,
1976; СВХД — Н.И. Терешкин. Словарь восточно-хантыйских ди-
алектов. Л., 1981; СРНГ — Словарь русских народных говоров.
Вып. 1-26. М.-Л., 1966-1990; ТИЭ — Труды Института этногра-
фии; ТМС — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских язы-
ков. Т. I-II. Л., 1975-1977; ТРС — Е.И. Титов. Тунгусско-рус-
ский словарь. Иркутск, 1926; JAF — Journal of American Folk-
lore; Erd. — J. Erdélyi. Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas-
dialekt. Budapest, 1969; FUV — B. Collinder. Fenno-Ugric Vo-
cabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic langua-
ges. Hamburg, 1977; Sauvageot — Au. Sauvageot. Recherches
sur le vocabulaire des langues ouralo-altaïques. Budapest,
1929; SW — J. Janhunen. Samojedischer Wortschatz. Gemein-
samojedische Etymologien. Helsinki, 1977; VNSz — Munkácsi B.
A votják nyelv szótára. Budapest, 1896.

К ПРОБЛЕМЕ ГЕРМАНО-ЕНИСЕЙСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Из выявленных на сегодняшний день енисейско-ностратических лексических параллелей значительная часть как будто имеет надёжные соответствия в индоевропейских языках, что может свидетельствовать, если иметь в виду тохарскую ситуацию, о непосредственном контакте тех и других языков на определённом этапе их исторического развития. Примерами таких енисейско-индоевропейских лексических параллелей могли бы, на наш взгляд, считаться соответствия типа ОЕ (общеенис.) *ankan "змея" (кот. oŋkoj/oŋkoj "змея", вгск. ⁴a h :ŋ, кет. ⁴aŋ/⁴a:ŋa, ост., имб. aanku "верёвка"), и.-е. *angu(h)i "змея; червь" (лат. anguis, лит. angis, др.-прус. angis "змея", ст.-слав. ѡѣ', русск. уѣ "уж", польск. wąż, арм. auj "змея", двн. unc "змея; уж"/Покор., 43/; ОЕ *dun/*dug "дым" (кет., вгск. ²duʔ, ар. t'u, асс. tu, кот. tu, tug, пумп. dukar, ост., имб. du "дым"), и.-е. *dhem-, *dhemə-/Покор., 247-248/ (хетт. tuḫḫ-uccai "дым", tuḫḫ-ima "удушьё", двн. toum "дым; туман", лат. fūmus, др.-инд. dhūmas, др.-прус. dumis, латш. dūmi, лит. dūmai, русск. дум "дым"/Басм. I, 558/); ОЕ *duŋ/*dyg, *tuŋ/*tyg "шапка" (кет., вгск. ²dyʔ, ар. tsu, асс. kol-tu, kol-te, кот. te, ti, пумп. taje, ост. dyg, имб. dy, dyg "шапка") можно сопоставить с и.-е. названием крыши, имевшим исходное значение "прикрывающее"/Пауль, II6/: лат. tegere "покрывать", tectum "крыша", греч. τέτυγ "крыша", "дом", лит. stogas "крыша", др.-ирл. tech, teg, др.-химр. tig "дом", двн. dan, др.-исл. þak, др.-англ. þæc "крыша", ст.-слав. o-stegъ "платъ"/Вальде, 766; Зализн. 1965, 184/; ОЕ *kut/*kus, *qut/*qus "лошадь" (вгск. ²kuʔs, ар. que, kus, асс. huš, huš, кот. huš, хуш, пумп. kut, kus "конь", кет. ²kuʔs' "корова") сопостави-

мо с лат. equus "лошадь", галл. еро- "конь", гот. aīwa "лошадь", "конь", тох.А yuk, тох.В yakwe "конь", "лошадь"; ОЕ ᚱ p nanga "песок" (кет. h neq, югск. f nuq, ар. phin'аq, fin'аq, finn'аq, енис. roaniq, ост., имб. roaniq, пумп. pinniq, fenug "песок"), и.-е. ᚱrē -, ᚱrēns - "песок", "пыль"/Покор., 824/ (др.-инд. rāśāś-, rāśāśuká, авес. rasnu-š "пыль", "песок", ц.-слав. rěvъkъ, русск. песок "песок"); ОЕ ᚱar - "торговля", "торговать" (югск. ху'pket, кет. qu'Yit "купец", "богач", кет. ᚱu ¹, югск. ᚱu ¹ р "торговля", "торговать", кот. harī "торговля", нара:кq "торгую"), хетт. ḫarraq "торговля", "цена", ḫarraqai- "продавать", ḫarraqaiḫ "богатство"/Фрид., 54/ и т.д.

Более интересны, однако, германо-енисейские лексические параллели тем более, что в ряде случаев речь идёт о германских словах, этимология которых остаётся неясной. Сопоставимы, на наш взгляд, следующие германо-енисейские лексические параллели:

ОЕ ᚱolar "половина", "сторона" (кет. qol'ер, югск. xolar, кот. halар "половина", "сторона"), герм. ᚱalb -: гот. halba "половина", "часть", "сторона", др.-исл. halfa, др.-англ. healf, др.-сакс. halba, двн. halba "часть", "половина", "сторона", "страна"/Зализн. 1965, 180/;

ОЕ ᚱok - "град" (кет. qogdam, qogdaḡas', югск. xoksel, асс. kojbaten, kojpat, кот. kojpat, пумп. xoxdamon "град"), герм. ᚱagl - "град" (др.-исл. hagi, др.-англ. hæg(ə)l, hagi, двн. hagi "град")/Зализн. 1965, 168/;

ОЕ ᚱag "рог" (кет. ᚱo ?, югск. ᚱo ?, кот. hau "рог"; кот. ho:kpa "рогатый"), герм. ᚱarn - "рог" (гот. harn, др.-исл. horn, др.-англ., двн. horn "рог")/Зализн. 1963, 141/;

ОЕ ᚱu hede/ ᚱu gedede "щука" (кет. ᚱur ⁴, ᚱu :de, pl. qukq, югск. ᚱu ^h:t', pl. хукq "щука"; ар. quj, асс. huja, кот. хuja, huja, пумп. kod'u "щука"), двн. hehhit, hahhit, др.-сакс. hasud, англ.-

сакс. *hасod, hæсed* "щука"/Клюге, 166/;

✓ OE qut/qus "чум", "жилище"(кет. ${}^2\text{qu?e}'$, югск. ${}^2\text{xu?э}$ "чум", ар. *kus*, асе. *huš, huš*, кот. *huš, hu:š*, пумп. *hu-kut* "дом"), герм. xūв- "дом", "жилище": гот. *gud-hūв* "храм", др.-англ. *hūв*, др.-исл. *hūв*, др.-сакс. *hūв*, двн. *hūв*, нем.диал. *hu?э* "дом"/Зализн. 1963, 141/;

OE qan/qaj "яр", "гора"(кет. ${}^2\text{qa?j}$, югск. ${}^2\text{xaj}$ "яр", "гора"), двн. *houg*, свн. *houc*, англ. *how*, др.-исл. *haugr* "холм", гот. *hiuhma* "куча"; ср. лит. *kaukará* "холм" /Клюге, 177/;

OE qare "дóма"(кет. ${}^1\text{qa}^{\cdot}$, югск. ${}^1\text{xar}$ "дóма", югск. *t-xaf-oujax* "захожу в дом"), герм. xuf- "дом": др.-исл. *hof* "языческий храм", др.-англ. *hof* "ограда", "дом", "храм", двн. *hof* "двор", "княжеский двор", "земельная собственность"/Зализн. 1965, 168/; ср. греч. *χῆλος* "Garten" /Клюге, 177, 179/;

OE tлq (кет. ${}^2\text{tл?q}$, югск. ${}^2\text{tл?x}$, кот. $\text{t}^{\text{h}}\text{ox}$, $\text{t}^{\text{h}}\text{oq}$ "палец"), герм. taixw- "палец ноги": др.-исл. *tā*, др.-англ. *tā, tahe*, двн. *zēha*, срнн. *tē* "палец ноги"/Зализн. 1965, 211/;

OE al "лягушка"(кет. ${}^2\text{al?l}'$, югск. ${}^2\text{al?l}$ "лягушка"), герм. ēl- "угорь": др.-исл. *āll*, др.-англ. *ēl*, двн. *āl* "угорь"/Зализн. 1963, 130/;

OE лqrea "вдруг"(кет. *лqree*, югск. *лqree* "вдруг"), двн. *ga-hi*, свн. *gæhe*, *gāch* "schnell, plötzlich, ungeetüm" /Клюге, 185/;

OE лqaj "раньше", "в старину"(кет. *лqaj*, *лxaj*, югск. *лxaj*, кот. *o:gaј* "раньше", "в старину"), двн. *ēg* "früher", гот. *airis* "früher", др.-англ. *æg*, англ. *ere* "bevor" /Клюге, 89/;

OE клn "светлый"(кет., югск. ${}^2\text{кл?n}$, *клавa* "светлый", асе. *tu-gan-a*, кот. *tu-kan-a* "светло"), двн. *skīnan*, англ.-сакс. *есīnan*, др.-сев. *skīna*, швед. *ekina*, гот. *skeinan* "светить"; ср. также герм. скаuni , двн. *скōni* и т.д. "красивый";

ОЕ *ren "поварёжка" (кет. ²hi?n', югск. ²fi?n "поварёжка", ар. kul-ph'an, кот. хал-рен "ложка"), двн. рfanna, нидерл. ran, англ.-сакс. рfonne, англ. ran "сковорода";

ОЕ *t'ip "собака" (кет. ¹ti'p, югск. ¹čip, ар. il-šar, кот. al-šip "собака"), нем.диал. tšaur "сука";

ОЕ *one/*oge "луг", "поле" (кет. ³u:, югск. ³ou, кот. o:x, pl. o:gaз "луг"), двн. ouwa, ава "заливной луг", "земля, омываемая водой" (ср. также немецкие топонимы на -au типа Iwagaui);

ОЕ *enale "острога" (кет. ⁴el'/⁴e:l', югск. ⁴e^h:l' "острога"), герм. *al-/ *ēl- "шило": др.-исл. alr, др.-англ. æl, āl, др.-сакс. āl, двн. āla "шило"/Зализн. 1965, 191/;

ОЕ *an "остров" (кет. ¹e·j/¹e·ji, югск. ¹ej "остров"), др.-исл. ey, др.-англ. īez, ēz, īz, фриз. ei-land "остров";

ОЕ *dane "ель" (кет. ¹du'n', югск. ¹dun, ар. асс. tin, пумп. dун'е, кот. tini, ti:ni "ель"), герм. *danwo- "ель": двн. tanna, др.-сакс. danna, др.-голл. dēnnja, голл. den "ель";

ОЕ *a'in "бедро" (кет. ²ai?, югск. ²a'i? "бедро", "комель"), герм. *reuh-: др.-исл. řiō, др.-англ. řeo(h), двн. dioh "верхняя часть бедра"/Зализн. 1963, 144/;

ОЕ *dalq "жить", "жизнь" (кет. ²dal?q, югск. ²dal?x "жить"), гот. řeihan, gařeihan, двн. (gl)dīhan "хорошо расти", "развиваться", "уродиться";

ОЕ *den/*deg "озеро", "болото" (кет., югск. ²de?, ар. kur-t'u, асс., кот. ur-teg "озеро", югск. dēnniç "озёра", "болото"), герм. *dik-: др.-исл. diki "ров", "болото", др.-сакс. dik "пруд", двн. dih, свн. tiçh "ров", "пруд", "болото"/Зализн. 1965, 182/;

ОЕ *qot "огонь" (очаг): кет. ²qo?t, югск. ²xo?t "жечь", "жарить"; ар. qott/qot, асс. hat, кот. xott/xot/hat "огонь"; герм. *xit- "жар", "жара": гот. *haitjan, англ. to heat, нем. heizen

✓ OE *baġe "кряж", "бревно" (кет. ¹*ba·y*/¹*ba·ye*, югск. ¹*ba·k*, кот. ре: *g*/*re:x* "бревно", "чурбак", "кряж"), герм. **baġ-*, **baġn-*, **baum-* "дерево": днн. *boom*, гот. *bagms*, др.-швед. *bagn* "дерево", др.-фриз. *bām* "дерево", "жердь", англ. *beam* "дерево", "балка", др.-сакс. *bōm* "дерево"/Зализн. 1965, 22 /;

✓ OE *boŋ "покойник" (кет. ¹*bo·ŋ*, югск. ¹*boŋ*), герм. **ban-* "смерть", "гибель", "убийство", "убийца": др.-исл. *bani*, днн. *vano*, др.-сакс. *vano* /Зализн. 1963, 153/ и т.д.

Если приведённые параллели сопоставимы, то возможна, на наш взгляд, следующая их интерпретация: наблюдающиеся в сопоставляемых словах звуковые соответствия позволяют предполагать разные хронологические пласты, один из которых как будто укладывается в рамки гуннской эпохи в Европе; большинство же подобных параллелей являются сохранившимися в германских языках наследием, отражающим древние енисейско-индоевропейские языковые контакты в Азии (ср. Т.В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов 1984, т. II, с. 555).

Литература

Зализняк А.А. Материалы для изучения морфологической структуры древнегерманских существительных. — Этимология. М., 1963.

Зализняк А.А. Материалы для изучения морфологической структуры древнегерманских существительных. — Этимология. М., 1965.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. I, М., 1964; т. II, М., 1967.

Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, 2-te Aufl., Heidelberg, 1910.

Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Straßburg, 1899.

Paul H. Deutsches Wörterbuch. Halle (Saale), 1961.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I, Bern-München, 1959.

Friedrich J. Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952.

К РЕКОНСТРУКЦИИ ЧУКОТСКО-КОРЯЖСКОГО СИНГАРМОНИЗМА

По соответствиям в чукотско-коряжском праязыке восстанавливаются двенадцать гласных фонем, образующих три сингармонистических ряда:

I	ε	ɪ	u	ə
II	a	e	o	ɔ
III	ɑ	ɨ	ʊ	ɘ

В коряжском они дают следующие гласные: I - e, ɪ, u, ə; II - a, e, o, ə; III - a, ɪ, u, ə. В чукотском и паланском совпадают I и III ряды в рефлексах I-го ряда. Вызывает неко-

Таблица 1

v ₁ \ v ₂	ɪ	u	ɑ	ə	∅
ɪ	+	+	+	+	+
ɨ			+	+	+
e			+	+	
u	+		+	+	+
ʊ					
o			+	+	+
ε	+	+	+	+	+
ɑ	+		+	+	+
a	+	+	+	+	+
ə	+	+	+	+	+
ɔ	+		+	+	
ɔ	+	+	+	+	+

торое сомнение постулирование трех рядов сингармонизма, что типологически не типично для сингармонистических языков. К тому же в чукотско-корякских языках наблюдается сингармонизм по подъему, а не по ряду, что судя по примеру некоторых тунгусо-маньчжурских языков является вторичным развитием сингармонизма по ряду.

Анализ словарного материала показывает, что реально наложены сильные ограничения на встречаемость фонем внутри основ (см. табл. 1):

В основах *l вторично. Контексты вида *dʃl* происходят из **qʃo-*, **ʃilʃd-* из *oʃilʃa, а *ʃʌr-* - из **ʃʌr-*.

Эти данные можно интерпретировать следующим образом. В прачукотско-корякском было два ряда сингармонизма и девять гласных:

I	e	i	u	ə
II	a	o	i̇	u̇

На раннем этапе произошел структурный перелом, и прачукотско-корякские гласные развивались так:

Таблица 2

$v_1 \backslash v_2$	i	e	ə	u	ϕ
i	i - i	i - ε	i - ə	i - u	i
e	ε - i	ε - ε	ε - ə	ε - u	ε
ə	ə - i	ə - ε	ə - ə	ə - u	ə
u	u - i	u - ε	u - ə	ǎ - ǎ	u

$V_1 \backslash V_2$	$\underset{>}{i}$	$\underset{>}{a}$	$\underset{>}{b}$	$\underset{>}{o}$	$\underset{>}{u}$	$\underset{>}{\emptyset}$
$\underset{>}{i}$		$\underset{>}{i} - \underset{>}{a}$	$\underset{>}{i} - \underset{>}{b}$	$\underset{>}{e} - \underset{>}{a}$	$\underset{>}{e} - \underset{>}{b}$	$\underset{>}{i}$
$\underset{>}{a}$	$\underset{>}{a} - \underset{>}{i}$	$\underset{>}{a} - \underset{>}{a}$	$\underset{>}{a} - \underset{>}{b}$			$\underset{>}{a}$
$\underset{>}{b}$	$\underset{>}{b} - \underset{>}{i}$	$\underset{>}{b} - \underset{>}{a}$	$\underset{>}{b} - \underset{>}{b}$	$\underset{>}{b} - \underset{>}{a}$	$\underset{>}{b} - \underset{>}{o}$	$\underset{>}{b}$
$\underset{>}{o}$	$\underset{>}{a} - \underset{>}{e}$		$\underset{>}{a} - \underset{>}{b}$	$\underset{>}{a} - \underset{>}{a}$	$\underset{>}{a} - \underset{>}{o}$	$\underset{>}{a}$
$\underset{>}{u}$	$\underset{>}{b} - \underset{>}{e}$		$\underset{>}{o} - \underset{>}{b}$	$\underset{>}{o} - \underset{>}{a}$		

По-видимому, в контексте $\underset{>}{b}-\underset{>}{b}$ совпали старые контексты $\underset{>}{*b}-\underset{>}{b}$ и $\underset{>}{*u}-\underset{>}{*u}$. Лакуны в ряду с $\underset{>}{*a}$ объясняются тем, что еще на самом раннем этапе действовало уподобление по огубленности и $\underset{>}{*a}-\underset{>}{u}$, $\underset{>}{*a}-\underset{>}{o}$, $\underset{>}{*o}-\underset{>}{a}$, $\underset{>}{*u}-\underset{>}{a}$ совпали с $\underset{>}{*o}-\underset{>}{u}$, $\underset{>}{*o}-\underset{>}{o}$, $\underset{>}{*o}-\underset{>}{o}$, $\underset{>}{*u}-\underset{>}{o}$. В результате той же ассимиляции по огубленности $\underset{>}{*i}$ перешло в $\underset{>}{e}$ рядом с $\underset{>}{*u}$, $\underset{>}{*o}$. [В словах *seget* "насмешка" и *esegtya* "наперекор" вторичное $\underset{>}{e}$ возникло под аналогичным влиянием губного $\underset{>}{u}$]. $\underset{>}{*u}$ перешло в $\underset{>}{b}$ рядом с гласным верхнего подъема $\underset{>}{*i}$. Интересно, что при акцентуации редупликатов в чукотском языке гласный типа $\underset{>}{A}$ самый сильный (акцентологически), потом идет гласный типа $\underset{>}{I}$, и лишь потом типа $\underset{>}{U}$ и $\underset{>}{\emptyset}$. Возможно, это является архаизмом, и контексты $\underset{>}{*i}-\underset{>}{u}$ и $\underset{>}{*u}-\underset{>}{i}$ несли ударение на $\underset{>}{*i}$, что и привело к редукции $\underset{>}{*u}$ и переходу $\underset{>}{*u}$ в $\underset{>}{b}$.

Попытку реконструировать для пратюркского анлаута оппозицию по звонкости-глухости впервые предпринял В.М.Иллич-Свитыч (Алтайские дентальные // ВЯ.1963, № 6, с. 37-56; Алтайские гуттуральные // Этимология 1964, М., 1965, с. 338-343). В этих работах предполагается, что старые звонкие (слабые) дали бесперебойные звонкие рефлексy в огуз. языках, бесперебойные слабые в саянских; старые глухие (сильные, придыхательные) дали перебой звонкости-глухости (соответственно, силы-слабости) в этих группах; варьирование рефлексов второго типа не объяснялось¹. Более традиционна точка зрения на анлаутное противопоставление - что в огузских и саянских языках оно вторично и возникло вследствие междидалектного варьирования. Однако при увеличении объема алтайских сопоставлений действительно обнаруживается, что огузская и саянская оппозиция имеют некоторые генетические корни, хотя и не тождественные предположенным В.М.Иллич-Свитычем. Так, полная роспись материала по начальным t/d позволяет обнаружить сложную систему распределения рефлексов². Оказывается, что в огузских языках наблюдается в основном три ряда соответствий: а) тур., гаг., аз., туркм. d, б) тур., гаг., аз., туркм. t, в) тур., гаг. t, аз., туркм. d (только в заднеряд-

¹ Более упрощенно рассматривается эта рефлексация в Старостин 1991, с. 13, а именно, вторичными считаются показания всех языков, кроме турк. и аз.

² Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность О.А.Мудраку, с которым мы неоднократно обсуждали данную проблематику, и который любезно предоставил мне свою роспись тофаларских материалов по работам В.И.Рассадиной и тувинских по источникам, отмечающим фарингализацию.

ных словах). Последний ряд, по-видимому, включает в себя те слова, которые в современном турецком произносятся с начальным непридыхательным *t* (как это отмечено у Кондратьева – см. Вводный фонетический курс турецкого языка, с. 15) и, возможно, записывались преимущественно с помощью эмфатического *t̤* в староранатолийских памятниках. Кроме того, в аз. в позиции /V_k- регулярно происходит оглушение начального *d*; в туркм. литературном языке встречаются нерегулярные оглушения в словах, которые легко опознаются как кыпчакские заимствования. В саянских языках имеются следующие вторичные перераспределения: 1) в тув., если инлаутный согласный несет фарингализацию, при закрытом слоге начальный согласный глухой, при открытом – звонкий (синхронный процесс!); 2) в случаях, когда срединный придыхательный (фарингализованный) *k* или *p* выпадает (ср. тув. *тос* ‘девать’, *сес* ‘восемь’), в тувинской орфографии и тофаларской транскрипции В.И.Рассади́на начальный согласный регулярно записывается как *t* (придыхательный); аудирование соответствующих тувинских примеров позволяет достаточно четко слышать *непридыхательный* начальный *t*, за которым следует сильное придыхание на гласном³.

Получаются следующие типы распределений:

1) Шумный звонкий в инлауте, долгота гласного нерелевантна: нейтрализация противопоставления: в огуз. все рефлексы *d*, в саян. *d*; в случае пратюрк. инлаутного *δ, который закономерно отражается в саян. как *t* с фарингализацией, в тув. (при закрытом слоге) *d* > *t* (по вышеуказанному правилу). Т.о. в ПТ произошло тотальное озвончение в соответствии как с алт. *d, так и с алт. *t.

С кратким гласным: 1. ‘Рожать’ тур. *doγ-*, гаг. *doγ-*, аз. *doγ-*, турк. *doγ-*, хор. *doγ-*; ПТ **Dog-*, ТМ **tugu-* ‘тели-тсья, цениться’. 2. ‘Мешок’ – тур. *daγar*, гаг. *daar*, аз. *daγar*,

³ Аудирование производилось в 1989 г. О. А. Мудраком и мной, диктор – П. Серен, которая согласилась с нашей интерпретацией.

турк. (*taɣar*⁴), тув. *t'aar* (< *dɨ-*, или из монг.). ПТ *Dagar (заимств. в монг. *taɣar*). 3. 'Сокол' тур. *doɣan*, гаг. *ɕuan*, *ɕijan* (из монг. *tujiɣan*). 4. 'Касаться' тур. *deɣ-*, гаг. *dej-*, аз. *dəj-*, турк. *deg-*, хор. *dej-*, тув. *deɣ-*, тоф. *deɣ-*. ПТ **Deg-*, монг. *dege-* 'зацепляться'. 5. 'Нет' тур. *deɣil*, гаг. *ɕiil*, аз. *dejil*, турк. *dəl*, хор. *iil* (позиционное?). ПТ *Degil. 6. 'Стоить' тур. *deɣer-*, аз. *dəjer-*, турк. *deger-*. ПТ **Deger-*. 7. 'Достичь' тур. *deɣ-*, аз. *dəj-* 'созреть', турк. *deg-* 'попасть в цель'. ПТ **Deg-*. 8. 'Бить' тур. *döv-*, гаг. *ɕüü-*, аз. *döj-*, турк. *döv-*, хор. *döv-*. ПТ **Dög-*, ТМ **dug-* 'бить, колотить'. 9. 'Палка' тур. *deɣmek*, гаг. *dejnək*, аз. *dəjnək*, турк. *degenek*. ПТ *Degnek. 10. 'Застегивать' тур. *düɣ-*, гаг. *ɕüü-*, аз. *düj-mə* 'пуговица', турк. *düv-*, *düg-*, хор. *düme* 'пуговица', тув. *düj-/düɣ-*, тоф. *düɣ-*. ПТ **Düg-* (из тюрк. монг. *tüjime* 'пуговица'). 11. 'Меняться' тур. *deɣis-*, гаг. *ɕiis-*, аз. *dəjis-*, турк. *degis-*. ПТ **Deg-is-*. 12. 'Тот' тув. *döö*, тоф. *dee*. ПТ *Degü, монг. *te-*, ТМ **ta-*. 13. 'Вертеть' тур. *deɣir-* (*deɣir-mi* 'круговой, кольцо'), аз. *dijir-* (*dəjir-mi* 'круговой, кольцо'), турк. *degre-*, хор. *dijržek* 'кольцо', тув. *deerbek* 'кольцо', тоф. *deerbek* 'кольцо'. ПТ **Degi-r-*, монг. *teɣü-ge* 'круг'. 14. 'Опрокинуть' тур. *devir-*, гаг. *devir-*, аз. *dəvir-*, турк. *deril-* (Pass.). ПТ **Debir-*. 15. 'Телка' тур. *düve*, гаг. *ɕüvä*, аз. *düjə*, турк. *tüve* (кыпчак.). ПТ *Dübe. 16. ? 'рис' аз. *düji*, турк. *tüvi* (кыпч.). 17. 'Насыщаться' тур. *doj-*, гаг. *doj-*, аз. *doj-*, турк. *doj-*, хор. *doj-*, тув. *to't-*, тоф. *do't-*. ПТ **Doð-*, монг. *tosun* < *tod-sun 'жир'.

С долгим гласным: 18. 'Гора' тур. *daɣ*, гаг. *ɕaa*, аз. *daɣ*, турк. *dāɣ*, хор. *dāɣ*, тув. *daɣ*, тоф. *daɣ*. ПТ *Dāɣ, монг. *tajiga*; 19. 'Клеймо' тур. *daɣ*, гаг. *ɕaa*, аз. *daɣ*, турк. *dāɣ*. ПТ *Dāɣ. 20. 'Рассыпаться' тур. *daɣıl-*, гаг. *ɕaɣa-*, аз. *daɣıl-*, турк. *dāɣa-*, хор. (Caus.) *dāɣıt-*, караг. *daɣı-*. ПТ **Dāɣı-*, монг. СС *daɣı-* 'отпасть от кого-л.'. 21. 'Запруда,

⁴ *Taɣar* *çik* 'пенный пузырек у верблюда'; видимо, кыпчакизм.

запружать' турк. *dū-la-*, тув. *dug-la-*, тоф. *duγ*. ПТ **Dūg-*, ТМ **tuki-* 'ловить в узкой протоке сетью'.

2) Шумный глухой в инлауте (озвончающийся в огуз. после долгого гласного), долгий гласный:

Пратюрк. *d - огуз. *d* (с оглушением в аз.), саян. *d* в соответствии с алт. *d: 1. 'Губа' тур. *dudak*, гаг. *dudak*, аз. *dodag*, турк. *dūdak*. ПТ *dūtak, ТМ *dudakta 'древесный гриб'. 2. 'привыкать' тур. *dada-*, гаг. *dada-*, аз. *dada-*, тув. *dadīg-*. ПТ **dādī-*, мо. *dadu-* 'привыкать'. Ср. ниже контаминированный 'вкус'. 3. 'спешить' тур. *davran-*, гаг. *davran-*, аз. *davran-*, турк. *dābira-*, хор. *davrən-*, тоф. *āīrak* 'торопливый' (ср. др.-уйг. *tafra-*). ПТ **dāpīra-*, мо. *dabi-* 'подгонять', *dab-ki-* 'спешить'. 4. 'дно, корень' тур. *dip-*, гаг. *dip*, аз. *diб*, турк. *dūjp*, хор. *dīw*, тув. *āip*, тоф. *dūp*. ПТ *dūp, ТМ *dube 'конец'. 5. 'ступка' тур. *dibek*, гаг. *dūbek*, аз. *dibek* (видимо, производное по тому же корню). 6. 'сопротивляться' тур. *didin-*, гаг. *didin-*, аз. *didis-*, тув. *didin-*, тоф. *didim* 'смелый'. ПТ **dīti-*. 7. 'папа' тур. *dede*, гаг. *dedä*, аз. *dədə*, турк. диал. *də:de*. ПТ *dēde (детск. слово).

Ср. с дифтонгом: 8. 'трепать шерсть' тур. *dit-*, *didik*, гаг. *dit-*, аз. *dit-*, *didik*, турк. *tūjt-/dūjt-*, хор. *dīt-*, тув. *āit-*, тоф. *āit-*. ПТ **dūjt-*. 9. (?) 'флейта' тур. *dūdük*, гаг. *dūdük*, аз. *dūdük*, турк. *tūjdük* (развитие перед дифтонгом?). ПТ *dūjdük.

Пратюрк. *t - огуз. *t* по всем языкам, саян. *d* в соответствии с алт. *t:- 1. 'брыкаться' турк. *tapir-da-/tabir-da-*, тув. *toorgo* (*dhoorgo*), тоф. *d/toorgo* 'скакун'. ПТ **tāpur-*. 2. 'вить, крутить' аз. *tov-la-*, турк. *tov-la-*. ПТ **tōp-la-*, ТМ **tum-* 'наматывать'. 3. 'острие, спица, клинок' тур. *tīg*, аз. *tix*, турк. *tīg*. ПТ *tīk. 4. 'острие' тур. *tig*, аз. *tije*, тув. *āün-*, тоф. *āün-* 'резать'. Возможно, тот же корень (*tijk-?). 5. 'волос' тур. *tūj*, гаг. *tūj*, аз. *tūg*, турк. *tūj*, хор. *tūj*, тув. *dūk*, тоф. *dūk*. ПТ *tūk, ТМ *tujkikta 'кожа с волосами'. 6. 'сохнуть' аз. *təpi-*, турк. *tebi-*. ПТ **tēpi-* (?).

Ср. 7. старое заимствование: 'чашка' тур. *tabak*, аз.

tabag, турк. *tābak*, хор. *tāvat*, тув. *taak* (*dhaak*), тоф. *taaq* (*dhaaq*) (из араб.? см. VEWT); ср. еще 8. перс. *tāp*- 'обманывать' > тур. *taula-*, аз. *tovla-*; 9. старое заимствование из кит. 'знамя' тур. *tug*, гаг. *tug*, аз. *tug*, турк. *tüg* (тув. *tuk* из монг.); 9. бродячее слово 'подкова' хор. *taqa*, тув. *daga*, тоф. *daha* (монг. *taka*).

Выпадает из данного распределения 'ступня' тур. *taban*, гаг. *taban*, аз. *daban*, турк. *dāban*, хор. *tāwan*, тув. *davan*, тоф. *damun*. ПТ *tāpan, ср. монг. *tabag*. Ср. не вполне обычную рефлексацию срединного согласного; ср. ниже аналогичное развитие начальных дентальных перед *t, *l при долгом гласном. Возможно, в интервокале первоначально глухой сонант?

3) Шумный глухой в инлауте, краткий гласный:

Пратюрк. *d - огуз. *d*, саян. *t* (тув. *t/d* по вышеназванным правилам): 1. 'ткать' тур. *doku-*, гаг. *doku-*, аз. *toxu-*, турк. *dokī-*, хор. *doqī-*. ПТ **doku-*, ТМ **duxu-* 'вить веревку', монг. *toku-* 'плести' (с закономерным оглушением перед алт. **-k-*). 2. 'трогать, касаться' тур. *dokun-*, гаг. *dokun-*, аз. *toxun-*, тув. *ton-ur-* (*dhonur-*). ПТ **dok-un-*, ТМ **dux-* 'бить, колотить', монг. *tokija-* 'встречаться, совпадать, случаться' (с таким же оглушением). 3. 'втыкать' тур. *dik-*, гаг. *dik-*, аз. *tik-*, турк. *dik-*, тув. *ti'k-/diger*. ПТ **dik-*, ТМ **dī-* 'шить', монг. *či-či-* 'то же' (оф оглушении начала при палатализации в мо. см. Старостин 1991, с. 119-120). 4. 'строить' тур. *dik-*, аз. *tik-*, турк. *dik-*. ПТ *dik. 5. 'пролить, просыпать' тур. **dök-*, гаг. *dök-*, аз. *tök-*, турк. *dök-*, тув. *tö'k-/döger*, тоф. *tö'k-*. ПТ **dök-*, крайне сомнительно сближение с монг. *tügü-* 'распространяться' (VEWT 493). 6. 'шить' тур. *dik-*, гаг. *dik-*, аз. *tik-*, турк. *dik-/tik-* (кыпчакизм?), тув. *tig* 'шов' (< *tik-ig). ПТ **dik-*, якут. > эвенк. *tige-*.

Пратюрк. *t - огуз. *t* (в переднерядных словах - с озвончением в туркм. перед *p*; перед *k* в заднерядных словах огуз. *t/d* (с оглушением в аз.), саян. *t* (тув. *t/d* по вышеназванным правилам).

А) 1. 'лодыжка/коленная чашечка' тур. *topuk*, гаг. *topuk*, аз. *topuğ*, турк. *topik*, хор. *topək*, тув. *do'vuk*, тоф. *to'ruk*.

ПТ *topik, ТМ *tabi-, монг. tojin. 2. 'мяч' тур. top, гаг. top, аз. top, турк. top, хор. top. ПТ *top, монг. topci, tobur- 'шарообразный'. 3. 'собирать' тур. top-la-, гаг. top-la-, аз. top-la-, турк. top-la-, тув. top-ta- (форма из словаря, фарингализация может быть неотмечена). ПТ *top-la-, ТМ *tau-/tam- 'собирать'. 4. 'пыль' тур. toprak, гаг. toprak, аз. torpag, турк. toprak, хор. topraq, тув. do'vurak, тоф. to'prak. ПТ *topirak, монг. tojarag 'то же', ТМ *tukala 'почва' (ПА *tokp'ar-). 5. 'искать' тур. tapis-, аз. tap-, турк. tap-, хор. tap-, тув. ti'p-/di'var, тоф. ti'p-. ПТ *ta/ip-, монг. taqa- 'отгадывать', ТМ *tak- 'узнать, заметить' (ПА *takp'-). 6. 'поклоняться' тур. tap-in-, аз. tapin-. ПТ *tap(-in)-, монг. taji- 'то же' (ср. taki-l 'жертва' - из тунг.?). ТМ *taxu- 'шаманить, лечить' (ПА *tak'p'-). 7. 'держатъ' тур. tut-, гаг. tut-, аз. tut-, турк. tut-, тув. tu't-/du'dar, тоф. tu't-. ПТ *tut-, монг. totu- 'abhalten', ТМ *tokto- 'держатъ' (ПА *toktu-). 8. 'загораться' тур. tutuŝ-, турк. tutuŝ-. ПТ *tutuŝ- (возможно, тот же корень). 9. 'парализованный' тур. tutuk, тув. doçug, тоф. to'tug. ПТ *totug (в тур. - контаминация с tut- 'держатъ'). 10. 'полный/кончатся' тур. tüken-, гаг. tüken-, аз. tüken-, турк. tükel, хор. tükel, тув. dö'gü-, тоф. tön-. ПТ *tüke-, ТМ *tujke- 'падать, кончатся', монг. tögüs 'полный, завершённый'. 11. 'козел' тур. teke, гаг. tekä, аз. təkə, турк. teke, хор. teke, тув. de'ge, te (dhe), тоф. dehe. ПТ *teke, монг. teke (из тюрк.?). 12. 'катать/колесо' тур. teker-lek, гаг. teker-lek, аз. təkər-, турк. teker-, тув. teger- 'кружиться'. ПТ *teker-, монг. tögüre-g 'колесо, круг'. 13. 'шип' гаг. tiken, аз. tikən, турк. tiken, хор. tiken, тув. ten (dhen), тоф. de'hen. ПТ *tiken. 14. 'пестрый' тур. tekir, аз. təkir. ПТ *tekir. 15. 'ровный' турк. tekiz, хор. tekiz: ПТ *tekir, монг. tegsi 'то же' (из тюрк.). 16. 'кусочек' тур. tike, аз. tikə, турк. tike. ПТ *tike. 17. 'дымить/табак' тур. tütän-, гаг. tüt-, аз. tütün, турк. tüt-, тув. di'däŝ-. ПТ *tüt-.

Б) 18. 'снежная буря' тур. tipi, аз. tipi, тув. di'vü, тоф. tö'pö. ПТ *tipi, ТМ *teukse 'пурга'. 19. 'пинать' тур.

тер-, гаг. *ter-*, аз. *tər-*, турк. *ḍer-*, хор. *ḍer-*, тув. *te'p-/de'ver*, тоф. *te'p-*. ПТ **ter-*, ТМ **ter-te-*, монг. *teγe-*. 20. 'ругаться' тур. *terin-*, аз. *tərin-*, турк. *ḍeriržik* 'ссора'. 21. 'засовывать' тур. *ter-*, аз. *tər-*, хор. *ḍer-*. ПТ **ter-*. 22. 'холмик/темя' тур. *tepe*, гаг. *tepe*, аз. *təpə*, турк. *ḍepe*, хор. *ḍepe*, тув. *tej* (*dhej* < **de'pej*). ПТ *tepe. 23. 'убить, зарубить' тур. *tepele-*, аз. *təpələ-*. ПТ **töpe-le-*.

В) 24. 'сытый' тур. *tok*, гаг. *tok*, аз. *tox*, турк. *dok*, хор. *doq*, тоф. *to'q*. ПТ *tok, монг. *togloji-* 'быть крупным, дородным'. 25. 'цеплять' тур. *tak-*, гаг. *tak-*, аз. *tax-*, турк. *dak-*, хор. *daq-*, тув. *ta'k-/da'γir*. ПТ **tak-*, ТМ **tax-* 'зацепиться'. 26. 'всовывать' тур. *tika-*, гаг. *tik-*, аз. *tixa-*, турк. *ḍik-*, тув. *ḍi'γir*, тоф. *tigi-* (Фарингализация не отмечена). ПТ **tik-*, ЮТМ **tiki-*, монг. *čiki-* 'то же'. 27. 'пожирать' тур. *tik-*, аз. *tix-*, турк. *ḍik-*. ПТ **tik-*.

4) Старое срединное сочетание шумный + сонант/шумный (в том числе геминаты):

**d-*: огуз. звонкий, саян. звонкий. 1. 'отвесный' тур. *dik*, гаг. *dik*, аз. *dik*, турк. *dik*, отым. глагол *dikg-er-*, хор. *dik*. ПТ *dikk (ср. турк., отсутствие оглушения в аз.), ТМ *žike, монг. *čike* 'прямой, отвесный' (ср. Старостин, там же). 2. 'Девять' тур. *dokuz*, гаг. *dokuz*, аз. *dogguz*, турк. *doqquz*, хор. *doqqız*, тув. *tos* (*dhos*), тоф. *dohos*. ПТ *dokkəz. 3. 'Девяносто' тур. *doksan*, аз. *doxsan*, (турк. *togsan* из кыпч.), хор. *doxsan*, тув. *tozan* (*dhozan*), тоф. *dohozon*. ПТ *dokkəz-on. 4. 'Кромсать' тур. *doğra-*, гаг. *doora-*, аз. *doğra-*, турк. *doğra-*, хор. *dō(γ)ra-*, тув. *doora-*, тоф. *doora-*. **doğra-*, ТМ **čura-*. 5. 'Прямой' тур. *doğru*, гаг. *doğru*, аз. *doğru*, турк. *doğru*, хор. *dō(γ)rə*, тув. *doora*. *dog-rə, монг. СС *doyi-* < *dogi-* 'in Ordnung halten, zurecht machen'. 6. 'шевелить, побуждать' тур. *depre-*, гаг. *debre-*, аз. *dəbər-*, турк. *depre-*, хор. *derpe-t-*, тоф. *diri-le-*. ПТ **depre-*.

**t-*: огуз. глухой, саян. глухой. 1. 'ягненок' тур. *toklu*, гаг. *toklu*, аз. *toglu*, турк. *toklü*, тув. *togdu*. ПТ *toklu, ТМ *tuku-čan 'оленинок', монг. *tugul* 'теленка' (> тоф. *tutul*). 2. 'курица' тур. *tauk*, гаг. *tauk*, аз. *tajuk*, турк.

toluk, хор. *touq*, тув. *dagaa*, тоф. *taqīhaq*. ПТ *takjok, монг. *takija* 'то же'. 3. 'пряжка' тур. *toka*, аз. *logga*, турк. *toka*, тув. *tol* (< *toka-l?*). ПТ *tokka, ТМ *toxon 'застежка'. 4. 'бить, стучать' тур. *tokuş-*, аз. *togguş-*, тув. *tokku-la-*. ПТ **tokku-*, ТМ **tok-ta-* 'колотить', монг. *tog-si-* 'то же'. 5. 'колотушка' тур. *tokmak*, гаг. *tokmak*, аз. *toxtag*, турк. *tokmak*, тув. *tokrak* 'полено'. Тот же корень. 6. 'успокаиваться' тур. *tokta-*, аз. *toxta-*, туркм. *togta-*, тув. *doktaa-*, тоф. *to'kta-*. ПТ **tokta-*. 7. 'дубина' тур. *topuz*, аз. *topruz*, турк. *topaz*. ПТ *toppoz. 8. 'харкать' тур. *tükür-*, гаг. *tükür-*, аз. *tüpür-*, турк. *tüjkür-*, тув. *dükpür*⁵, тоф. *tükkür-*. ПТ **tüpkür-*, ТМ **tup/mi* 'плевок'. 9. 'испытывать отвращение, бояться' тур. *tiksen-*, аз. *diksin-*, турк. *tiksin-*. ПТ **tik-si-n-* (неясна звонкость в аз.), ТМ **tikun-* 'сердиться'. 10. 'шевелиться' тур. *terpe-*, гаг. *terpe-*, аз. *tərpən-*, турк. *terpen-*. ПТ **terpe-*. 11. 'трепетать' тур. *titre-*, гаг. *titire-*, аз. *titrə-*, турк. *titre-*, тув. *di'tile-*. ПТ **tit(i)re-*, монг. **čičire-* 'то же'. 12. 'дым' тур. *tütsü*, аз. *tüstü*, турк. *tüsse*. ПТ *tüt-sü (к **tüt-* 'дымить').

5) Срединное *š, в том числе в сочетаниях с другими согласными: нейтрализация:

задн. ряд тур., гаг. *t*, аз., туркм. *d*; саян. *d* (и фарингализация). 1. 'внешний' тур. *taš*, аз. *daš*, турк. *daš*, тув. *da'š*, тоф. *da'š*. ПТ *Daš, ТМ *talgi 'далеко от берега'. 2. 'переправляться' тур. *taši-*, гаг. *taši-*, аз. *daši-*, турк. *daši-/a-*, хор. *dašə-*, тув. *da'ži-*, тоф. *daži-*. ПТ **Daši-*, монг. *tauli-* KWb 413 'то же'. 3. 'лед' тув. *do'š*, тоф. *do'š*. ПТ *Doš. 4. 'пищуха' тув. *da'žirgan*, тоф. *da'žirgan*. 5. 'testiculi' тур. *tašak* (халадж. *taššak*). ПТ *Daššak (заим. в монг. *tašija* 'ляжки, зад'), ТМ *talbi 'бедро'. 6. 'пути'

⁵ Еще одно собственно тув. озвончение: по-видимому, регулярно при сочетании двух разноместных шумных; ср. *doktaa-* 'успокаиваться' при *togdu* 'ягненок' < *toklu*, *tokrak* 'полено' < *tokmak*.

турк. *duşak*, хор. *čušač*, тув. *du'ža-*, тоф. *duša-* 'спутывать'. ПТ *Duščak. 7. 'камень' тур. *taş*, гаг. *taş*, аз. *daş*, турк. *dāş*, хор. *dāš*, тув. *daş*, тоф. *daş*. ПТ *Dāş, ТМ *žolo, монг. *čilarun* (об оглушении начала при палатализации в мо. см. Старостин 1991, с. 119-120). 8. 'меткий/попадать, встречать' аз. *tuş*, турк. *āuš*, тув. *auş*, тоф. *auş*. ПТ *Dūş (неясна глухость в аз.). 9. 'переливаться через край' тур. *taş-*, гаг. *taş-*, аз. *daş-*, турк. *dāş-*, хор. *daş-*, тув. *da'ž-*, тоф. *da's-*. ПТ **Dāšš-* (?), ТМ **tülka-* 'разливаться' (о реке).

Передний ряд: огуз. **d-*, саян. *d-*. 10. 'стелить/тюфяк' тур. *döş-*, гаг. *döş-*, аз. *döşe-*, турк. *döşe-*, хор. *döšek*, тув. *dö'že-*, тоф. *dö'žek-*. ПТ **Döş-*, ТМ **tule-* 'растянуть, распылить'. 11. 'дыра/дырявить' тур. *deş-*, гаг. *deş-*, аз. *deş-*, турк. *deş-*, хор. *deş-*, тув. *de's-/de'zer*, тоф. *de's-*. ПТ **Deş-*, ТМ **delki-*, монг. *delbe-* 'дырявить'. 12. 'думать' тур. *düşün-*, гаг. *düşün-*, аз. *düşün-*, турк. *düşün-*. ПТ **Düşün-*, ТМ **tulbi-* (эвен. 'разглядывать', ма. 'обдумывать') ССТМЯ II 210. 13. 'падать' тур. *düş-*, гаг. *düş-*, аз. *düş-*, турк. *düş-*, хор. *čüş-*, тув. *du's-*, тоф. *düş-*. ПТ **Düş-*, монг. *döli-* 'наклоняться'. 14. 'купаться' турк. *düşün-*. 15. 'склон' аз. *döş*, хор. *döš*, тув. *dö's*. ПТ *Döš, монг. *dölige* 'то же'. 16. 'самка' тур. *dişi*, гаг. *dişi*, аз. *dişi*, тув. *di'zi*. ПТ *Dişi. 17. 'зуб' тур. *diş*, гаг. *diş*, аз. *diş*, турк. *diş*, хор. *diş*, тув. *diş*, тоф. *diş*. ПТ *Dīş. 18. 'бок, грудь' тур. *döş*, аз. *döš*, турк. *döš*, хор. *döš*, тув. *döš* (тодж.), *töš* (литер.), тоф. *döš*. ПТ *Döš, ТМ *tulgen, ма. *tulu* 'грудь'. 19. 'сновидение' тур. *düş*, гаг. *düş*, турк. *düş*, хор. *düş*, тув. *düş*, тоф. *düş*. ПТ *Düş, ТМ *tolkin 'то же', монг. *tölgü* 'предсказание'. 20. 'полдень' турк. *tüş/tüş* (кыпчакизм?), тув. *dü's*, тоф. *düş*. ПТ *Düş или *Düş*, ТМ *dölin, монг. *düli* 'середина'.

6) Срединное *z:

Малое количество примеров указывает скорее на нейтрализацию при кратком гласном: огуз. *d*, саян. *d*: 1. 'лысый, лысина' тур. *daz*, аз. *daz*, турк. *daz*, тув. *tas/das*, тоф. *das*. ПТ *Daz, монг. *tara-kai* 'то же'. 2. 'убегать' аз. *äzič-*, турк. *äza-*. 3. 'корень' тув. *dazıl*, тоф. *dazıl*. ПТ *Dazıl.

4. 'ровный' тур. *düz*, гаг. *düz*, аз. *düz*, турк. *düz*, хор. *düz*, тоф. *düs*. ПТ *düz, ПА *č- (см. Старостин 1991, с. 13).
 5. 'терпеть' аз. *döz-*, турк. *döz-*, тув. *döz-*. ПТ **döz-*, ✓
 монг. *türe-* 'нуждаться'. 6. 'нанизывать' тур. *diz-*, гаг. *diz-*, аз. *düz-*, турк. *düz-*, хор. *diz-*, тув. *dis-*, тоф. *dis-*. ПТ **düz-*, монг. *dürü-* 'то же'. 7. 'поводья' тур. *dizgin*, аз. *dizgin*, (?) тув. *đin*. ПТ *Dizgin. 8. (?) 'корень' тув. *dös*, тоф. *dös*. ПТ *Döz. 9. 'коленище' тур. *diz*, гаг. *diz*, аз. *diz*, турк. *điz*, хор. *điz*, тув. *dis*. ПТ *Düzjz, ТМ *tujrekse 'го- ✓
 ленище', монг. *türej* 'то же'.

По-видимому, при *-z-* из старого сочетания согласных при кратком гласном выступает другой ряд соответствий: в заднем ряду огуз. *t/d*, саян. *đ*; в переднем ряду огуз. *t*, саян. *đ*:
 10. 'силок' тур. *tuzak*, аз. *duzak*, турк. *duzak*, хор. *duzaq*, тув. *duzak*, тоф. *duzak*. ПТ *Duzak, ТМ **turku-* 'попасть в ловушку', (?) монг. *tour* 'сеть'. 11. 'удирать' турк. *tez-*, тув. *des-*, тоф. *des-*. ПТ **Dez-*, монг. *tergile-* 'убегать'.
 12. 'скоро' тур. *tez*, аз. *tez*, турк. *tiz*, хор. *tez*. ПТ *Dejz, ср. ПТ *terk 'то же' VEWT 475 (сомнительно заимствование из перс. - VEWT 477, скорее перс. слово - тюркизм).
 13. 'кизяк' тур. *tezek*, гаг. *tezek*, аз. *təzek*, турк. *tezek*; (?) тув. *de's*, тоф. *de's* 'запекшаяся кровь'.

Возможное исключение: 14. 'жужжать' тур. *điz-*, гаг. *điz-*, аз. *điz-*, турк. *tizz-*, ср. ТМ **dirgi-* 'щебетать', монг. *žirge-* 'жужжать'; дескриптивное слово.

При долгом гласном - только заднерядные примеры; по-видимому, пратюрк. *d > тур., гаг. *t*; аз., туркм. *đ*, саян. *đ*:
 1. 'соль' тур. *tuz*, гаг. *tuz*, аз. *duz*, турк. *duz*, хор. *duz*, тув. *duz*, тоф. *duz*. ПТ *duz, ТМ *žujar 'кислый, горький'. монг. *dawur-sun 'соль' (см. Старостин 1991, с.49). Пратюрк. *t > огуз. *t*: 1. 'пыль' тур. *toz*, гаг. *toz*, аз. *toz*, турк. *töz*. ПТ *töz, ТМ *tore 'земля, почва'. 2. 'Борзая' тур. *tazı*, аз. *tazı*, турк. *tāzı*. ПТ *tāzı.

7) Интервокальный *j:

пратюрк. *d: огуз. *đ*, саян. *đ*: 1. 'мель' тур. *dajaz*, гаг. *dajaz*, аз. *dajaz*, турк. *t/dajiz*; тув. *tajis* 'редкая и невысокая (о траве)' (глухость неясна). ПТ *dajoz, ТМ

*dagur/n 'брод' (к *dagu- 'переправляться'). 2. 'чуять' тур. *duj-*, гаг. *duj-*, аз. *duj-*, турк. *duj-*. ПТ **duj-*, ТМ **döl-di-* (< **doyl-*) 'слышать', монг. *duyl-* 'то же'. 3. 'огромный' турк. *dajav*, (?) тув. *dag*, тоф. *dag* (контаминир. с *dag* 'гора'? в сочетании *dag irgek* 'самый крупный самец' и под.). ПТ *daj-agu, ТМ *dāji 'большой'. 4. 'надеяться' тур. *dajan-*, аз. *dajan-*, турк. *dajan-*, тув. *dajan-*. ПТ **dajan-*. 5. 'при-слонять' тур. *daja-*, гаг. *daja-*, аз. *daja-*, турк. *daja-*, тув. *daja-n-*. ПТ **daja-*, (?) ма. *daja-* 'то же'. 6. 'жимо-лость' тув. *daja*, тоф. *daʃa*. ПТ *daja. 7. 'старший родствен-ник по матери' тур. *dafi*, гаг. *dajka* (< *daj-aka*), аз. *dafi*, турк. *dāfi*, тув. *daaj*, тоф. *daaj*. ПТ *dāfi (см. VEWT 455), ТМ *dān 'род, из которого берут невесту'. 8. (?) 'няня' тур. *daje*, аз. *dajə*, турк. *dāja* (по фонетич. оформлению - персизм).

пратюрк. *t, огуз. *t*, саян. *d*: 1. 'пир' тур. *toj*, гаг. *toj*, аз. *toj*, турк. *toj*, хор. *toj*, тув. *doj*, тоф. *doj*. ПТ *toj, ТМ **toje-* 'угощать', монг. *toɣa-* 'то же' (ПА *toɣV). 2. 'дрофа' тур. *toj*, гаг. *toj*, аз. *toj*, турк. *toj*. ПТ *toj, монг. *toɣa-dag* (ПА **toɣɣa-*). Ср. с долгим гласным: огуз. *t*, саян. *t*(?): 3. 'поскользнуться' аз. *taj-*, турк. *tāj-*, тув. *taj-*, тоф. *taǰ-*. ПТ **taj-*; 4. 'равный' тур. *taj*, аз. *taj*, турк. *tāj*. ПТ *tāj. 4. (из перс.) тур. *tajfn*, аз. *taj*, турк. *tāj*. 5. (из перс.) 'сқирда, тюк' аз. *taj*, турк. *tāj*.

Особые рефлексy - при срединном сочетании *j* + сонант (все примеры - на алт. глухой, дающий в тюрк. частичное озвончение): задний ряд - тур., гаг., аз. *d*, турк. *t*, саян. *d*. 1. 'копыто' тур. *dufnak*, турк. *tufnak* (диал. *dofnak*), хор. *tujaq*, тув. *dujug*, тоф. *dujug*. ПТ *Dufnag, монг. *ɬuɣur* 'то же'. 2. 'посох' (частично сконтаминирован с **daja-* 'опираться'?) тур. *dajak*, аз. *dajag*, турк. *tajak*, тоф. *daʃaq*. ПТ **Daj(η)ak*, ТМ *toɣne-pin 'посох'. Передний ряд: огуз. *d*, саян. *d*. 3. 'вчера' (вторично связалось с *tün* 'вечер, ночь') тур. *dün*, гаг. *dün*, аз. *dünən*, турк. *düjn*, тув. *düün*, тоф. *düün*. ПТ *di-jün < *di-jni, ТМ *tijnew 'вчера'.

8) Срединный сонант, гласный долгий: пратюрк. *d - огуз. *d*, саян. *d*: 1. 'нападать' аз. *dara-*, турк. *dāra-*. ПТ **dāra-*. 2. 'гнедой' тур. *doru*, турк. *dōru*, хор. *dōri*, тув.

dorug, тоф. *dorug*. ПТ *dōrug. 3. 'виселица' тур. *dar*, турк. *dār*. 4. 'падать в обморок' тур. *dal-*, аз. *dal-*, хор. *dal-*, тув. *dal-*, тоф. *dal-*. ПТ **dāl-*. 5. 'град' тур. *dolu*, гаг. *tolu* (глухость неясна), аз. *dolu*, турк. *dölü*, хор. *dolu*. ПТ *dōlü. 6. 'селезенка' тур. *dalak*, гаг. *dalak*, аз. *dalag*, турк. *dālak*. ПТ *dālak, монг. *deliγün (ПА **č-*, см. Старостин 1991, с. 14). 7. 'кусать' тур. *dala-*, гаг. *dala-*, аз. *dala-*, турк. *dāla-*. ПТ **dāla-*. 8. 'нырять' тур. *dal-*, гаг. *dal-*, аз. *dal-*, турк. *dal-*, тув. *dal-*, тоф. *dal-*. ПТ **dāl-*. 9. 'полный' тур. *dolu*, гаг. *dol*, аз. *dolu*, турк. *dölü*, хор. *döli*, тув. *dolu*, тоф. *dol-*. ПТ *dolu, ТМ **žalu-* 'наполняться' (ПА **č-*, см. Старостин 1991, с. 13). 10. 'жизнь' тур. *diri*, гаг. *dri*, аз. *diri*, турк. *dīri*, хор. *dīri*, тув. *diriγ*, тоф. *diriγ*. ПТ *dīriγ, ТМ **dirga-*. 'жить в достатке, обильно питаться'. 11. 'столб, подпорка' тур. *direk*, гаг. *direk*, аз. *dīræg*, турк. *dīrek*. (?) ПТ *dīrek. 12. 'свертывать трубочкой' тур. *dür-*, аз. *dürmæg-* 'бутерброд', тур. *düjriül-*, тув. *dür-*, тоф. *dür-*. ПТ **dür-*, монг. *dörse-* 'то же'. 13. 'мять, складывать' тур. *dür-*, гаг. *dür-*, турк. *dür-*, тув. *düriš-* 'морщиться'. ПТ **dür-*, монг. *dörse-*. 14. 'четыре' тур. *dört*, гаг. *dört*, аз. *dört*, турк. *dört*, хор. *dört*, тув. *dört*, тоф. *dört*. ПТ *dört, монг. *dört*, ТМ *dujgin. 15. (?) 'возвращаться' тур. *dön-*, гаг. *dön-*, аз. *dön-*, турк. *dön-*. 16. 'глупый' тур. *deli*, гаг. *deli*, аз. *dəli*, турк. *dəli*. ПТ **däl(w)i*, ТМ *dəlmī 'дикий, неприрученный'.

пратюрк. *t - огуз. *d*, тув. *t*, тоф. *d*⁶: 1. 'одежда' тур. *don*, гаг. *don*, аз. *don*, турк. *dön*, хор. *don*, тув. *ton*, тоф. *don*. ПТ *tōn, монг. *tonug* 'сбруя' (или из сак. *thana* 'одежда'). 2. 'узкий' тур. *dar*, гаг. *dar*, аз. *dar*, турк. *dār*, хор. *dar*, тув. *tar*, тоф. *dar*. ПТ *tār. 3. 'дым, туман'

⁶ Ср.: 'верблюжонок' тур. *torum* 'внук', турк. *törüm*, тув. *dorum* (из монг.); 'струнный инструмент' тур. *tar*, аз. *tar*, турк. *tār*, хор. *tār*, из перс.; 'грабить' тур. *tala-*, аз. *tala-*, турк. *tāla-*, тув. *tala-*; из монг.; 'чистый' тур. *temiz*, гаг. *temiz*, аз. *təmiş*, турк. *temiz*, из перс.

тур. *duman*, гаг. *duman*, аз. *дүман*, турк. *dumān*, тув. *tuman*, тоф. *duman*. ПТ *tūman. 4. 'ветка/ива' тур. *dal*, гаг. *dal* 'ветка', турк. *tal* (кыпчакизм: 'ива'), хор. *dāl*, тув. *tal*. ПТ *tal, ТМ *talgik 'валежник'. 5. (?) 'телка' тур. *dana*, гаг. *dana*, аз. *dana*, турк. диал. *tāna*. ПТ *tāna, ср. венг. (из болг.) *tinó*. 6. (?) 'крыша/стена' тур. *dam*, гаг. *dam*, аз. *dam* 'крыша, хижина, хлев', турк. *tām* (кыпчакизм: 'дом, стена'). ПТ *tām, монг. *tama* 'стена'. 7. 'глубокий/дно' тур. *derin*, гаг. *derin*, аз. *dərin*, турк. *deriñ*, тув. *tereñ*, тоф. *dereñ*. ПТ *dēriñ, ТМ *terin 'обух'. 8. 'жизнь, дыхание' аз. *din*, тув. *tin*, тоф. *ān*. ПТ *tīn, монг. *čineγen* 'сила', *čisun* < *čin-sun 'кровь'. 9. (?) 'ошибаться' тур. *den-*, турк. *dēn-*. ПТ **tān-*, монг. *tene-* 'заблудиться'.

9) Срединный сонант, гласный краткий:

пратюрк. *d - огуз. *d*, саян. *d*: 1. 'злиться/стесняться' тур. *darık-*, гаг. *darıl-*, аз. *darix-*, турк. *darık-*, тув. *darın-*. ПТ **darı-*. 2. 'мерзнуть' тур. *don-*, гаг. *don-*, аз. *don-*, турк. *doñ-*, хор. *doñ-*, тув. *doñ-*, тоф. *doñ-*. ПТ **doñ-*, ТМ *doño-* 'то же'. 3. 'привязывать, пристраивать' турк. *dañ-*, тув. *doñ-*, тоф. *doñ-*. ПТ **dañ-*. 4. 'капать' тур. *dam-*, гаг. *dam-*, аз. *dam-*, турк. *dam-*, хор. *dam-*, тув. *dam-dä*, тоф. *tan-dä* (глухость неясна). ПТ **dam-*. 5. 'жила' тур. *damar*, гаг. *damar*, аз. *damar*, турк. *damar*, хор. *damar*, тув. *damir*, тоф. *damir*. ПТ *damor, заим в монг. *tamir*. 6. 'свинья' тур. *domuz*, гаг. *domuz*, аз. *domuz*, турк. *doñuz*, хор. *doññiz*. ПТ *doñuz. 7. (?) 'стоять, вставать' тур. *dur-*, гаг. *dur-*, аз. *dur-*, турк. *dur-*, хор. *dur-*, тув. *tur-* (позиционное развитие ?), тоф. *dur-*. ПТ **dur-*. 8. 'заря' тур. *tan*, диал. *dan*, гаг. *dan*, аз. *dan*, турк. *dañ*, хор. *dañ*, тув. *dañ*, тоф. *dañ*. ПТ *dañ, (?) ТМ **žanğa-* 'полюхать'. 9. 'железо' тур. *demir*, гаг. *demir*, аз. *dəmir*, турк. *demir*, хор. *demir*, тув. *demir*, тоф. *demir*. ПТ *demür, заим. в монг. *temür*. 10. 'река, долина' тур. *dere*, гаг. *derä*, аз. *dərə*, турк. *dere*. ПТ *dere, ТМ *deren 'верховье реки'. 11. (?) 'успокоиться' тур. *dülen-*. ПТ **düle-*, ТМ *dulu, монг. *döliγen* 'тихий, спокойный'. 12. 'резать' тур. *dil-*, гаг. *dil-*, аз. *dil-*, турк. *dil-*, тув. *dil-*, тоф. *dil-*. ПТ **dil-*. 13. 'хотеть'

тур. *dile-*, аз. *dilə-*, турк. *dile-*, хор. *dile-*, тув. *dile-*, тоф. *dile-*. ПТ **dile-*. 14. 'дырывать' тур. *del-*, гаг. *del-*, аз. *dəl-*, тоф. *del-*. ПТ **del-*, ТМ **del-de-*, монг. *del-be-* 'то же'. 15. 'много' тур. *delim*, гаг. *delim*. ПТ *delim, монг. *del-ge-r* 'изобильный'. 16. 'язык' тур. *dil*, гаг. *dil*, аз. *dil*, турк. *dil*, хор. *dil*, тув. *ǰil*, тоф. *ǰil*. ПТ *dǰil < *ǰilg, ТМ *dilgan 'звук'. 17. 'просо' тур. *darı*, гаг. *darı*, аз. *darı*, турк. *darı*, хор. *darı*, тоф. *darıg*. ПТ *darıg (< **darg?*), ТМ *dargan 'пырей', монг. *tarijan* 'зерно' (с закономерным оглушением перед старым сочетанием *-rɣ-). 18. 'вдовец' тур. *dul*, гаг. *dul*, аз. *dul*, турк. *dul*, хор. *dul*. ПТ *dul < *dulg, монг. *tulguj* 'одинокий' (> тув. *dulgujak*) (с таким же оглушением). 19. 'чесать' тур. *tara-* (под влиянием *tarak* 'гребень'), гаг. *dara-*, аз. *dara-*, турк. *dara-*, хор. *dara-*, тув. *dıra-*, тоф. *dıra-*. ПТ **dara-*.

Пратюрк. *t - огуз. *t*, саян. *t*: 1. 'жаворонок' тур. *toygar*, аз. *toragai*, турк. *torgai*. ПТ *toragai, ТМ *toraki 'ворона', монг. *turag* 'то же'. 2. 'засов' тур. *tirkaz*, аз. *tirig*, тув. *tirik*, тоф. *tirig*. ПТ *tirik. 3. 'ад' тур. *tami*, турк. *tami*, тув. *tami*. ПТ *tami < иран., заим в монг. *tami*. 4. 'ноздря' тур. *tana*, хор. *tana*, тув. *tanak*. ПТ *tanag, монг. *tanaqa* 'то же'. 5. 'знать' тур. *tani-*, гаг. *tani-*, аз. *tani-*, турк. *tani-*, тув. *tani-*, тоф. *tani-*. ПТ **tani-*, монг. *tani-* 'то же'. 6. 'удивляться' тур. *tan-*, хор. *tan-*, тув. *tan-*, тоф. *tan-*. ПТ **tan-*. 7. 'вечер' тур. *tin*, турк. *tin*, тув. *din*, тоф. *din* (под влиянием *düin* 'вчера'? Особое развитие перед -n?). ПТ *tin, монг. *tüne* 'темнота'. 8. 'большая игла' тур. *temen*, аз. *təbəne*, турк. *temene*, хор. *temen*, тув. *tevene*, тоф. *tebene*. Бродячее слово; ср. ТМ *teme*, монг. *tebene* 'то же'. 9. 'линять (о птицах)' тур. *tüle-*, гаг. *tüle-*, аз. *tüle-*, турк. *tüle-*, тув. *tüle-*, тоф. *düle-* (особое развитие перед -l-?). ПТ **tüle-*, ТМ **tul-du-* 'сбрасывать рога (об оленях)'. 10. 'платить' турк. *töle-*, тув. *töle-*, тоф. *döle-* (особое развитие перед -l-?). ПТ **töle-*, монг. *töle* 'цена'.

Кроме этих двух основных случаев, в этой позиции имеется ряд частных позиционных развитий. Приведем наиболее

явные из них.

В переднерядных словах при срединном *η и сочетаниях с ним оппозиция нейтрализована, наблюдается ряд огуз. *d-*, саян. *d-*: 1. 'слушать' тур. *dinle-*, аз. *dinlə-*, турк. *dinle-*, хор. *dinje-* /*tinla-*, тув. *diŋa-*, тоф. *diŋa-*. ПТ **Diŋ-la-*, монг. *᠔iŋa-* (то же). 2. 'опрокидывать' тур. диал. *dönder-*, турк. *dünder-*, тув. *dünder-*, тоф. *dünder-*. ПТ **Dünder-*, монг. *tinije-* 'то же'. 3. 'море' тур. *deniz*, гаг. *deniz*, аз. *deniz*, турк. *deniz*. ПТ *Deŋiz, ма. *teŋgin*, венг. (<булг.) *teŋer*. 4. 'сравнивать/равный' тур. *dene-*, *denk*, гаг. *dene-*, *denk*, турк. *deŋe-*, *deŋk*, хор. *deŋ*, тув. *deŋ*, тоф. *deŋ*. ПТ **Deŋe-*, *Deŋ-k, ср. ТМ *teŋ*, монг. *teŋ* < кит. 5. 'отдыхать, успокоиться' тур. *din-le-*, гаг. *din-*, турк. *diŋ-*. ПТ **Diŋ-*, ТМ **tinje-* 'тошадь, слабость'.

Развитие старого звонкого перед сочетанием сонант + звонкий: огуз. *t/d*, саян. *d*. 1. 'журавль' тур. *turna*, гаг. *turna*, аз. *᠔urna*, турк. *᠔urŋa*, хор. *tinna*, тув. *᠔uruŋaa*, тоф. *᠔uruŋa*. ПТ **᠔urŋja*. 2. 'карабкаться' тур. *tirma-*, гаг. *tirma-*, аз. *᠔irma-*, турк. *᠔irma-*, тув. *᠔irba-*, тоф. *᠔irba-*. ПТ *᠔irma-*. 3. 'ноготь' тур. *tirnak*, гаг. *tirnak*, аз. *᠔irnak*, турк. *᠔irŋak*, хор. *᠔irnaŋ*, тув. *᠔irŋak*, тоф. *᠔irŋaq*. ПТ **᠔irŋak*, монг. *turŋun* 'копыто'. 4. 'клюв, морда' тур. *tomŋuk*, аз. *dimdik*, турк. *tumŋuk* (кыпчакизм), тув. *᠔umŋuk*, тоф. *᠔uŋŋuq*. ПТ **᠔umŋuk*. 5. 'грабли' тур. *tirmik*, аз. *᠔irmik*, турк. *᠔irmik*. 6. 'висок' тур. *tulun*, турк. *᠔uluk*, *᠔ulak* (вторичное словообразование). ПТ **᠔ulgum*, ТМ **᠔ulkumi* 'темя, головной мозг', монг. *tolgai* 'голова'. 7. 'гребень' тур. *tarak*, гаг. *tarak*, аз. *darax*, хор. *daraq*, тув. *dargak*, тоф. *dargaq*. ПТ *dargak (ср. **dara-* 'чесать'). Видимо, вторична звонкость в огуз. (праогуз. **dolan-* < **dolgan-*?) в 8. 'окручивать(ся)' тур. *dolan-*, гаг. *dolan-*, аз. *dolan-*, турк. *dolan-*, тув. *dolga-*, тоф. *dolga-*. ПТ **dolga-*, монг. *doliŋa-* < **doliŋa-* 'то же'.

По-видимому, старый глухой перед сочетанием сонант + звонкий дает ряд огуз. *d*, тув. *t*, тоф. *᠔*: 1. 'небо' тур. *᠔atak*, гаг. *᠔atak*, аз. *᠔atak*, турк. *᠔atak*, хор. *᠔atak*, тув. *᠔aŋtak* 'жабры'. ПТ **᠔aŋgak*, монг. *lanlai* 'небо'. 2. 'тамга'

тур. *damga*, аз. *damga*, (турк., хор. *tagma*), тув. *taŋma*, тоф. *daŋma*. Бродячее слово. 3. 'шкура' тур. *deri*, гаг. *deri*, аз. *dəri*, турк. *deri*, тоф. *tere* (из тув.?). ПТ *terej < *terɛj? ✓ ТМ *terge-kse 'ровдуга'. 4. 'тополь' турк. *derek*, хор. *derek*, тув. *te'rek*. ПТ *terɛk.

Развитие старого звонкого перед сочетанием сонант + глухой: огуз. *d*, саян. *d*. 1. 'волна' тур. *dalga*, гаг. *dalga*, аз. *dalga*. ПТ *dalka, монг. *dolgi*- 'волноваться'. 2. 'длина/форма' аз. *durgu*, турк. *durk*, тув. *durgu*, тоф. *durhu*. ПТ *durk. 3. 'колоть, впихивать' тур. *dürt-*, гаг. *dürt-*, аз. *dürt-*, турк. *dürt-*. ПТ **dürt-*, монг. *dürü-* 'втыкать'.

Развитие старого глухого перед сочетанием сонант + глухой: огуз. *t*, саян. *d*. 1. 'торока' тур. *terki*, аз. *tərk*, тув. *dergi*. 2. 'напильник' тур. *törpü*, гаг. *törpü*, аз. *törpü*, турк. *törpü*, тув. *dürbiü*, тоф. *dürhü*. ПТ *törpü. 3. 'простолоудин' тур. *türk*, гаг. *türk*, аз. *türke*, турк. *türk* (тув. *türk* 'тюрк' из рус.?). ПТ *türk. 4. 'изнанка' тур. *ters*, гаг. *ters*, аз. *tərs*, турк. *ters*, тув. *des-kin-*, тоф. *deskin-* 'вращаться, выворачиваться'. 5. 'корень, пень' турк. *tönge*, хор. *tünŋi*. ПТ *tömke, монг. *tünge* 'стерня'. 6. 'лиса' тур. *tilki*, гаг. *tilki*, аз. *tülkü*, турк. *tilki*, хор. *ti/ülki*, тув. *dilgi*, тоф. *dilgi*. ПТ *tilkü. 7. 'толокно' турк. *talcan*, тув. *dalgan*, тоф. *dalhan*. ПТ *talkan.

Судя по всему, для других начальных шумных должны обнаружиться распределения аналогичной сложности. Такая сложная рефлексия начальной глухости/звонкости (силы/слабости) в зависимости от инлаута, по-видимому, характерна для алтайских языков (ср. ситуацию в современных монгольских языках).

К РЕКОНСТРУКЦИИ ПРАКАРТВЕЛЬСКОГО
НЕСОНАНТИЧЕСКОГО ВОКАЛИЗМА

Пракартвельская (ПК) система гласных была восстановлена в классических работах 1960-х гг. Т.В. Гамкредидзе и Г.И. Мачавариани и с тех пор не подвергалась существенному пересмотру. ПК сегменты верхнего подъема рассматриваются в этой реконструкции как гласные реализации сонантов /ɪ/ и /ʊ/. Собственно же вокалическая система реконструируется в виде долгих и кратких фонем * $\overset{\vee}{a}$, * $\overset{\vee}{o}$, * $\overset{\vee}{a}$:

ПК	Грузинский	Празанский	Протосванский ¹
а	а	ɑ/ɑ ² /-ɑ ³	а
$\bar{a}$	а	о	$\bar{a}$
о	о	o	о
$\bar{o}$	о	о	$\bar{o}$
е	е	ɑ/-e ³	е
$\bar{e}$	е	а	$\bar{e}$

Примечания:

¹ Под "протосванским" имеется в виду состояние сванских диалектов до начала действия процессов редукции и умлаута; как можно видеть, на этом этапе сванский вокализм не отличался от ПК.

² Празанское *o (фонетическая интерпретация Т.В. Гамкредидзе и Г.И. Мачавариани; возможно, точнее было бы реконструировать *ə) реализуется довольно сложным образом. Мы можем предложить следующие правила: *o > u при наличии лабиального элемента; *o > ə в самурзакано-зугдидском диалекте

те мегрельского в позиции не при шипящих; в прочих случаях $^*o > i$, но в вицско-архавском диалекте лазского $^*o > u$.

³ Вариант, отмеченный этой цифрой, возникает в ауслауте существительных.

В докладе предлагается пересмотреть традиционную реконструкцию в следующих моментах:

1. Правило, устанавливающее отсутствие "занского передвижения" в ауслауте существительных, по-видимому, приложимо лишь к переходу $^*a > o$, но не $^*e > a$. Что касается первого перехода, то следует уточнить, что речь идет об ауслауте не существительного, а именно группы (определение - определяемое); существительные со значением числа или меры, для которых свойственно выступать в качестве определения, не подпадают под ауслаутное ограничение, ср. груз. мегр. *з_уа*, лаз. *з_уа*, *з_уа*, сван. *з_уа* "море"; груз. *с_ха*, мегр. *с_хо*, лаз. *с_хо(w)о*, сван. *с_ха* "девять"; груз. *қ_ат_ха*, мегр. *қ_ат_хо* "деревянный сосуд". Далее, "занское передвижение" $^*a > o$ блокируется и в редуцированных основах вида $^*C_1aC_1a$: груз. *қ_ақ_а* "зерно, ядро(плода)", мегр. *қ_ақ_а* "зерно, круглая застужка", лаз. *қ_ақ_а* "зерно, ядро (плода); груз. лаз. *ра_а* "молочная каша"; груз. *па_а* "колыбельная", мегр., лаз. *па_а* "мама".

Что же касается распределения в занском рефлексов П^{*}е, то традиционная трактовка (см. выше Примечание 3) явно противоречит фактам, ср. у существительных груз. *д_уе*, мегр. *д_уа*, лаз. (н) *д_уа* "день"; груз. *р_зе*, мегр. *в_за*, лаз. *в_за*, *м_за* "молоко"; груз. *қ_іде*, мегр. *қ_ард_а* "скала", груз. *ба_е* "сеть"

лаз. *boda* "сетка для сбора фруктов" и др. У слов других частей речи: груз. *мзауе*, мегр. *зуе* "прогорклый"; груз. *мокле*, лаз. *мқале* "короткий"; груз. *сале*, мегр., лаз. *сале* "вниз, внизу" и др.

Предлагается постулировать в занском следующие переходы: $*\bar{e} > a$ и $*\bar{e} > e$, чему предшествовало вторичное удлинение $*\bar{e}$ в открытых слогах в инлауте и в ауслауте односложных слов (во всех подобных случаях занский дает $*\bar{e} > a$). Что же касается e в закрытых слогах в инлауте и в ауслауте двусложных слов, то там исходная оппозиция $*\bar{e}:\bar{e}$ сохранилась, что подтверждается сванскими примерами: ПК* *нѣ-гѣ, дѣ* "плевок": груз. *пѣгѣ, дѣ*, мегр. *лѣгѣ, дѣ* "слона", лаз. *лѣнѣ, дѣ*, сван. *пѣгѣ, дѣ* < $*\bar{n}\bar{e}\bar{g}\bar{d}\bar{w}$ "плевок"; ПК* *дѣлѣр* "горячая зола": груз. *дѣлѣр*, сван. *дѣлѣр*; ПК* *дѣвѣнт*: груз. *дѣвѣнт* "стекать, протекать", мегр. *дѣвѣнт*, сван. *дѣвѣнт-ил* "капля"; ПК* *мзауѣ* "прогорклый": груз. *мзауѣ*, мегр. *зуѣ*, сван. *мѣ зуѣ* < $*\bar{m}\bar{z}\bar{a}\bar{u}\bar{e}$ < $*\bar{m}\bar{z}\bar{a}\bar{u}\bar{e}$; ПК* *зудѣ* "ограда, стена": груз., мегр. *зудѣ*, сван. *зудѣ* < $*\bar{z}\bar{u}\bar{d}\bar{e}$; ПК* *дѣвѣ* "бревно, брус": древнегруз. *дѣвѣ*, мегр. *дѣвѣ* "перекладина", сван. *дѣр* < $*\bar{d}\bar{i}\bar{r}\bar{e}$ "бревно"; ПК* *будѣ* "гнездо": груз. мегр. *будѣ*, сван. *бид, буд* < $*\bar{b}\bar{u}\bar{d}\bar{e}$ "vulva"; ПК* *мѣрхѣ* "ясная погода": лаз. *марха*, сван. *мѣрхѣ* < $*\bar{m}\bar{e}\bar{r}\bar{x}\bar{e}$; ПК* *мѣвѣ* "рожденный, дитя": груз. *пѣр-мѣо* (< $*\bar{m}\bar{e}\bar{v}\bar{e}$) "перенец", мегр. *вкѣа* "сын", сван. *вге* < $*\bar{v}\bar{g}\bar{e}$ "дитя (мальчик)"; ПК* *гѣ* "молоко": груз. *гѣ*, мегр. *вѣа*, лаз. *вѣа*, мѣа, сван. *лѣ* < $*\bar{l}\bar{g}\bar{e}$.

Дополнительным аргументом в пользу гипотезы вторичного удлинения является характерный занский аблаут в парах однокоран-

ных имен и глаголов, где один и тот же корень вида *сѣс ока-
зывается либо именным с закрытым слогом *сѣс# > сес,
либо глагольным с открытым: *сѣс-в... > *сѣс-в... > саС-в..., ср.
груз. тѣх- "ломать", мегр., лаз. тѣх- ; груз. на-тѣх,
мегр., лаз. по-тѣх "обломок"; груз. сел- "косить", мегр.
са- , лаз. (н)са- ; груз. сел "коса", груз. мегр.
сел и мн. др. примеры такого же рода.

2. Аналогичное позиционное удлинение в занском постулируется также для *ō в открытых слогах в инлауте, что избавляет от необходимости вводить этимологическое *ō во многих случаях, где это не подтверждается сванскими параллелями: груз. моs- "одевать, покрывать", мегр. моs- "вязать, ткать", сван. моs- "одевать"; древнегруз. oden "лишь, как только", мегр. odo "пока", сван. wode "лишь, пока". Ср. с этим случаи с этимологическим долгим типа ПК*ḡōr "каменная стена"; груз. ḡor-e , мегр. 'or-ua "строить каменную стену", сван. ḡōr "дверь, двор".

3. Обнаруживается соответствие груз. а - празан. *o - сван. е/ä (распределены по правилу М. Калдани). Традиционно в этих случаях реконструируют ПК*а , но стандартное соответствие для *а не распределяется с данным, ср. груз. at "десять", мегр., лаз. wit, сван. ješd ; груз. datw "медведь", мегр. tunt, лаз. (ш)tut, сван. dāšdw < dešdw ; груз. ančl "бузина", мегр., лаз. inčir, сван. gānčw. Долгий коррелят, возможно, представлен в соответствии груз. žwamb- "выпить залпом, проглотить", сван. žwēmb- "ударить (кулаком)". Для этого соответствия можно реконструировать ПК фонему *ā .

4. Есть основания для реконструкции ПК *ə в некоторых основах с ПК редупликацией начального согласного, функция которой пока неясна: др.-груз. [ə] (в случаях т. наз. "двойного написания"), зан. o , протосван. *ə : древнегруз. ttue "месяц, луна", мегр. tuta , лаз. (m)tuta, сван. došd- ; древнегруз. [t̥]t̥en "набивать туго", мегр. t̥it̥in , сван. t̥ət̥ən , древнегруз. č̥w̥il "мягкий", мегр. č̥k̥əč̥ə , č̥k̥ič̥ku "мягкий, нежный", лаз. č̥ič̥ku, č̥uč̥ku и др.

ДИАХРОННО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ
ИНДООЕРОПЕЙСКИХ И КАРТВЕЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ В СВЕТЕ НОСТРАТИКИ

Анализ диахронно-типологических морфосинтаксических (МС) параллелей индоевропейских (и.-е.) и картвельских (картв.) языков, рассмотренных нами ранее (Сахокия 1970-1971), вплотную подходит к проблематике глубинного родства: хотя в основном отмечаемые типологические МС черты, по нашему мнению, относятся в конечном итоге к области универсальной языковой техники, однако при этом не исключается возможность толкования того или иного набора, комплекса, блока типологических черт как принадлежности средств языковой макро-семьи. Кроме того, некоторые типологические данные приводят к мысли о возможности выявления также и морфонологических (материальных) общностей тех или иных элементов-выразителей МС идей. Ниже приводим определенные диахронно-типологические и.-е.-картв. аналогии, которые могут быть обсуждаемы не только в свете типологических универсалий, но и в свете ностратики.

1. План *est mihi* 'мне (=у меня) есть', характерный для т.н. языков типа "ЕСТЬ"- "БЫТЬ", и используемый в картв. при построении *специальных* глаголов обладания, структурно соответствует и.-е. типу "косвенного обладания", а именно - дательному варианту из двух основных посессивных и.-е. вариантов, с моделью $S_{\text{Dat (poss)}} + O_{\text{Nom}} + V_{\text{esse}} (O_{\text{Gen}})$ (модель наличествует в др.-перс., др.-арм., в латыни (лат.), в балт. и других языках, например: лит. *man yra* + Nom, *nėra man* + Gen

и т.д.). В итоге в картв. возникает как бы противоречие МС универсалиям выражения посессивности: косвенный формальный план должен соответствовать ядерным глаголам "быть", а глаголам "иметь" (спец. глаголам) должен соответствовать "прямой", номинативный план – план *habeo*. Это противоречие, однако, было бы устранено, если бы удалось установить, что корень (корневой согласный) *q / k* в одном из груз.глаголов "обладания" связуем вещественно с корнем глагола "бытия". Ср.: *k-opa*, *q-ola* "иметь", *q-op(n)a*, *i-k-neba* "быть"; глаголы обладания: вариант с одушевленным элементом *m-q-av-s*, с неодушевленным референтом *m-a-k-v-s* "мне есть (=у меня есть)". В таком случае принципы построения глаголов посессивности в и.-е. и картв. оказались бы в *идеальном* соответствии друг к другу (см. Гамкрелидзе-Иванов, Андроникашвили, Климов, Сахокия и др.).

2. По дативной модели строятся также аффективные конструкции с глаголами семантической группы *verba sentiendi* в картв. и некоторых и.-е. языках (например, груз. *m-tkiv-a*, лит. *man skaida* и др. – тип "мне болит"). Подобные данные достаточно отдаленных во времени и пространстве аналогов дают возможность предположить глубинную типологическую общность набора МС средств в и.-е. и картв. языках (подробнее Сахокия 1985 и др.).

3. Одной из самых симптоматичных и характерных и.-е.-картв. МС общностей являются различные варианты конструкций, построенных по основной модели $S_{agens} Gen (+ praep) + part. pass. pas. + V_{esse} + O_{Nom}$. Эта модель как в истории и.-е.

языков (начиная с праи.-е.), так и в картв. (а именно с др.-груз. по н.-груз.), обуславливает динамику гетерогенных аналитических (Ан) посессивных *эргативообразных конструкций* (ЭОК) - перфектных морфосинтаксем (Шмальстиг, Маслов, Сахокия и др.). При этом в и.-е. наличествует также и дативный вариант ЭОК-перфектов (частью представленный хорошо, как в др.-перс., лат. и др., частью - в виде уникальных образцов, как в др.-арм.) (Сахокия, ср. Лурагхи и др.). Как известно, дативная модель наилучшим образом представлена в картв. Существует мнение об ареальном (более позднем) влиянии финно-угорских языков на русские говоры, проявляющемся в функционировании конструкций типа "у него поставлена изба" - с агентивным предлогом "у" и агентивным генитивом: ср. ф.-угор. конструкции с агентивным предлогом (Веенкер, ср. Опп). Нам, однако, представляется возможным предположить для данного типологического МС комплекса пучков ностратического происхождения, коль скоро рассматриваемые варианты моделей-пучков отражены в трех упомянутых звеньях: и.-е., картв. и ф.-угорском.

4. Далее, с типологической точки зрения значимо сопоставление развития двух пар конструкций (условно "А" и "В") в диахронии перс. и общегруз. > др.-груз., ср.-груз. и н.-груз. языка. Так, например: ср.-перс. *man kart ham* (др.-перс. *manā kartam asti*), н.-перс. *man kardam* ("мое сделанное есть" - "я сделал"); общегруз. **me(na) ket-a* → **me(n) v-ket-e(a)* "мною сделано" - "я сделал" ("А"); ср.-перс. *m-kart (hast)* < др.-перс. *maiū kartam astiy*; н.-груз. *kardam, kardeam* "мне сделано (есть)", "я сделал"; общегруз.

**m(e) m-i-šam-i-a* "мне съедено есть" - "я съел" (Сахокия, ср. Ломанн, Аллен, Меликишвили, Мачавариани и др.), ср. и.-е. и картв. прономинальные элементы в Гамкредидзе-Иванов. В целом структуры конструкций из пары "В" в ср.-перс. и общегруз. идентичны: *морф* косвенного прономинального элемента, *энклитики* (генетически дативы) + предикативное *ядро* в виде голой *глагольной основы*, в груз. иногда совпадающей с *масдарной* основой (или в виде *причастия*, иногда с вторичным тематическим показателем) + связка или *морф-связка*. *Дихотомия* личных показателей в перс. и груз.-Ан-ЭОК-перфектах показывает определенную закономерность: *клитики-морфы* (переходность), *связки-морфы* (непереходность). В груз. эта линия проходит достаточно четко. Подобная дихотомия констатируется при диахронно-ретроспективном анализе индо-иранских языков в целом (Оранская, Эдельман и др.). Допустима также *контаминация* элементов: *клитика, связка, морф*. Ср. перс.: личные маркеры - местоименные клитики - морфы (+ контаминация со связкой) - переходность: $S_{Erg} (O_{id} > S_{Obl}) m + am (+ ham), -t, -š; im, id$ и т.д.; груз.: *местоимения, клитики-морфы (?) - переходность: 1 л. (ср. мест. *me* ?) *m*; 2 л. *g* (ср. мест. *ege* ?), 3 л. *s, h, a* (ср. мест. *is(i)* ?) и т.д.; перс.: связка-морф - непереходность: *ham, hast, hend > am, ast, and*; груз.: связка-морф - непереходность: *var, tar, ars > s, a; ar'ap > ap* и т.д. Таким образом, мы высказываем гипотезу, что груз. (картв.) *объектные + косвенно субъектные* показатели, т.н. ряд "MAN", могли пройти примерно такой же путь развития, какой прошли *местоимения* → *клитики* → *морфы* в ряде и.-е. языков, например, в перс.; груз. формы III серии

(ЭОК) мы предлагаем представить в качестве типологического аналога ср.-перс. клитической ЭО конструкции ("В"). Среди и.-е. примеров конструкции $S_{\text{Dat (Erg)}} + P$ (ЭО) ср.-перс. тип наиболее близок к объектным ЭОК-формам общегруз. (общекартв.) перфектов (III серии): $S_{\text{Dat}} + P, \text{TV}, \text{Masd} + V_{\text{esse}}$: *ṭaxward, m-ičami-a*.

5. Далее, рассмотрим парные перс. (и.-е.) и груз. (картв.) конструкции, обозначенные символом "А". Это аористическая нарративная (эргативная) конструкция (ЭК) в груз. (II серия по Шанидзе), сопоставляемая с перс. (др.-перс. + ср.-перс.) ЭОК с агентивной формой $S_{\text{Gen}} \text{Agens}_{\text{Erg}}$. Данная груз. модель гипотетически является косвенной по происхождению (Сахокия 1985). Модель "А" в груз. включает прономинальные элементы $S_{\text{Obl Erg}} \text{Agens}$, отмеченные по признаку косвенности астериксом: мест. 1 л. ед. ч. **me(na)*, 2 л. ед. ч. **še(na)*, 3 л. ед. ч. *ma-ṅ, 1 л. мн. ч. *šueṅa, 2 л. мн. ч. *tkuṅa, 3 л. мн. ч. *ma-t*. Считается, что элемент *ṅ в косвенных падежах имеет ностратическое происхождение (Иллич-Свитыч, Палмайтис, ср. Одри, Вийяр, Гамкрелидзе-Иванов и др.). Груз. форма 3 л. мн. ч. мест. в ЭК, *mat*, более остальных местоименных, форм - совместно с именными формами - доказывает возможность толкования $S_{\text{Erg}} (A_{\text{Obl}})$ как исходно косвенной формы. Вышеприведенные прономинальные груз. формы сопоставимы с и.-е. косвенными местоименными и отчасти именными формами, в которых присутствует назальный ("архиназальный") элемент *N (*n, *m). Базой нашей гипотезы в свое время являлась форма 3 л. ед. ч. в составе груз. ЭК. При типологическом рассмотрении данная форма поддается

объяснению с помощью *механизмов, отработанных* при анализе сопоставимых и.-е. форм. Гипотетически формула модели груз. ЭК в идеальном виде выглядит так: *ta-n ket-a (ср. *vi-n* "кто"), "его / ему / им / от него - делание / делано - есть". Ср. формы 1 и 2 л.: **mena(v)-ket-e-(a)*, *šena ket-e(a)*, **šuen(v)-ket-e-(a)-t*, **tkuen ket-e-(a)-t*, (3 л. ед. "кто" *vi-n ket-a), 3 л. мн.: **ta-t ket-e-(a)-es* ("кому") "мне (меня), тебе, нам, вам, им (ими, их) - сделано - есть" (ср. Джорбенадзе). Ср. *n* - общекартв. местоименный элемент (Гамкредидзе-Иванов, Климов). Модель груз. ЭК: * S_{Erg} (Obl) $Agens + TV + V_{esse} + O_{Nom}$ - *косвенный ЭРГ падеж + гл. основа* или *причастие + связка*. Связка-морф, сокращенная форма связки 3 л. ед. ч. *arv* > *a*, является маркером актанта $S_{Gram} > O_d$. В случае S_{Erg} Obl 1 л. обоих чисел в груз. ЭК содержится противоречие, ибо маркер *V* (*vin*) является маркером из серии показателей в конструкциях номинативно-субъективного типа: т.н. ряд "vin" (ср. Небиеридзе). Маркер *V* для актанта $S_{Obl Erg}$ является *контрастирующим* маркером и, согласно нашей гипотезе, вторичным. Такие ЭО конструкции мы назвали контрастивными (КЭОК). Строятся КЭОК обычно на основе принципа контаминации планов эргативной и номинативной конструкций (ЭК и НК), ср. концепцию номинативизации в груз. (Климов). В груз. представлен один из типов КЭОК. Иные варианты КЭОК наличествуют в и.-е.: в ср.-перс., др.-арм. и др. языках. *Контрастивный* характер построения ЭОК-"А" в груз. рождает вопросы в адрес вышеприведенной гипотезы (Меликишвили, Небиеридзе, Бедер, Туэт и др.). При этом частично эта

гипотеза поддерживается выдвижением оппозиционной формы, включающей актанта $S_{gram} > O_d$ во мн. ч.: *ma-n ket-a "ему / им сделано дело", *ma-n ket-n-a "ему / им / его сделано *много дела*" (Туэт). Вопрос же заключается в том, что формы первой серии (находящиеся в ряду "vN") признаны в общекартв. более поздними, вторичными и возникшими после формирования второй серии (ЭОК) (Шмидт, ср. Туэт). Объяснение противоречия заключается в следующем: диахронический анализ выявляет *вторичность* всех признаков *контрастивности* в различных ЭОК в и.-е.: в ср.-перс., др.-арм., лат., балт., слав. и т. д. Можно предположить такую же *вторичность* субъектного маркера ряда vN в груз. (картв.) ЭОК (II серия), уже после возникновения III серии и по *аналогии* с последней. Общекартв. эргативного падежа нет (Шмидт, Мачавариани, Меликишвили, Небиеридзе и др.), однако симптоматично, что в сванском эргативные функции выполняются различными *косвенными падежами* (Мачавариани, Шмидт). Показатели последних находят свои *сравнительно-исторические* параллели в груз. (а именно - показатель ТРАНСФ *d*, *d - Шмидт). В силу этих положений картина *развития функций* ЭРГ (ЭК, ЭОК) в картв. сопоставима с картиной *динамики* соответствующих конструкций в и.-е. диахронии, включая праи.-е.: ЭРГ - это какой-либо *косвенный падеж*, в первую очередь, видимо, Gen: Gen = Poss = Erg - "агентивный генитив" (Шмальстиг и др.). В данном случае для нас важен фактор возможности интерпретации конструкции "А" в груз. как формальной, морфосинтаксически косвенной *аналогии* ЭО конструкциям в и.-е.: праи.-е., др.-перс., др.-арм., балт., слав., лат. и др.

6. Есть и другие блоки диахронно-типологических общностей в морфосинтаксисе, привлекающие внимание с точки зрения установления тех или иных ностратических общностей. Так, напр., конструкции с *verba activa intransitiva* по МС плану ЭК-ЭОК в картв., в и.-е. (например, в ряде индо-иранских языков) и в ф.-угор. (например, в венгерском); значительная часть таких глаголов лексически совпадает в картв., и.-е. и ф.-угор.: глаголы "плакать", "смеяться", "улыбаться", "бежать", "прыгать", "кашлять", "петь", "кричать", "танцевать" и др. Далее - функциональная близость и.-е. Асс. и картв. Dat. / Transf. и других форм-функций (напр., Gen. в и.-е. и картв., Abl. в и.-е. и Лос. падежи в груз. и т.д.).

QVISQVILIAE HETHITICAE

1. Ad KUB 9.34 II 48. (СТН 7601).

В этой строке, в начале нового абзаца, на самом обломе можно разобрать следующие остатки знаков: [ок. 12 зн. отбито] x[SA]H-Za hu-un-x[?]-[r]a-am-ma-za. Это сочетание заставляет вспомнить о фразе в ритуале КВо 12.96 I 12: ŠAH-as huntarnuz-zī 'свинья хрюкает' (ср. E.Neu.StBot 5, 60). Соответственно, второе слово можно прочесть как hu-un-t[a][?]-[r]a-am-ma-za. Очевидно, что это - лувийское абстрактное существительное с суфф. -(m)ma(n), т.е. 'хрюканье', а все сочетание в аблативе (в партитивной аппозиции): 'от свиньи, от хрюканья', т.е. '(человек да будет чист и т.п.) от хрюканья свиньи'. Ср. в параллельном ритуале KUB 9.4 I 41 ú-wa-ja-am-n[a][?]- в соответствующем, но очень битом отрывке: очевидно 'вой (волка)', ср. KUB 35.102+III9 wajammaana úlipnassanza (лув.) 'вой волчьи'. Сама форма hu[n][tar]ammaza - гибридная хеттско-лувийская, что характерно для данной группы ритуалов.

2. Ad КВо 8.130 II 2 (СТН 770).

Издатель (G.Beckman, StBot 29) оставил без перевода последнее слово в этой строке: ... kie wassa^{HI.A} da-as-kar-hi-x[... 'эти лекарства...']. Ясно, что оно связано с хурро-аккадскими словами Giš[?]taskarṇnu и, особенно, Giš[?]taškarṇu 'самшит (?)' (ср. Laroche, Ugaritica 5, 459), т.е. один из ингредиентов лекарства готовится из 'самшитного (корня?? и т.п.)?'

3. Ad KUB 36.75 III 11. (СТН 374).

В словаре А.Камменхубер (HW²-B, 60b) дается следующая транслитерация этой строки: nu-mu SIG₅-uwanti pīedi x-x eip 'и меня в добром месте ... возьми!' На автографии в поврежденном месте еще можно разобрать аккадограмму QA-T[1-YA'] 'мою руку'. Ср. параллельную молитву KUB 31.130 Rs.7: Nu-mu, D-YA, QATI-YA eip 'и меня, боже мой, за (мою) руку возьми!'

4. Ad KUB 12.63 Vs.13 + KUB 36.70,2 . (СТН 412).

В словаре Камменхубер (S.V.BSKI) это место отсутствует, а чикагский словарь дает транслитерацию (CHD 3, 228a): Nu-za mijahhuandanas-sas A[LA]M?-ri harzi 'и он старости своей фигурку держит' (т.е. свое изображение в виде старика). Остатки слова 'статуэтка, образ' расположены на обломах двух фрагментов. Хотя по смыслу шумерограмма ALAM вполне подходяща, следы знаков более соответствуют ее хеттскому эквиваленту: e!-[e]s-ri 'т.ж.'; ср. далее в неясном контексте Vs. 35: ēzari-ēzīt 'его изображение'.

5. Ad KUB 1.16 + KUB 40.65 III 3 (СТН 6).

Новый фрагмент столь важного "Завещания Хаттусилиса I" был обработан и проанализирован Кордом Кюне (ZA 62, 1972, 259), но эта строка - ввиду плохой сохранности - была сочтена им безнадежной, как в свое время и Ф.Зоммером (HAB, 120): nu-ua LU.MEŠ 'x' [ок. 5-6 зн.] x LU.MEŠ GIŠ TUKUL x [---]. Тем не менее, в новом фрагменте довольно отчетливо видна еще шумерограмма APIN.L [AL... 'плут', т.е. вместе с детерминативом LU.MEŠ.APIN.L [AL... 'пахари, земледельцы']. Т.о., в перечисляемых категориях лиц следует видеть аккумулятивы мн.ч. после пролепти-

ческого *ni-iv* 'и их', а не подлежащие (по Кюне). Комбинируя
оба фрагмента, получаем следующий контекст: III 2)...] IR.MEŠ
LUGAL_{xx}[... 3) *niiv LU. MEŠ. APIN. I* [AL ----]x LU.MEŠ GIŠ.KU x
[---] 4) ù A.ŠÀ.MIA-ŠUNU da-a-[-ir .... ' вассалы царя [...
/и их: (т.е.) пахар[ей...,]ремесленников[...]/ и поля их
отня[ли]'. Появление 'людей плуга' в одном ряду с 'людьми GIŠ.
KU '(ремесленниками?)', возможно, поможет более точной интер-
претации этой столь дебатированной шумерограммы.

ДРЕВНЕИНДИЙСКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ КОРНИ НА $-ā$

(К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛЕЙ КОРНЯ И ПЕРЕСТАНОВОЧНОГО АБЛАУТА)

1. Одна из самых запутанных проблем индоевропеистики связана с т. наз. определителями корня (ОК) - *Wurzel-determinative*. Как известно, в и.-е. языках существуют корни, близкие по значению, но различающиеся конечным консонантным элементом, ср. **trep-* (ст.-сл. ТРЕПЕТЬ) ~ **tres-* (скр. *trāsati* 'дрожит') ~ **trem-* (гр. τρέμω 'дрожу') и т. п. Попытки описать функции выделяющихся при сопоставлении таких вариантов корня элементов (-*p-*, -*s-*, -*m-*, -*h-* и др.) не увенчались успехом.

Другой тип чередования, функция которого также неясна, - т. наз. перестановочный аблаут (ПА) - *Schwebeablaut*, типа *CeRC-//CRc-*: вокалический элемент и предпоследний согласный (обычно это сонант) как бы меняются местами.

К реконструкции функции ОК и ПА можно, как кажется, продвинуться, основываясь на материале ведийского санскрита, где существует целый класс корней, характеризующихся чередованием, связанным с ПА и ОК следующим образом: один из вариантов корня оканчивается на сонант (иногда долгий) - назовем его *R*-вариантом; другой - на $-ā$ ($\bar{a}$ -вариант) и получен из *R*-варианта применением ПА и/или присоединением ларингального ОК -*h*, ср. *tar* (**terh-*) // *trā* (**treh-*), *i* (**ei-*) // *yā* (**ieh-*) и т. д.

Описанию функций *R/ā*-чередования необходимо предпослать пояснения к морфонологической записи корней и краткий экскурс в проблемы синтаксической классификации ведийских глаголов.

2. **Морфонологические особенности *R*- и $\bar{a}$ -вариантов.**
Чтобы представить формальные типы отношений, существующих между *R*- и $\bar{a}$ -вариантами, наиболее наглядным образом, я использую

морфонологическую запись, несколько отличную от той, которая предложена А.А.Зализняком (в "Грамматическом очерке санскрита"): 1) корни на $-\bar{a}$ ($X\bar{a}$) записываются в виде $\langle XaH \rangle$, т.е. H рассматривается лишь как элемент морфонологической записи, морфонема (таким образом, я не затрагиваю вопроса о фонетической природе ларингалов в языке), что позволяет оставаться в рамках строго синхронного описания. Кроме того, по ряду причин предлагается постулировать еще две ларингальные морфемы: H^Y и $\bar{H}^Y$, также удлиняющие предшествующую гласную, но реализующиеся в позиции между двумя a как y (ср. $hv\bar{a}tum$ 'звать' - $hva\bar{y}ati$ $\langle huaH^Y-ati \rangle$), причем $\bar{H}^Y$ в этой позиции удлиняет предшествующее a (ср. $g\bar{a}$ 'петь' - $g\bar{a}yati$ $\langle ga\bar{H}^Y-ati \rangle$). Общим для H^Y и $\bar{H}^Y$ является то, что в нулевой ступени чередования в интерконсонантной позиции они реализуются как $\bar{i}$, ср. $.dh\bar{a}$ 'сосать' - $dh\bar{i}t\bar{a}$ -, $g\bar{a}$ - $g\bar{i}t\bar{a}$ -. 2) вокалический элемент в корнях рядов I и U записывается в виде a ; $\langle ai \rangle$ и $\langle au \rangle$ реализуются как e и o соответственно. Например, корень i 'идти' записывается как $\langle ai \rangle$, а его $\bar{a}$ -вариант $y\bar{a}$ - как $\langle iaH \rangle$.

Для любой глагольной словоформы, в которой корень представлен средней (гуна) или продленной (вридхи) ступенью, может быть однозначно установлено, образована ли она от $\bar{a}$ - или R -варианта. Нулевая же ступень у пар вида $CaRH- / CRaH-$ должна совпасть в $CR\bar{H}- \rightarrow C\bar{R}\bar{a}-$. Однако анализ ведийских глаголов, у которых R - и $\bar{a}$ -варианты противопоставлены достаточно четко (семантически и/или парадигматически), показывает, что ни для одного из $\bar{a}$ -корней, обладающего R -вариантом, не засвидетельствован алломорф на $-\bar{i}$, который можно было бы ожидать у корня на $-\bar{a}$ в слабой ступени (ср. $sth\bar{a}$ 'стоять' - $sth\bar{i}t\bar{a}$ - и т. п.): в презенсе на $-ya-$ в $-ta$ -причастии засвидетельствован

вокализм $\bar{a}$; ср. $pr\bar{a}$ - $pr\bar{a}t\bar{a}$ -; $tr\bar{a}$ - $tr\bar{a}yate$. Итак, корни на $-\bar{a}$, чередующиеся с R-вариантами, являются неполноизменяемыми (в терминологии А.А.Зализняка), т.е. существуют веские основания соотносить все словоформы, в которых корень представлен нулевой ступенью, с R-вариантами.

3. Синтаксическая классификация глаголов. Ведийские глаголы могут быть распределены по трем основным классам:

1) транзитивные (TR): образуют главным образом переходные конструкции, непереходные употребления (антикаузатив, пассив) редки или вообще не засвидетельствованы; ср. han 'убивать', ruj 'ломать'; 2) интранзитивные (ITR): засвидетельствованы главным образом в непереходных конструкциях, каузативы редки или не засвидетельствованы, ср. car 'бродить', $n\bar{a}$ 'реветь'; 3) диффузные (DIF): хорошо засвидетельствованы как в непереходных, так и в переходных (каузативных) конструкциях, ср. $ks\bar{i}$: $ks\bar{i}yate$ 'гибнет' - $ks\bar{i}n\bar{a}t\bar{i}$ 'губит'. Принадлежность глагола к тому или иному синтаксическому классу вообще говоря не мотивирована семантикой (что становится особенно заметным благодаря наличию синонимичных глаголов, входящих в различные классы, ср. DIF jan : $j\bar{a}yate$ 'рождается' - $j\bar{a}nati$, $jan\bar{d}yati$ 'рождает' VS. TR $s\bar{u}$: $s\bar{u}te$ 'рождает'), однако обнаруживает некоторые формальные корреляты - особенности структуры корня.

4. Гипотеза "недиффузности". Синтаксический анализ глаголов, имеющих R- и $\bar{a}$ -варианты, позволяет пролить свет на проблему ОК и ПА. Ср.: 1) $i//y\bar{a}$ 'идти'. R-вариант i (ei) принадлежит к диффузному типу (ср. $\acute{e}ti$ 'идет' ~ $in\acute{o}ti$, $\acute{i}nvati$ 'посылает'); $\bar{a}$ -вариант $y\bar{a}$ (ieH) является интранзитивным (ср. $y\bar{a}t\bar{i}$ 'идет'; каузатив в ранневедийском не засвидетельствован). 2) $t\bar{r}\bar{a}$ // $tr\bar{a}$. R-вариант $t\bar{r}\bar{a}$ ($tarH$) хорошо засвидетельствован в

конструкциях обоих типов (ср. *tárati* 'пересекает, преодолевает' ~ *tírati* 'перевозит'), $\bar{a}$ -вариант *trā* (<*traH*> - только в переходных (<*trāyate* 'спасает' = 'каузирует преодолеть')).

Итак, по крайней мере одна из функций $R/\bar{a}$ -чередования (и, соответственно, ОК -Н и ПА) связана с изменением синтаксического класса глагола следующим образом:

(I) $\bar{a}$ -вариант характеризуется недиффузным синтаксическим поведением; иначе говоря, $R/\bar{a}$ -чередование как бы ограничивает "синтаксическую свободу" глагола. Практически все глаголы, засвидетельствованные в "Ригведе" (РВ) обоими вариантами (R- и $\bar{a}$ -), следуют правилу (I).

Б. Материал. Глаголы РВ сгруппированы в классы в соответствии с формальным типом соотношения R- и $\bar{a}$ -вариантов.

(I) CaR- // CRa-H-

1. *i* (<*ai*> 'идти; посылать' - DIF // *yā* (<*iaH*> 'идти' - ITR (см. выше).

2. *pi* (<*pī* - вероятно, более поздний вариант) (<*pai*> 'набухать; наполнять' - DIF // *pyā* (<*piāH*> 'набухать' - ITR. Ср. *pīnvate* 'набухает' / *pīnvati* 'наполняет' VS. *pyūyate* 'набухает'.

(II) XaR- // XaH- (некоторые пары этого типа, возможно, возникли в результате контаминации двух этимологически не связанных корней).

3. *dru* (<*drau*> 'бежать' (R-формы чаще образуют непереходные конструкции, но засвидетельствован и каузатив *drāvdyati* 'гонит') // *drā* (<*draH*> 'ид.' - ITR.

4. *gam* (<*gam*> 'идти; посылать' (ср. каузатив *gāmyati*) // *gā* (<*gaH*> 'идти' - ITR.

Следующие два типа можно рассматривать как модификации типов (I) и (II): ОК *₇-H выступает в качестве своеобразного инфикса.

(I*) $\text{XaRC-} // \text{XRa-H-C-}$ ((I*) = (I) + -C-)

5. $\text{v}^{\circ}\text{ḍh} \langle \text{v}^{\circ}\text{aḍh} \rangle$ 'расти; усиливать' - DIF // $\text{vr}^{\circ}\text{ḍh} \langle \text{vr}^{\circ}\text{aḍh} \rangle$
'расти' - ITR.

6. $\text{ḡdh} \langle \text{aḡdh} \rangle$ 'преуспевать; приводить к успеху' - DIF // $\text{r}^{\circ}\text{ḍh} \langle \text{raḍh} \rangle$
'id.' (также DIF!) - единственное исключение из правила (i): возможно, это связано с влиянием синонимичного (и обладающего такой же фонетической структурой) глагола $\text{s}^{\circ}\text{ḍh}$ 'достигать; приводить к успеху'.

(II*) $\text{XaRC-} // \text{Xa-H-C-}$ ((II*) = (II) + -C-)

7. $\text{dhanv} \langle \text{dhanv} \rangle$ 'бежать; гнать' - DIF // $\text{dh}^{\circ}\text{ān} \langle \text{dhaḡn} \rangle$ - ITR
(засвидетельствованная 1 раз в поздней X мандале форма $\text{dh}^{\circ}\text{ān}^{\circ}\text{ḍyan}$
X.146.2, возможно, не является каузативом).

(III) $\text{CaRH-} // \text{CRaH-}$

8. $\text{p}^{\circ}\text{ḡ} \langle \text{paḡh} \rangle$ 'наполнять(ся)' // $\text{pr}^{\circ}\text{ā} \langle \text{praḡh} \rangle$ 'наполнять' - TR.

9. $\text{t}^{\circ}\text{ḡ} \langle \text{taḡh} \rangle$ 'пересекать; перевозить' // $\text{tr}^{\circ}\text{ā} \langle \text{traḡh} \rangle$ 'спасать'
- TR (см. выше).

10. $\text{j}^{\circ}\text{ī} \langle \text{jaiḡh} \rangle$ 'терпеть поражение (ср. $\text{j}^{\circ}\text{fyaḡe}$); одолевать'
(ср. jinaḡti) // $\text{jy}^{\circ}\text{ā}$ 'одолевать' - TR.

11. $\text{hū} \langle \text{hauḡh}^{\text{Y}} \rangle$ 'звать' (в непереходных пассивных конструкциях
засвидетельствован презенс hūyaḡe и медиальное причастие
 huvānā-) // $\text{hv}^{\circ}\text{ā} \langle \text{huaḡh}^{\text{Y}} \rangle$ 'id.' - TR (пассив с вокализмом ā не
засвидетельствован).

12. $\text{śr}^{\circ}\text{ī} \langle \text{śarḡh}^{\text{Y}} \rangle$ 'смешивать(ся)' (ср. śrinaḡti) // $\text{śr}^{\circ}\text{ā} \langle \text{śraḡh}^{\text{Y}} \rangle$
'готовить, варить' - TR (засвидетельствовано -ta-причастие и
активное причастие $\text{śr}^{\circ}\text{ḍyantaḡ}$ VIII.99.3 'варящие' (?)).

13. $\text{dham} \langle \text{dham}^{\text{H}} \rangle$ 'дуть' (R-вариант засвидетельствован
преимущественно в переходных конструкциях; 1 раз встречается
непереходная конструкция с презенсом dhamyaḡe) // $\text{dhm}^{\circ}\text{ā} \langle \text{dhmaḡh} \rangle$
'id.' (TR? - засвидетельствовано только -ta-причастие $\text{dhm}^{\circ}\text{ātā-}$

VII.89.2 'раздутый'). Не вполне ясно, следует ли постулировать *h* в *R*-варианте: в пользу этого как будто свидетельствует причастие *dhamitā-*, против — презент *dhamyate* (вместо *dhāmyate); однако первое решение представляется предпочтительным по системным соображениям; см. ниже правило (iii).

14. *śū* {*śauH^y*} 'набухать, усиливаться' (засвидетельствованы только непереходные употребления) // *śvā* {*śvaH^y*} (*ā*-вариант засвидетельствован лишь однажды — гапаксом *viśvāyan* VII.50.1, который Гельднер переводит как 'образующий опухоль', что, строго говоря, допускает двойкую интерпретацию: непереходную ('распухающий') и переходную ('каузирующий распухнуть'). Второй вариант представляется предпочтительным по системным соображениям (см. правило (iii)).

Приведенный материал позволяет уточнить (хотя и с известной осторожностью) характер изменения синтаксического типа глагола в зависимости от формального типа *R/ā*-чередования:

(ii) в случаях типа (I-II) и (I*-II*), т.е. когда происходит присоединение -*h* (сопровожаемое ПА или отпадением конечной согласной), *ā*-вариант принадлежит к классу ITR-глаголов.

Каузативы на *-(p)dyā-* от этих глаголов появляются лишь в поздних текстах (*pyādyati* — начиная с "Атхарваведы"; каузативы к *yā* и *drā* — с брахман) или не засвидетельствованы вовсе; не засвидетельствован и каузативный аорист с редупликацией.

(iii) в случаях типа (III), т.е. когда имеет место только перестановочный аблаут, *ā*-вариант оказывается транзитивным.

Пассив на *-ya-* к *dhmā* появляется только начиная с брахман, к *trā* — только в классическом санскрите, для прочих *ā*-глаголов не засвидетельствован вовсе; пассивный аорист на *-i* засвидетельствован только для *prā* (только в "Атхарваведе").

К РЕКОНСТРУКЦИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО КОНСОНАНТИЗМА

В свое время нами было определено соответствие и.-е.

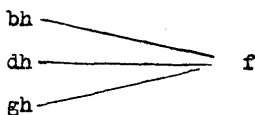
ĕ ~ прасл. х (типа прасл. холръ 'невольник, раб' ~ лит. šelpti 'помогать' ~ гот. hilpan 'тж', прасл. хогна 'пища' ~ лит. šerti 'кормить' ~ др.-греч. κόρος 'сытость' и т.д.). Тогда же мы обратили внимание на аналогичные хеттско-сатемные соответствия, установленные Педерсеном и Хаммерихом (типа хеттск. ḫa-ar-aš-ni 'голова' ~ др.-инд. śiḡaḥ 'тж', хеттск. ḫal-ki-iš 'зерно' ~ прасл. zolkъ 'злак' и т.д.). Попытки объяснить эти факты в рамках традиционной индоевропейской фонетики ни к чему не приводили.

Пытаясь решить эту задачу, мы обратили внимание на убедительную параллель, предложенную Махком: прасл. ховати 'выкармливать, заботиться, хранить, сохранять' ~ лат. fovēre 'выводить птенцов, лелеять, хранить, сохранять' (ср. лат. sperem fovēre и чеш. chovati nadeji 'питать надежду'), что привело нас к гипотезе об италийск. h, давшем лат. f и имеющем параллели в виде прасл. х, в(< ĕ) и хеттск. ḫ. Ср. соответственно лат. fovēre и fēnum 'сено' и прасл. ховати и věno 'сено'. Таких примеров становилось все больше. Их необходимо было верифицировать, исходя из гипотезы об и.-е. х. Выдвинутая ранее Мерлингеном гипотеза о и.-е. х не получила признания прежде всего в силу крайней ненадежности приводимых им примеров.

Напоминаем, что в монографии "Славянская и индоевропейская аккомодация" мы высказали сомнение относительно смычно-

го характера и.-е. $\hat{k}$, $\hat{g}$, $\hat{gh}$, что было подкреплено соответствием и.-е. $\hat{k} \sim$ слав. $x \sim$ хет. h . При этом в качестве исходных принимался идентичный "ларингалному" ряд x , h , h , исчезнувший в большинстве индоевропейских языков или повлиявший на количество их вокализма, и противопоставленный ему - x' , h' , h' , известным образом реализовавшийся в языках satəm. Приводимые ниже италийско-славянские параллели призваны подтвердить эту гипотезу.

Начнем с того, что индоевропейские звонкие придыхательные получили в латинском рефлексацию

из чего следует, что гипотетическое доиталийское h должно было получить аналогичную рефлексацию ($h \rightarrow f$). На этой основе проведем анализ примеров:

Лат. *foveb*, *fovēre* 'выводить птенцов, лелеять, хранить, сохранять' было генетически соотнесено с прасл. *hovati* 'выкармливать, заботиться, хранить, сохранять' (чеш. *chovati*, словацк. *chovat'*, в.-луж. *khować*, н.-луж. *chowaś*, польск. *chować*, рус. ховать, укр. ховати, бел. хаваць и др.). Традиционно лат. *fovēre* возводится к и.-е. *dhegh-* 'гореть' (др.-инд. *dāhāti*, др.-иран. *dažaiti*, лит. *dėgti* и др.) на основании предположения "выводить птенцов" < "согревать птенцов", что не подтверждается всем набором значений латинского глагола. Дополнительным подтверждением предлагаемой здесь этимологии является др.-инд. *śāva* 'детеныш', др.-греч. *κνέω* 'ношу ребенка', *κνῆζος* 'воспитатель'. Из этих парал-

лелей видно, что лат. *f* и слав. *x* восходят к и.-е. *x/x'*.

Лат. *futuō, futuere* 'совершать половой акт' мы соотносим генетически с прасл. **xъtĕti* 'хотеть, жаждать особу противоположного пола, желать' (болг. хтем, серб.-хорв. хтјѣти, чеш. *chtĕti*, словац. *chciet'*, в.-луж. *chcŭc*, н.-луж. *chсеc*, польск. *chcieć*, русск. хтеть, укр. хтіти, бел. хцець). Близкие к латинскому глаголу значения обнаруживают производные от прасл. **xъtĕti* и **xotĕti*, что объясняется обычным сохранением архаичной семантики в производных образованиях. Ср. чеш. и словацк. *chtivŭ* 'сластолюбивый', ст.-слав. хоть 'наложница, любовница', словен. *hot* 'тк', чеш. *shot* 'супруга', др.-рус. хоть 'наложница, жена', рус. хоть 'желание, похоть', словен. *hotenje* 'течка (у животных)', рус. хотенье 'страстное желание, похоть' и т.д. При этом налицо смешение глаголов **xъtĕti* и **xotĕti*, разных, как мы покажем ниже, по происхождению. Традиционно лат. *futuere* возводится к и.-е.

*bhāu- *bhū- 'бить, ударять' (так у Покорного), что признается рядом исследователей сомнительным.

Лат. *fugiō, fugere* 'быстро бежать', *fugax* 'быстрый, скорый' мы соотносим генетически с прасл. **xъzъ* 'быстрый, скорый' (каш. *chiži*, польск. *chuzu*, рус. жижий, укр. жижий, бел. хыжы). Славянские параллели не имеют надежной этимологии. Латинские лексемы традиционно возводят к и.-е.

*bheug- (др.-инд. *bhujāti* 'сгибает', гот. *bingan* 'сгибать', лит. *būgti* 'пугаться'). В этой версии сомнительной остается связь 'быстро бежать' с 'сгибаться' и 'пугаться'. Кроме того, германские параллели предполагают *gh в индоевропейском. Др.-греч. *φεύγω* 'бегу', *φύγη* 'бегство' проис-

ходят, по-видимому, из того же диалекта, что и латинские формы.

Лат. *fallo, fallere* 'обманывать, лишать обманом, скрывать', *falsus* 'ложный, поддельный, мнимый, фальшивый' мы соотносим генетически с праслав. *холствъ* 'холостой, пустой, мнимый' (ст.-слав. хлатьъ, словен. *hlást*, чеш. *chlastý*, др.-рус. холостыи, рус. холостой, бел. халасты и др.). Славянские параллели не имеют надежной этимологии. То же можно сказать о латинских формах.

Лат. *fāmēs* 'голод, ненасытность, жадность' мы соотносим генетически с прасл. *хамати* 'быстро, жадно есть' (болг. *хамам*, словен. *hāmati*, чеш. *chāmati*, словац. *chamtat* и др.). Возможно, сюда же рус. шамать 'есть'. Латинские и славянские формы не имеют удовлетворительной этимологии. В лат. *fāmēs* можно предполагать сокращение долготы корневого вокализма в предупредном положении.

Лат. *fluō, fluere* 'течь, литься, струиться' мы соотносим генетически с прасл. *хлујати, хлујати* (< *хлүти) 'течь, литься' (серб.-ц.слав. хлоумти, болг. хлуйне, польск. chlupać, рус. хлынуть, укр. хлинути, бел. хлынуць и др.). Латинские и славянские формы не имеют надежных этимологий. Эти примеры, разумеется, обладают разной надежностью, но число их можно умножить. Так, прасл. *хотѣти*, которое мы рассматриваем как имеющее иное происхождение, чем *хѣтѣти*, возможно, генетически соотносится с лат. *fatum* 'рок': лат. *fata deorum* '(о)хота богов'. Прасл. *хогъ* 'здание, строение, храм', возможно, одного происхождения с лат. *formo, formare* 'делать, изготовлять, строить'. Надежность каждой из этих параллелей зависит

от получения дополнительных данных из сравниваемых и других индоевропейских языков (следует, например, объяснить прасл. *χοτέτι* ~ др.-греч. *χάτεω* 'хочу' и др.). Надежность будет также повышаться по мере увеличения числа такого рода параллелей.

Мы обратили внимание на то, что соотношение *hovati* ~ *fovēre* дополняется др.-инд. *śáva* и др. Таким образом, ожидаются параллели с начальным латинским *f* и началом, восходящим к традиционному и.-е. *ǵ*, которое мы трактуем как *X'*.

Список такого рода соответствий открывается лат. *fēnum*/*faenum* 'сено' ~ прасл. *zěno*, лит. *šiėnas* 'тж' и др. Список этот может быть продолжен. Так, лат. *fēmina* 'женщина' (<*faemina), возможно, генетически соотносится с прасл. *zěmina* 'принадлежащая к домочадцам, член семьи' (ср. лит. *šeimūna* 'челядь', др.-прус. *seimīns* 'тж' и др.). Поразительно близки лат. *falco* 'сокол' и прасл. *sokolь*. По-видимому, *falco* < *focolo (ср. др.-инд. *śakuni* 'хищная птица'). Привлекают и другие возможные сравнения: лат. *fax* 'лучина' и лит. *šakalỹs*, латыш. *sakaļi* 'тж' и др.

Предложенный материал усиливает гипотезу о спирантном характере и.-е. *ǵ*, *ǵ̃*, *ǵh*.

Индоевропейская основа *deks- (t'ek(h)s-), однозначно реконструируемая для обозначения правой руки, в настоящее время оказывается довольно ограниченной в своей ареальной дистрибуции. В современных индоевропейских языках ее рефлекссы встречаются: 1. в Индии (хинди *dāhina*, непали *da(h)inu*, шина *daṣinu*), 2. в Литве (лит. *dešinas*), 3. в Средиземноморье (болг. Десень, сербск. Десан, словенск. *déšen*, алб. *djathë*, ново-греч. *deksífos*, итал. *destro*, провансальск. *destre*, исп. книжн. *diestro*, катал. книжн. *destre*, порт. книжн. *destro*) и 4. в зоне распространения кельтских языков (ирл. *deas*, валл. *deau*, брет. *dehou*). В других регионах продолжения старой лексики были вытеснены словами с общим значением 'прямой, правильный, право', что при всей универсальности этого языкового факта (германские, романские, славянские, иранские, цыганские языки и диалекты) остается явлением еще в достаточной степени не интерпретированным и нуждающимся в специальном исследовании.

Необходимо отметить, что наряду со значением 'правая рука, правый' и т.е. *deks- имеет (получает? сохраняет?) в отдельных регионах также значения 'ловкий, умелый; благоприятный' и 'жнкий'. Все указанные значения представлены у данной лексики лишь в Индии и в Ирландии, в славянских языках и в литовском отсутствует значение 'ловкий, умелый', которое, напротив, оказывается единственным, сохранившимся в испанском, тогда как значение 'правый' у слова *diestro* встречается

лишь в книжной, архаизованной речи.

Направление семантической эволюции в данном случае представляется спорным. Если значение 'южный' выводится из 'правый' довольно логично (как следствие ориентирования по восходящему солнцу), выводимость 'ловкий' из 'правый' требует доказательств. Так, сопоставление с данными финно-угорских языков, в которых устойчивой моделью является переход 'хороший, лучший' → 'правый', а также скандинавскими языками, утратившими рефлексы и.е. *deks- и возводящими обозначение правой руки к др.исл. *hoegr* 'ловкий, удобный, приятный' (ср. также др.англ. *swiðra* - букв. 'сильнейший' как еще один вариант м о т и в и р о в а н н о й этимологии обозначения правой руки) заставляет предположить, что исходным значением *deks-* могло быть 'ловкий, удобный' или 'сильный, умелый'. Этой точки зрения придерживается и А.Я.Шайкевич, коррелирующий продолжения и.е. *deks- с санскр. *dakṣati* 'удовлетворяет, подходит' и лат. *decus* 'подобающий'. "В индоевропейских языках, - пишет он, - засвидетельствовано развитие значения 'правый' из (!) значений 'удобный, подходящий'¹.

Однако, подобная точка зрения противоречит распространенному мнению о закономерности семантического развития от "конкретного" к "абстрактному" (довольно, признаться, спорному). Тем не менее, обращение к фактам кельтских языков подтверждает противоположную точку зрения, так как в ирландском значение 'благоприятный, милый' у лексемы *dess* фиксируется довольно поздно по сравнению с другими ее значениями (ср. в

---

¹ Шайкевич А.Я. Слова со значением "правый" и "левый" (Спыт сопоставительного анализа) // Ученые записки I-го Моск.гос.педагогического ин-та иностранных языков, т. XXIII, 1960. С.58.

Словаре ирландского языка в статье к слову *dess*: "(d) by extension (!) convenient, becoming, agreeable, well arranged, neat, later pretty, fine²). В валлийском и бретонском значения 'милый, приятный; подходящий' вообще отсутствуют при сохранении значений 'правый' и 'южный'.

Но принимая данную точку зрения и считая значение 'правая рука' исходным, мы должны будем квалифицировать его как "простое", что, безусловно, противоречит фактам этно-культурного развития. Ср. в этой связи замечание Ф.Джонсона-Лэрда: "Значение базовых пространственных терминов типа "правый" и "левый" не может быть описано в виде стандартной словарной статьи, в которой оно было бы разложено на элементы, поскольку определить эти слова в более элементарных терминах невозможно. Однако, тот факт, что они неопределяемы, не означает, что они элементарны"³.

Наряду с упоминаемой нами финно-угорской моделью, которая может быть названа квалификативной, довольно широкое распространение имеет и стадияльно более архаическая "предикативная" модель: правая рука обозначается по основному, совершаемому ею действию (ср. модель 'есть' - 'правый' в африканских языках и пр.). Искомым глаголом в данном случае, на наш взгляд, может быть назван и:е. глагол широкого спектра *t(h)ěk(h)s- 'изготавливать, плести, мастерить, обрабатывать' (откуда - кет. takš- 'делать, соединять', др.-инд. takṣati

---

² Contribution to a Dictionary of the Irish Language: *degra - dodelbtha*, Dublin, 1959, Col.47.

³ Джонсон-Лэрд Ф. Процедура семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XXIII, М., 1988, С.254.

'изготавливает, мастерит', греч. τέχνη 'ремесло, искусство', лат. *texō* 'плету, строю' и др.)⁴.

Сохранение у корня *deks-* значения 'кжный' в маргинальных ареалах свидетельствует об архаичности этого семантического перехода (ср. также др.евр. *jamīn* 'правый, кжный'). В то же время, являясь фактом обработанного языка эзотерических групп, данный корень во всей совокупности своих значений не достигал уровня речи, что, как представляется, может быть подтверждено тем фактом, что при всей универсальности оппозиции "правый" - "левый", характерной уже для самых ранних этапов лингво-ментальной эволюции и коренящейся в чисто объективном различии физиологических способностей рук человека уже на самых ранних этапах антропогенеза, сами эти понятия оказываются усваиваемыми детьми довольно поздно, причем - в результате специальной "пространственной" тренировки. Ср. эпизод с "черноногой девчонкой", не знающей, где право, где лево в "Мертвых душах". Подобные затруднения встречаются в необразованных классах и среди взрослого населения. См. у Пушкина в "Капитанской дочке": "Комендант по собственной охоте учил иногда своих солдат, но еще не мог добиться, чтобы все они знали, которая сторона правая, которая левая". Ср. аналогичный эпизод "сено - солома" из биографии Суворова.

Таким образом, как можно предположить, немотивированность рефлексов корня **deks-* на широком языковом уровне при условии отсутствия семантически параллельного подкрепления рано табуированным "левый", обусловили его нестойкость в ареалах "горя-

---

⁴ Ср. также в словарной статье к готск. *taishwa*: "... based on PIE **dek-* "take" - Lehmann W.P. Gothic Etymological Dictionary, Leiden, 1986, P.338.

чей культуры". Несколько иное объяснение феномена вытеснения и.е. корня дается С.Г.Проскуриным: "Табуированность протогерманской формы "правый" вполне могла быть вызвана характерным для древнегерманской культуры представлением об этой руке (стороне) как "агрессивной" и "угрожающей" ⁵.

Вытеснение же рефлексов и.е. лексемы именно словами с исходным значением 'правильный, прямой' может быть интерпретировано как следствие победы новых форм коллективного мышления, анти-эзотерических и основанных на универсальной догме. Ср.: "Употребление самих слов "левый" и "правый" в большинстве языков отчетливо демонстрирует этот "правый уклон". Английское слово right означает одновременно и "правый" и "правильный", что указывает, по-видимому, что "пользоваться правой рукой - правильно" ⁶.

---

⁵ Проскурин С.Г. О значениях "правый - левый" в свете древнегерманской лингвокультурной традиции // Вопросы языкознания, 1990, № 5, С.43.

⁶ Гарднер М. Этот правый, левый мир. М., 1967. С.77.

НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ О СОБИРАТЕЛЬНОМ "ОБА"

Для выражения парности как наименьшей собирательности в индоевропейских языках наряду с другими существует слово "оба". "Два" и "оба" в силу своей внутренней связи с парностью сохранили в склонении следы двойственного числа [5, 260 и сл.; 3, 153-154; 10, 65-66]. Количественное "2" и слово "оба" одинаково склоняются, как то, так и другое служит для указания фактически на одно и то же количество предметов, но, тем не менее, в языках они оба сохраняются, не вытесняя друг друга из обихода. Это обстоятельство можно принять за указание на различие в их функциях, на необходимость употребления каждого из них для выражения семантических нюансов. В диалектах русского языка употребляется форма: ОБА - м. р., ОБЪ - ж. р., ОБОЕ, если речь идет о существительных среднего рода, точнее - о вещах. Если слово "оба" больше говорит о совместности действия, признака, состояния, то "2" лишь фиксирует определенное количество и, по крайней мере, первоначально, могло быть создано носителями языка для обозначения, хотя бы и самого меньшего, но собирательного множества. На основании данных славянских языков и их диалектов для общеславянского реконструируется форма *oba /m./, *obē /f./ [11, 23, 96]. Славянской форме соответствует греч. ἄμφω, лат.ambo, др.-инд. ubhāu, ubhā- /m./, ubhē /f., n./, авест. uwa-m, ubē-f, гот. bai, др.-сев. bāda, др.-сакс. bēthie, а.-г.-с. bā, англ. both, др.-в.-н. bēde, совр. нем. beide [11, 96-97; 7, 625]. В качестве индоевропейской формы этого слова предполагается *ambhō, в которой можно выделить •-bhō- семантически полновесную часть, несущую основную смысловую нагрузку, и префикс *am- неясного значения [7, 625]. Этот префикс сохранили греческие и латинские формы; балтославянские и индо-иранский - с одной стороны, утратили согласный элемент этого префикса, с другой - заменили один начальный префикс другим; ср. индо-иранские формы. Что касается германских языков, в них формы слова "оба" употребляются вообще без этого префикса. И.-е. *-bhō- послужило основой для возникновения целого ряда слов, типа др.-инд. bhayate "боится",

др.-в.-н. *bibēn*, лит. *bijótis*, слав. БОЯТИСЯ, подобно тому как основа и.-е. **d/u/vo/u/-* "2" послужила производящей для **dvei-* "бояться"; ср.: греч. гом. $\delta\upsilon\omega > \delta\epsilon\iota\delta\upsilon\mu\epsilon\nu < *d\epsilon-d\upsilon\mu\epsilon\nu$ *EV*. Слова, содержащие основу числительного "2", используют ее полностью в качестве производящей. Древнеиндийский же глагол *bhāyate* и прочие индоевропейские формы используют и.-е. **-bhō-* без учета префиксального *u-*, входящего в состав древнеиндийского *ubha* "оба": О семантике ряда производных от др.-инд. *-bhā-* необходимо заметить, что она формируется на основании семантики *ubhā* "оба; и тот и другой": значение "боится", на наш взгляд, складывалось следующим образом: *ubhā* "оба; и тот и другой" $>$ *ubhāyā* "двумя способами; и так и эдак" [2, 131; 6, 87] $>$ *bhāyate* "поступает и так и эдак" $>$ "колеблется" $>$ "не решается, опасается" $>$ "боится". Таким образом, и числительное "2" и слово "оба" сохраняют много общего не только в склонении и в определенной части значения, но и в тенденции развития индоевропейской лексики более позднего периода. Думается, что индоевропейская основа **bhō-* значения "бояться" не имела. Не этому значению обязано слово "оба" своим происхождением. Поскольку нельзя сказать определенно, к какому периоду развития падежной системы и оформления индоевропейского склонения может быть отнесено реконструированное **ambho-*, то представляется невозможным воссоздать и его исходную форму. Но, тем не менее, в и.-е. *ambhi, к которому восходит греч. $\alpha\mu\beta\acute{\iota}$, лат. *ambi-*, *amb-*, др.-ирл. *imb-*, ст.-слав. и др.-русс. ОБИ-, др.-герм. *bī*, англ. *by*, совр. нем. *bei* "кругом, около, у", является одной из ранних падежных форм и.-е. **ambhō-*. Интересно, что префикс этого индоевропейского образования претерпевает по языкам точно такие же изменения, что и префикс и.-е. **ambho-*. Вообще же слово "оба" во всех индоевропейских языках находится в некоторой этимологической изолированности, по-видимому, благодаря своему не совсем обычному морфологическому оформлению и довольно обобщенной семантике. Основа **bho-* представляет для нас интерес в том плане, что она, кроме всего прочего, в измененном виде появляется в ряде индоевропейских окончаний, прежде всего, в окончании дательного, орудийного, отложительного падежей множественного числа. Первоначально и.-е. **bho-* могло быть

полнозначным, самостоятельно употреблявшимся в языковом обиходе словом. Но так как морфология - согласно меткому замечанию ученого, не что иное как синтаксис, окаменевший с течением времени, то отдельные слова, особенно часто употреблявшиеся для выражения внутриязыковых, внутрифразовых отношений, постепенно утрачивали свою семантическую и грамматическую самостоятельность, переходили сначала в разряд служебных слов, а затем, конечно, не всегда, - в разряд грамматических средств [I, 95-96; 4, 148-149]. В ряде индоевропейских языков окончание *-bus* употреблялось для образования падежных форм у существительных женского рода с основами на *-ā*-долгий: др.-инд. Дат.-Абл. множ. ч. *ācvaḅhyañ*, лат. *equābus*. Наряду с окончанием *-bus* в индоевропейских языках сохраняется и окончание *-bis* < **-bhis*, которое является, очевидно, одной из падежных форм основы **bho-*. Использование *u-* вместо *am-*, возможно, объясняется тем, что *-am* в качестве показателя двойственности уже закрепился в падежном окончании. Если посмотреть соотношение морфологического состава и.-е. "оба" и падежных окончаний двойственного числа, то вырисовывается, в основном, следующая картина. Языки, в которых парадигма склонения "периферийных" падежей (дательного, орудийного, аблатива, местного) не содержит элемента *-m*, имеют его в составе слова "оба"; ср. греческие, латинские, кельтские формы. И, наоборот, если *-m* входит в состав окончаний "периферийных" падежей, то слово "оба" в лучшем случае сохраняет гласный элемент и.-е. **am-*, либо не имеет его полностью; ср. балто-славянские и германские формы. В парадигме склонений индоевропейских языков окончания *-bis* и *-bus* четко не дифференцируются [10, 78 и сл.]. Что-либо определенное о значении древнейшей индоевропейской основы, давшей, с одной стороны, **-bhō-*, входящее в состав **am-bhō-*, с другой - образования *-bhov*, *-bhis* и, возможно, *-bhe-*, сказать трудно. Индоевропейское **-bhō-* не обнаружено как самостоятельное полнозначное слово, но проявляется лишь в отдельных морфологических элементах. Значение его остается скрытым. В процессе употребления этой основы произошла частичная утрата значения, определенные семантические сдвиги. Воплощение, по-видимому, большей части семантики в словообразовательных связях [8, 257]. Учитывая особенности семантического развития слов, мы и попытались рассмотреть окончания, которые генетически родственны и.-е. **bho-*, входящему в состав **ambho-*. В результате

и.-е. *ambho во многих языках получает дальнейшее развитие. Так, в балтийских и славянских языках появляются составные формы типа: русск. псковск. диал. и др.-русск. ОБАЦВА "оба", др.-русск. СБОУДУ, редко - СБОУДНО "с обеих сторон" и т. д. Их появление свидетельствует о недостаточном указании на количественность, что должно восполнить числительное "2". Так как функции числительного "2" и собирательного "оба" первоначально в языке различались значительно, то было необходимо как то, так и другое. Возникли они, очевидно, от разных основ. Если количественное "2" должно было образовываться от основы, которая выражала бы не только количество, но и возможность существования каждого лица, предмета по отдельности, то собирательное "оба", прежде всего, должно было показать совместность и в самой основе иметь это значение. Поэтому мы считаем возможной генетическую связь и.-е. *-bho- с основой глагола *bheu-// *bhou-// *bhu- "быть, существовать, помещаться".

Литература

1. Иванов Вяч. Вс. О соотношении развития морфологического и синтаксического уровней языка // Тезисы докладов II Всесоюзной конференции "Диалектика развития языка". М.: Наука, 1980. С. 94-106.
2. Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. М.: Русский язык, 1978. 896 с.
3. Кузнецов П. С. Развитие индоевропейского склонения в общеславянском языке // Исследования по славянскому языкознанию. М.: АН СССР, 1961. С. 114-165.
4. Lehmann W. P. From phonetic facts to syntactic paradigms. University of Texas. P. 148-149.
5. Мейе А. Общеславянский язык. М.; Изд-во Иностранной литературы, 1951. 492 с.
6. Mylius H. K. Sanskritisch-deutsches Wörterbuch. Leipzig: Enzyklopedie, 1975. 583 с.
7. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М.; 1910-1914.
8. Супрун А. Е., Плотников Б. А. Манифестация значения, его исследование // Проблемы семантики (материалы дискуссии 1971 года в Институте Востоковедения). М.: Наука, 1974.

С. 255-262.

9. Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960. 320 с.

10. Тронский И. М. Общеиндоевропейское языковое состояние. М.: Наука, 1967. 103 с.

11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс. Т. 3. 1971. С. 96-97.

СТРУКТУРА РОДООБРАЗУЮЩИХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ
И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И.-Е. РОДА

1. При исследовании проблем диахронии грамматического рода средства выражения рода часто рассматриваются как пассивный продукт родовых отношений, а не как активно действующая материя, которая составляет онтологическую сущность категории. Цель данной работы показать, что внимание к морфологическим оформителям слова как "работающей" системе дает возможность наблюдать в развитии рода такие явления, которые вне такого подхода могут оказаться незамеченными.

2. В основе предлагаемых представлений о структуре родообразующих противопоставлений лежит гипотеза о генезисе рода как грамматическом освоении известного параллелизма именных основ на $-ā$ и $-ō$ (1, с.17-19). Направленность согласовательных отношений на указанные основы составляет содержание генетического принципа построения родовой согласовательной модели (2, с.46-47). Структура родообразующих противопоставлений в и.-е. изначально бинарна. Однако оппозиция а- и о-основ (родообразующие классы) предполагает третий член оппозиции - имена, не относящиеся ни к одной из названных основ; этот класс субстантивных имен по соотношению с двумя другими приобретает статус ср.рода. Сказанное отвечает на весьма популярный "загадочный" вопрос о том, почему в и.-е. именно три рода. Трехчленная структура родовых противопоставлений двухступенчата. На первом уровне реализуется генетическая формула (сильный род) $-ā - -ō$, имманентно

переходящая в оппозицию $\underline{a}$ - $\text{не-}\underline{a}$, где второй член оппозиции в свою очередь тоже представляет собой бинарную оппозицию, но уже второго уровня (слабый род): $\text{не-}\underline{a} = -\underline{a}$ - $\text{не-}\underline{a}$. Таким образом, противопоставление муж.р. - ср.р. имеет отношение не столько к генезису рода, сколько к его развитию. Ср.род - одна из форм вовлечения в сферу родовых отношений именно-го фонда того типа морфологии, которой и.-е. язык располагал к периоду родообразования. На первом этапе развертывания трехродовой системы формируется так называемый нулевой ср.р. (применительно к праязыку - чистые основы), а в сфере адъективных имен в порядке расширения парадигмы складывается форма ср.р. на базе о-основы типа *σοφον* "мудрое", что обеспечивает второй этап усвоения субстантивного фонда третьего склонения: образование субстантивированных имен ср.р. типа лат. *bonum* "добро", а также ориентированный на этот образец переход имен третьего склонения в средний продуктивный род типа древнегр. *ἀστρόν* < *ἀστῆρ*. Если на первом уровне действует родообразующий принцип, содержанием которого является омонимия а- и о-основ атрибутивных и субстантивных слов, то материальная база согласовательного принципа на втором уровне может быть выражена формулой $\underline{a}$ - $\text{не-}\underline{a}$.

3.1. Двухуровневая структура родообразующих противопоставлений обнаруживает тенденцию к уравниванию морфологического статуса показателей рода, что приводит либо к укреплению трехклассной системы (слав., греч.), либо к разрушению ср.р. (балт., ром.), т.е. к устранению второго уровня. В условиях трехклассной системы полное устранение второго уровня может быть достигнуто лишь для оппозиции прямых падежей,

поэтому одноуровневой в полном смысле этого термина позво-
тельно считать только трехродовую систему в болгарском.

3.2.0. Установление двоичной родовой системы по формуле
2<3 происходит по-разному в различных языках.

3.2.1. Так, напр., в балт. развертывание трехродовой
структуры не завершилось созданием класса имен существитель-
ных ср.р. на базе о-основы, так как, видимо, к этому времени
произошло изменение фонетических условий (ǫ>ǎ), что устрани-
ло качественное различие между родообразующими основами, а
следовательно, и действие родообразующего принципа. Именно
этим можно объяснить наличие в балт.несовпадений в склонении
адъективных и субстантивных имен, восходящих к а- и о-осно-
вам, а также необязательность перехода в продуктивные скло-
нения непродуктивных и соответственно их консервацию. Сопо-
ставление балт. и слав. языков подчеркивает роль генетическо-
го принципа родообразования в перестройке склонений, см. об
этом (3, с.56-57). Согласовательные связи и распределение
имен по родам были в условиях уже сложившихся родовых отно-
шений переориентированы по принципу второго уровня родовой
структуры. В соответствии с этим принципом сигматические
формы переходили в муж.р., асигматические - в жен.р., так же
как распределялись, напр., и-основы в древнегр.- и лат., с той
лишь разницей, что в последних асигматические формы относи-
лись к ср.роду.

3.2.2. В лат.трехродовая система была развернута пол-
ностью, т.е. до создания класса существительных ср.р. на
базе о-основы. Это достаточно полно отражено в письменности,
как, впрочем, и то, что тенденция к дальнейшему укреплению

трехчленной структуры была приостановлена. Вариативность м. и ср. родов потеряла продуктивность в качестве словообразовательного средства, ср.р. не получил структурного обособления на уровне суффиксов как классовых показателей второго порядка (в отличие, напр., от слав.). В результате родовая вариантность второй ступени приобрела свертывающий характер по формуле $-s - -sm$, где второй член обозначает сужающуюся зону нейтрализации, смещения классовых дифферентов, а первый — зону, где такое смещение исключалось, и в немалой степени благодаря хорошо развитой именной категории лица. В нар.лат. и ром. языках установилась двоичная родовая система.

3.2.3. Развитие грамматического рода определяется структурой противопоставлений во взаимодействии с фонетическими, грамматическими и семантическими условиями, сложившимися в тот или иной период существования конкретного языка или языковой общности. Применительно к и.-е. языку, как это вытекает из сопоставления слав., древнегр., лат., с одной стороны, и балт. — с другой, наиболее бесспорной может считаться реконструкция родообразования и разворачивания трехчленной структуры со ср. родом в качестве нулевого. Что же касается формирования класса существительных ср.р. на базе о-основы, то этот этап усвоения родового именного фонда нет оснований приписывать всем и.-е. языкам с эксплицитованными отношениями по роду. Структура родообразующих противопоставлений в и.-е. характеризуется следующими типологически значимыми и существенными для данной работы особенностями: изначальная трехчленность и двухступенчатость оппозиции и тенденция развития, допускающая лишь уменьшение родовых противопоставлений.

4. Предложенное выше понимание родовой ситуации в и.-е. языке вступает в противоречие с широко распространенным в языковедении представлением о развитии трехродовой системы из двухродовой, возникшей в свою очередь как выражение категории одушевленности/неодушевленности. Однако реализация формулы $3 < 2$ не прослеживается на доступном исследованию и.-е. языковом материале, не говоря уже о том, что предшествование роду в индоевропейском категории од./неод. весьма проблематично, если учесть отсутствие этой категории в балт. даже на уровне местоимений. Для доказательства реальности формулы $3 < 2$ обычно ссылаются на наличие в лат. и древнегр. прилагательных одного, двух и трех окончаний. Однако, на наш взгляд, здесь речь должна идти не о ступенях генезиса рода, а о степени освоения родовой системой дородового именного фонда, см. (2, с. 47-48). Так, напр., в древнегр. в двучленной адъективной парадигме $\acute{\epsilon}\chi\acute{\iota}\nu\ \tau,\ \phi - \acute{\epsilon}\chi\acute{\iota}\nu\ \eta$ "добровольный" первая форма создается для согласования с существительными I и 2 склонения (родообразующими классами). Уже под влиянием парадигмы прилагательных продуктивных склонений образуется форма ж.р. $\acute{\epsilon}\chi\acute{\iota}\nu\ \beta\alpha$ в качестве третьего члена оппозиции. Подобное наблюдается и в лат. Кроме того, прилагательные на $-\omega\iota, -\omega\iota$ могут наращивать продуктивный морфологический слой: $-\omega\iota\kappa\varsigma, -\omega\iota\eta, -\omega\iota\omicron$.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Копелиович А.Б. Лингвистический смысл родообразующих противопоставлений // Проблемы семантической и синтаксической типологии. - М.: Наука, 1989.
2. Он же. Формирование родовых отношений в индоевропейских языках // Филологические науки, 1989, № 3.
3. Он же. Очерки по истории грамматического рода. - Владивосток: Из-во Дальневост. ун-та, 1989.

ПРОСТРАНСТВО ПРОСОДИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И АКЦЕНТНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

1. Языки мира обнаруживают значительное разнообразие моделей просодической организации слова. Это типологическое богатство обусловлено обилием потенциально независимых просодических характеристик и их комбинаций, а также множественностью объединения их в кластеры, выступающие как функциональные единства. К этому добавляются различия в типе взаимодействия с просодическими структурами более высоких рангов и с сегментным составом. В настоящем докладе мы ограничимся лишь теми признаками, которые могут использоваться при организации акцентной схемы слова, т.е. такими, значения которых могут определять компоненты слова как несущие выделение (*prominence*).

Чтобы лучше понять устройство просодического пространства в акцентологическом аспекте, рассмотрим два принципиально разных способа ритмизации слова: плюралистический и унитарный. В случае плюралистической ритмизации слово содержит множество независимых просодических слоев: тональный, фонационный, динамический, количественный, растворный, — и эти характеристики принимают разные значения в разных словах. Кроме того, есть некоторые общие паттерны, связанные с интегральной схемой построения отрезка речи по типу нисходящей звучности (с начальным скачком вверх и конечным вниз), а также с тенденцией к диглодии. Все это создает чрезвычайно сложные и разнообразные просодические схемы.

Имеется, очевидно, две интуитивных тактики выделения:

1) кульминативная — как "акцент" ощущается "большее" значение

признака, т.е. более высокий тон, бóльшая громкость (как следствие большего дыхательного усилия или более широкого раствора), большая напряженность (в том числе резкое начало слога), большее количество (долгота гласного, закрытость слога);

2) тактика "перелома" – как "акцент" ощущается изменение значения признака, т.е. ступенчатое изменение тона или фонации на слоговой границе, тональное скольжение или фонационный глайд внутри слога. Возможно совмещение этих двух тактик: как выделенный может, например, ощущаться последний высокотональный слог, за которым следует спад.

Когда просодические слои не скоррелированы, кульминативные точки и точки переломов (если таковые в слове имеются) могут совпадать или нет. В предельных случаях возможны, с одной стороны, слова с выделением одного слога по одному или более основаниям, а с другой стороны, почти безакцентные слова (имеющие лишь интегральную ритмизацию). Промежуточное положение занимают слова с выделением нескольких слогов (по разным основаниям), в которых трудно определить главную вершину. Такова классическая система без ударения.

Обратимся теперь к системе с унитарной ритмизацией. То, что в плюралистической системе является одной из возможностей, здесь является стандартом: в слове имеется единая точка выделения для всех просодических слоев, т.е. некоторый слог выше, громче, "тяжелее" и т.д., чем другие. Такой представляется классическая система с ударением.

Ясно, что можно постулировать большое число промежуточных состояний с разными типами кластеризации просодических характеристик. Соответственно, возможны разные типы акцентуации и

разная степень охвата вершинообразующей ритмизацией всего словаря языка.

2. Если исключить из рассмотрения моносиллабические языки, то в лингвистике презумптивно доминирует унитарная модель в кульминативном варианте, т.е. принимается, что слово нормально содержит ритмическую вершину, и притом только одну. Однако в действительности ритмизация этого типа не столь широко распространена и модели плюралистического типа встречаются, как кажется, гораздо чаще (впрочем, просодия большинства языков мира практически не описана). Так, из 26 языков Дагестана ударение имеют только 9 (причем не во всех диалектах). В языках без ударения выделение идет здесь по многим основаниям: при общей тенденции к начальному усилению выделяются также слоги, несущие скользящий тон, и "тяжелые" слоги. При совмещении благоприятных факторов мы находим приближение к кульминативной структуре, при их отсутствии (например, в словах структуры СГСГ с низкими ровными тонами) заметна лишь незначительная степень выделенности начального слога.

Унитарная ритмизация **не характерна**, судя по всему, и для тюркских языков. Так, в тувинском мы наблюдали динамическое усиление начала слова и выделение конечного слога сингармонического комплекса при наличии на нем тонального перелома (тувинский является тональным языком). В то же время выделение связано еще с двумя факторами: двумерностью гласного и резким слогоразделом. Многообразие комбинаций этих характеристик в слове создает обилие ритмических схем. Снова ровнотональные слова без резких слогоразделов и без долгих гласных имеют лишь незначительное начальное усиление.

3. Каков дрейф языков в описанном просодическом пространстве? Обнаруживаются ли некоторые общие тенденции развития или имеются разные направления изменения? Представляется продуктивной следующая эволюционная гипотеза: языки переходят от плюралистической просодии слова к унитарной. Мотивация этого направления развития (не убоимся обвинения в неомарризме!) такова: в связи с усложнением концептуальных структур и системы интерактивных отношений по мере развития цивилизации в языке возрастает роль непропозициональной семантики, а важнейшим средством ее выражения (по крайней мере, в части языков) является фразовая акцентуация. Усложнение системы фразовой акцентуации создает нужду в однозначном "якоре", к которому фразовый акцент "цепляется" в слове, т.е. в одновершинной ритмической схеме. Эта потребность реализуется (не обязательно!) за счет развития системы словесного ударения того или иного типа.

Наибольший интерес представляют системы с парадигматическим ударением. Их возникновение обусловлено, вероятно, многофакторной мотивацией места иктуса (в число факторов могут входить как фонетические, так и грамматические). Типичный пример такой системы дает русский язык. Расстановка иктуса в современном русском слове определяется следующими фонетическими характеристиками: наличие/отсутствие скольжения тона, наличие/отсутствие фонационного перелома, наличие/отсутствие перелома уровня тона, схема распределения растворов по слогам. Все это — скрытые характеристики, осознание которых требует специальной тренировки (ср. скрытые категории семантики). Распределение слов по известным парадигмам таково (в качестве

примеров приводятся существительные на -а): парадигма А - наличие скользящего тона (баня, дорога, могила); парадигма В - наличие как скользящего тона, так и фонационного перелома (броня, пелена, сатана); парадигма С - отсутствие скольжения тона и фонационного перелома. В парадигме С выделяется две подпарадигмы: 1-я имеет одинаковый ровный тон на всем слове (вода, борода), а 2-я - переход с одного ровного тона на другой (волна, весна). Существительные 1-го типа смещают иктус в вин.падеже ед.числа, существительные 2-го типа не меняют места иктуса (перелом тона "держит" ударение). Смещение иктуса на основу в вин.ед. и им./вин.мн. имен существительных на -а обусловлено узким раствором окончаний. Имеется немало других случаев, когда необычное место иктуса обусловлено требованием растворной структуры (иктус стремится совпасть с более широким раствором): слюна, ягода (парадигма А), свобода (парадигма С). Кроме основных парадигм, имеются смешанные: ровнотональные слова с фонационным переломом (река, борозда), ровнотональные слова с переломом тона и фонации (овца).

Современное состояние явно восходит к плюралистической просодической системе, в которой ровнотональные слова не имели полноценного выделения (энклиномены). Развитие "настоящего" ударения вынудило вершинообразующую ритмизацию и в тех случаях, когда исконного "якоря" для иктуса в слове не было.

ПРОСОДИЯ ОСНОВНЫХ ЕДИНИЦ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

1. Особенность китайского языка как языка слогоморфемного состоит в том, что его минимальной значимой единицей является слог, способный выступать в качестве носителя некоторого значения. Слог китайского языка может состоять как из одной слогообразующей фонемы, так и из большего числа фонем. В современном китайском национальном языке однофонемный слог может состоять из одной гласной или слогообразующего сонанта. Для того, чтобы отдельная фонема смогла образовать самостоятельную слоговую морфему требуется, чтобы она обладала тоном. Таким образом, просодия морфемы независимо от ее состава является той организующей силой, которая поддерживает фонетическое единство слога, а в случае необходимости превращает в слог отдельную фонему.

2. Функции фонемы европейских языков, в частности, русского, разделены в китайском между фонемой и слогом. Фонема русского языка выступает как смысловозначительная единица, которая легко выделяется в составе слога, но в принципе может обладать собственным значением. Фонема китайского языка как смысловозначительная единица легко выделяется из состава слога, но самостоятельно выступает в речи только в том случае, когда приобретает соответствующее просодическое оформление, т.е. тон. Таким образом, фонемы китайского языка вне просодического оформления выступают как фигуры, а слоговые морфемы, обладающие просодией, выступают как знаки плана выражения.

3. Морфема китайского языка представляет собой слог, обладающий тоном. Морфемы, состоящие из двух и большего числа слогов являются либо заимствованиями из иностранных языков, либо древнекитайскими двусложными словами, сохранившимися в современном языке. Независимо от числа составляющих их фонем слоги китайского языка обладают примерно одинаковой длительностью при отдельном произношении. Таким образом слоги делят китайскую речь на отрезки примерно одинаковой длительности. Слог является основной единицей ритма китайской речи, которая обладает отдельностью, обеспечивающей его выделение из потока речи, и целостностью, которая обеспечивается тоном или слоговой просодией.

4. Односложная морфема китайского языка подобно русской морфеме может выступать как самостоятельно, так и в составе лингвистических единиц более высокого уровня: слов, словосочетаний, предложений, но при этом непосредственно она входит в такие количественные единицы как бином или трехслог. Просодическая характеристика морфемы в этих двух синтаксических функциях различна. Выступая в составе сложной лингвистической единицы односложная морфема характеризуется тоном и ударением, но при самостоятельном употреблении она обладает просодией целого высказывания, т.е. выступает как предложение, состоящее из одной слоговой морфемы. Фразовая просодия морфемы может быть утвердительной, вопросительной, восклицательной. Утвердительная и вопросительная интонация более всего характерны для употребления односложной морфемы в составе диалога, восклицательная интонация возможна и вне диалога.

5. Морфемы китайского языка группируются в количественные еди-

ницы, которые представляют собой грамматическое, семантическое и просодическое единство. Количественные единицы китайского языка непосредственно связаны с ритмом речи. Они представляют собой аналогию метрическим единицам в музыке и стихосложении, где двуслог выступает как аналог простого двудольного такта, трехслог — как аналог простого трехдольного такта, четырехслог — аналог музыкальной фразы, т.е. сочетания двух простых двудольных тактов. Эти аналогии свидетельствуют об общеметрических принципах организации ритма китайской речи.

6. Двуслоги и трехслоги китайского языка по своим качественным признакам могут быть как словами, так ^и словосочетаниями. Общим просодическим признаком, объединяющим эти количественные единицы, является беспаузное произношение, характерное для ритмической единицы. В этом двуслоги и трехслоги отличаются от слов и словосочетаний европейских языков, где члены словосочетания разделены межсловесной паузой. Слог количественной единицы, обладающий тоном полной конфигурации, является ударным, слог, обладающий тоном неполной конфигурации, безударен. Крайним случаем неполноты конфигурации тона является нейтральный тон. При определении акустической основы ударения в современном китайском языке следует иметь в виду, что для полной реализации тона требуется примерно вдвое больше времени, чем для минимальной различимой реализации. Таким образом, различие между ударным и безударным слогом сводится к различию в длительности. Такое соотношение слогов по длительности внутри количественных единиц аналогично соотношению нот по длительности внутри такта, из которых сильная доля такта — долгая, слабая — краткая. При этом биномы могут быть либо двуударными, либо

имеют ударение на первом слоге. Трехслоги же имеют сильное ударение на первом и слабое на последнем слоге, между тем как их срединный слог обычно бывает краток и редуцирован в фонетическом и просодическом отношении. Просодия четырехслогов описана лишь частично. В настоящее время можно лишь сказать, что одна их часть характеризуется цезурой, делящей их на два двуслога, которые обладают просодическими признаками, свойственными биномам, а другая их часть произносится без паузы как биномы и трехслоги.

7. Акцентная характеристика количественных единиц китайского языка зависит от их синтаксических функций. Для просодии существенны две синтаксические позиции: изолированная—вне предложения и связанная—в составе предложения. В современном китайском языке имеются две акцентные модели. Биномы, второй слог которых произносится под так называемым нейтральным тоном, обладают силовым ударением на первом слоге. По своим акустическим признакам это ударение ничем не отличается от силового ударения в европейских языках. Однако в большинстве слогов, где этимологические тоны представлены в обоих слогах, имеет место другая акцентная модель, основанная на способе реализации тона и на длительности слога, связанной с полной или частичной его реализацией. В изолированной позиции бином первой акцентной модели имеет силовое ударение на первом слоге, бином второй акцентной модели двуударен. В контекстной позиции бином первой акцентной модели также имеет силовое ударение на первом слоге, между тем как просодия биномов второй акцентной модели зависит от их места в предложении. В середине фразы перед паузой, делящей предложение на некоторые коммуникативно существ-

венные части, бином двуударен как и в изолированной позиции. Во всех остальных случаях бином имеет ударение на первом слоге. Трехслоги имеют сильное ударение на первом слоге и слабое на третьем, четырехслоги имеют сильное ударение на первом слоге и слабое ударение на третьем.

8. Экспериментальные данные позволяют считать, что для самих носителей китайского языка полезным признаком словесного ударения является тональный признак: ударным признается тот слог, тон которого произнесен полностью и отчетливо, безударным тот тон, который произносится не полностью. В метрическом отношении эти просодические признаки количественных единиц китайского языка полностью соответствуют сильным и слабым долям такта, а в случае двуударного произношения ^{БИНОМ} является аналогом синкопы двудольного такта, при которой обе ноты такта одинаково длительны. Именно на этом эффекте основывается впечатление синкопированности китайской речи при ее восприятии на слух.

9. Ритмическая организация просодии китайского языка продолжается в области грамматики его количественных единиц, которые сочетаются друг с другом не только по семантическим и синтаксическим, но также и по ритмическим правилам. Их смысл состоит в том, что бином или любая другая количественная единица китайского языка стремится вступать в синтаксические и семантические отношения с количественными единицами того же количественного состава, образуя при этом сочетания, характеризующиеся метрической симметрией.

К РЕКОНСТРУКЦИИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ИМЕННЫХ КЛАССОВ В ПРА-МАНДЕ

Ещё Дж.Гринберг, разрабатывая свою всемирно известную классификацию африканских языков, говорил об отсутствии показателей именных классов в языках манде как об одном из важнейших признаков, отличающих эти языки от остальных групп в семье Нигер-Конго. Повидимому, впервые это утверждение подверг сомнению Р.Спирс (Spears, 1972), отметивший наличие аномального низкого тона в начале некоторых терминов родства в манинка. Позднее о следах морфем, которые являлись, повидимому, ранее показателями именных классов, писали Д.Кресельс, К.Поздняков и В.Выдрин.

Анализ материала сонинке, одного из самых "морфологизированных" языков манде, подтверждает выдвигавшиеся ранее предположения и позволяет говорить о возможности реконструкции в пра-манде ещё нескольких показателей классов - в дополнении к трём, о которых шла речь ранее. Таким образом, на нынешнем этапе исследования можно с большей или меньшей уверенностью говорить о следующем составе системы именных классов пра-манде:

1. *N-...-ø: сингулярный показатель класса терминов родства по восходящей линии и имён собственных. Низкий тон реконструируется на основании данных Р.Спирса по манинка. Назальный префикс препятствовал в сонинке присоединению других сингулярных суффиксов, которые, по сути, составляли с ним одну парадигму. Некоторые исключения из этого правила в сонинке (термины родства по восходящей линии, присоединяющие сингулярную морфему -e: faaba/-e 'отец', kiina/-e 'муж', zaaxa/-e 'мать') - по всей вероятности, позднего происхождения и являются следствием генерализации морфемы -e в ходе перестройки

всей системы именных классов в этом языке.

Не исключено, что префикс *N̄- является по происхождению possessивным местоимением 3 л. ед. ч. (в пра-юго-западном манде оно имеет именно такую форму, *N̄). В таком случае сингулярный показатель класса терминов родства на ещё более ранней стадии имел вид *ɔ-...-ɔ. Интересно отметить, что в других языках семьи Нигер-Конго, в которых имеется особый именной класс с семантикой "термины родства" (в банту это класс 1a), он обычно имеет нулевой показатель.

2. *N̄-...-rũ или просто*-rũ: множественный показатель для терминов родства и личных имён; другое его значение — так наз. "множественное сопровождение". Рефлексы суффикса*-rũ сохранились во многих языках манде; это все юго-западные манде, ма-нья, дьула Одьенне, маню, мандинка, бобо-фин. Повидимому, к этому же показателю следует возводить и суффикс множественности -ni (восточные диалекты сонинке), -ni (западные диалекты).

3. *N̄-...-ɔ: показатель несчётных существительных (вещества, жидкости и т. п.), существительных, обозначающих сложносоставные объекты или объекты, нормально являющиеся членами групп. В сонинке назальный префикс исчез, и показатель слился с рефлексом показателя *N̄-...-ɔ. В то же время в юго-западных манде *N̄-...-ɔ явился причиной появления существительных с начальными слабыми согласными, не участвующими в регулярном консонантном чередовании. В некоторых языках группы манде он вызвал появление слов с преназализованными начальными согласными. В бамана такие существительные произносятся с хорошо различимым тоном на назальном элементе; этот тон совпадает с тоном последующего слога: ñkákán 'большой чёрный муравей', но ñkàrà 'водяная змея'.

По-видимому, дополнительное значение этого префикса в пра-манден – диминутивность. Не случайно, как отмечает Ж. Дюместр, в бамана очень многие существительные, обозначающие мелких представителей фауны, включают в свой состав лексикализованный показатель диминутивности *-nin* и "нерегулярные тональные схемы"; эти же слова обычно имеют преназализованный начальный согласный: *ngòròbáńín* 'Oenas capensis', *ńjévílèńńín* 'Euplectes orix'. По-видимому, "нерегулярные тональные схемы" и возникли в результате воздействия тона назального префикса.

Интересна и форма диминутивного суффикса в бамана и манинка *-nin*. Принято считать, что этот суффикс этимологически тождествен слову *dén* 'ребёнок', однако его носовой начальный согласный нуждается в объяснении.

Мне известны только три прилагательных в бамана с начальным преназализованным согласным; два из них – *ńcínín* 'маленький' и *ńcérékéréńín* 'крохотный'. Можно высказать следующее предположение: не является ли их начальный элемент следом грамматического согласования с существительными по классу? Если в прото-манде именной классификатор **ń-...-ǝ* регулярно передавал диминутивное значение, то эти прилагательные должны были в таком случае регулярно присоединять его по согласованию, по типу **ń-ǝǝwóń cínín* 'маленькое животное'. После распада системы именных классов назальный префикс мог войти в состав корня прилагательного. Возможно, аналогичной была и эволюция нынешнего суффикса *-nin*: *ńsòńzàńńín* 'заяц' < **ń-sòńsánńín* *ń-dén*.

Следует отметить, что и третье прилагательное этой группы, *ńkáámá* 'неочищенный', сочетается только с названиями семян, т.е. "несчётными" существительными.

Вполне возможно, что согласование по именному классу стало причиной и консонантного чередования в юго-восточных языках манде – гбан, гуро и нван, в которых глухость или звонкость начального согласного прилагательного зависит от того, имеет ли определяемое существительное диминутивное значение.

4. * $-nV$ или, возможно, * $\acute{N}-\dots-nV$: показатель имён, обозначающих круглые, полые и вытянутые, часто трубкообразные или ключие объекты (т.е. объекты, для которых маркированным признаком является их форма). Мне удалось обнаружить следы этого показателя класса только в сонинке, где соответствующие существительные имеют геминированный носовой на конце основы. Повидимому, деграмматикализация этого класса произошла достаточно рано, так что сингулярный показатель $-e$, расширяя сферу своего применения, не вытеснил его, а наложился.

5. * $-è$ (* $-è$?) или * $\grave{N}-\dots-\grave{è}$ (* $\grave{N}-\dots-\grave{è}$?): семантически нейтральный сингулярный показатель. Соответствующее ему анафорическое местоимение скорее всего имело вид * $n\grave{i}$ или * $n\grave{è}$. Повидимому, его рефлексами являются "именные морфемы" $-i$, $-e$, $-è$ в юго-западных манде, куранко, ваи, сусу и некоторых других языках. В сонинке рефлекс этого показателя $-e$ также расширил свою сферу применения, а анафорическое местоимение приняло форму $\grave{N}$, и, повидимому, превратилось в сонинке в артикль, который может определять любое существительное.

6. * $-\grave{o}$ (?). В сонинке данные для реконструкции этого сингулярного показателя ненадежны. Его рефлексами, повидимому, являются "именные морфемы" $-\grave{o}$, $-\w{o}$ в мандинка и других языках и диалектах западной ветви манден, а также в языках манден южной и восточной периферии – маука, дафин. К соответствующему анафорическому местоимению восходят, по всей видимости,

анафорические местоимения *wó*, *ó* в современных языках манден. Повидимому, семантика показателя **-ò* в пра-манден была достаточно широкой, иначе его "генерализация" в мандинка, маука и дафин была бы невозможна.

7. **-ù*: показатель семантически нейтрального множественного. Повидимому, в прото-манде он коррелировал со всеми сингулярными показателями, кроме *N...-*ɔ*. Его рефлексамися являются, очевидно, плюральные суффиксы *ù* в бамана и *-u* в сонинке.

Итак, из семи реконструируемых мной показателей классов, пять имеют в своем составе назальный элемент, и в то же время ни один не содержит носового согласного. Это говорит о том, что система показателей классов в пра-манден насчитывала, по всей вероятности, большее количество элементов, однако в современных языках сохранились лишь назальные морфемы как наиболее устойчивые.

Выдрин В.Ф., Поздняков К.И. Реконструкция фонетической системы праманден // Африканское историческое языкознание. М.: Наука, 1987, с. 294-356.

Creissels D. Étude comparative de consonantisme de deux parlars manding (Mandinka-Bambara). // Bull. de Phonétique de Grenoble, vol. VIII, 1979, p. 99-155.

Dumestre G. Le bambara du Mali: Essais de description linguistique. Thèse de Doctorat. Paris, INALCO, 1987.

Lexique Soninké-Français. Bamako, DNAFLA, 1980.

Spears R. The Form of Mandingo Kinship Terms. // Anthropological Linguistics, Vol. 14, N° 7, 1972, p. 281-285.

Vydrin V.F. Reflection of the Nominal Classification in Manden and South-Western Mande Languages: The Connection Category. - Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschungen (Berlin), 42 (1), 1989, S. 91-101.

К ИСТОРИИ ГЛАГОЛЬНОГО УДАРЕНИЯ В МУНДЖАНСКОМ
И ПАМИРСКИХ ЯЗЫКАХ

Исследования истории глагольного ударения ряда живых иранских языков, включая бесписьменные, были в немалой степени стимулированы работами В.А.Дыбо в этой области (Дыбо 1970; 1972; 1974; 1989). Анализ истории глагольного ударения в мунджанском и памирских языках показал, что древние иранские диалекты – предки этих языков сохраняли еще архаичное разноместное ударение в личных глагольных формах. В дальнейшем ударение здесь значительно трансформировалось, причем в разных языках в различное время и различными путями.

В мунджанском языке древнее разноместное ударение выявляется в различной хронологии утраты тематической гласной *а перед флексией 3 л. ед. ч. и, соответственно, разном историко-фонетическом развитии этой флексии. В языках шугнано-рушанской группы и язгулямском ударение закрепилось: в первых – на основе, в последнем – на флексии, однако гласные основ, продолжающих древние презентные, отражают в одних глаголах древние корневые ударные, в других – безударные гласные, сохраняя рефлексy оппозиции 1, 2, и 3 классов основ (по Хр. Бартоломе). В ишкашимском языке живые разноакцентные парадигмы связаны в значительной мере с современными "сильными" и "слабыми" огласовками основ при частичном перераспределении древних презентных основ по парадигмам и пополнении обеих парадигм.

ДВЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

Балто-славянская акцентология, в разработку которой внес существенный вклад В. А. Дыбо, является передовой областью акцентологической компаративистики. Кажется естественным, что тенденции к пересмотру классических реконструкций, играющая такую большую роль в современной индоевропейской фонетике, должна отразиться и в исследованиях по истории балтийского и славянского ударения.

В настоящем докладе предлагаются для обсуждения две альтернативные реконструкции, построенные на известном сравнительном материале, но по-другому оценивающие исторические отношения членов сравнения, нежели это делается в существующей литературе.

І. Ф. де Соссюр в известных работах сформулировал два существенных положения относительно балтийских акцентов, которые до сих пор признаются справедливыми специалистами в данной области. Одно из этих положений получило название "закон Соссюра" и заключается в том, что балтийское ударение регулярно переносилось на последующий слог в исходном сочетании "ударный циркумфлектированный слог + безударный акутированный слог". Закон Соссюра оценивается как одно из важнейших достижений индоевропейской акцентологии. И если действие закона Соссюра в праславянском языке — предмет спора (В. А. Дыбо считает, что к славянскому материалу это положение де Соссюра неприменимо), то в области балтийской акцентологии закон принимается всеми.

Второе положение связано с первым, но привлекало гораздо меньше внимания. Соссюр установил, что во всех явных случаях оппозиция "акут ~ циркумфлекс" в литовском соответствует оппозиции "и.-е. исконно долгий гласный ~ и.-е. краткий, получивший долготу в лит. яз." (напр., и.-е. *vīrōs > лит. *výras*, но и.-е. *bhēbhṛūs > лит. *bēbrus*). Х. Станг и В.А. Дыбо принимают это положение.

Считается, что закон Соссюра, а также закон Лескина о сокращении конечных акутированных (независимо от места ударения) долгот с логической неизбежностью требуют признания первоначальных безударных интонаций. Начало такой трактовке положил сам Ф. де Соссюр в работе 1894 г. Приходится мириться с типологической экстравагантностью этой ситуации.

Между тем закон Соссюра в свете его второго положения означает всего лишь, что ударение перетягивалось с исконно короткого слога на исконно долгий. Интонации же могли развиваться позднее как средство частичного (только в ударных слогах) сохранения полезного противопоставления исконно (акут) и вторично (циркумфлекс) долгих слогов. Относительно закона Лескина следует принять во внимание, что в литовском языке акут конечного слога возможен лишь вторично вследствие элизии гласного, как в случаях Дат. мн. *vergáms*; 1 л. ед. *sukúos(i)*; *vakaró-p(i)*, или в результате аналогического воздействия при одновременном омонимическом отталкивании: *vergám* под влиянием *vergáms* при *vergám̃* (соответственно Дат. дв., Дат. мн. и Тв. дв.). Для реконструкции конечного акута нет оснований. Более того, можно утверждать, что в определенный период (до указанной выше элизии гласных) всякий конечный ударный слог, если он содержал

дифтонг или долгий гласный, принимал на себя циркумфлекс. Что касается литовских конечных долгот, они развиваются тремя путями: 1) стяжение, включая стяжение с носовым согласным: Род. ед. *vūro* < *vīr-o-ō Им. ед. *žėmė* < *ghemia; Род. мн. *vergū* < *vergos-um; 2) омонимическое отталкивание: Им. ед. *avis* - Им. мн. *āvys*; 3) преобразование дифтонгов: Зв. ед. *širdiė* < *krdei; Им. ед. *sesuõ* < *ewesor. Вторичным образом они также распространялись в формах Род., став его фонетической приметой, подобно тому, как позднее конечный акут превратился в характерный признак Дат. Подробное рассмотрение этого вопроса выходит за рамки настоящей работы.

В целом такая реконструкция означает, что и.-е. оппозиция по долготы/краткости в неконечных слогах пралитовского превратилась в троичную, а в конечных слогах на какой-то период нейтрализовалась в пользу краткого гласного. Если принять трактовку циркумфлекса как полудолготы (в известной мере следующую из "системы Барановского"), то количественная схема вокализма двусложных слов пралитовского языка оказывается тождественной таковой прибалтийско-финских языков. Поскольку в других финно-угорских языках троичное противопоставление по долготы отсутствует, это заставляет думать об общем субстрате (не и.-е. и не ф.-у.). Что касается литовских интонаций, то они, согласно данной реконструкции, являются результатом перефонологизации количественных отношений и носят вторичный характер, развиваясь лишь в ударных слогах.

II. Известны два ряда соответствий между литовским и славянскими языками в корнях типа *tort: лит. диал. *želtas* - схрв. злато, рус. золото, чеш. *zlato*; лит. *baltas* - схрв. блато,

рус. болото, чеш. bláto.

Их принято трактовать как отражение балто-славянских или и.-е. интонаций. Учитывая второе положение Соссюра (1894 г.), уместно сделать попытку другого толкования. Не отражает ли чешская долгота/краткость исконное и.-е. противопоставление по данному признаку? Этому мешает как будто известное совпадение и.-е. *ā, *ǣ > праслав. *ā. Но последовательность "гласный + плавный" между согласными могла иметь монофонемный статус (ср. точку зрения П. Гарда) и сохранять исконную оппозицию по долготе/краткости не за счет тембра гласного, а за счет компенсаторных средств, напр., слабого примыкания (= и.-е. долгота)/сильного примыкания (= и.-е. краткость). В таком случае преобразование слоговой структуры привело в чешском к восстановлению исходного различия без восстановления тембра гласного.

Слабое примыкание в русском вело к более раннему распаду долгих слогов по сравнению с краткими, следовательно, в них плавный раньше усиливался и перетягивал на себя ударение, которое после диареzy перешло на выделившийся гласный, сохраняя свое новое положение в производных (болотный, болотина). При сильном примыкании слоговой характер плавного развивался с опозданием, ударение сохранялось в исходном слове на гласном, а при сдвигах неслоговой плавный "пропускал" его: золотой, золотинка. Относительная хронология требует признания промежуточного этапа *tór/t- ~ to/r̄/t-.

В схрв. распределение длительностей обратно положению в чеш. Однако, если принимать положение Соссюра о литовском акуте как наследнике и.-е. долготы и циркумфлексе как наследнике и.-е. краткости, то положение в схрв. при любой трактовке раз-

вития вторично. Оно может объясняться эволюцией тонов. Тоны краткий нисходящий (" ~ лит. акут) и долгий нисходящий (^ ~ лит. циркумфлекс) могли сначала различаться как прерывистый (маркированный, что соответствует универсальной маркированности долготы) и равномерный (немаркированный). Затем в противопоставление другим тонам развилась характеристика "нисходящий". Это затемнило старые отношения по маркированности и создало возможность развития новой марки (новая долгота) в случаях типа *zlâto*.

Следовательно, славянские факты, касающиеся судьбы сочетаний типа *tort, не свидетельствуют однозначно о наличии общих балто-славянских интонаций.

СОКРАЩЕНИЕ ДОЛГИХ ГЛАСНЫХ В ПОЗДНЕМ ПРАСЛАВЯНСКОМ

1. В позднем праславянском языке долгие гласные проявили тенденцию к сокращению. Долгие гласные с однослоговой восходяще-нисходящей (акутовой) интонацией сократились во всех неконечных слогах. Поскольку тоническая и динамическая вершины при однослоговой восходяще-нисходящей интонации приходились на вторую мору долгого гласного, которая и была, собственно, ударяемой, то сокращение долгого гласного с однослоговой восходяще-нисходящей интонацией происходило за счет первой моры, где имело место **повышение тона**. Это привело к тому, что повышение тона переместилось с сокращающегося акутированного гласного **серединного слога на предыдущий слог**. В связи с этим однослоговая восходяще-нисходящая интонация на долгом гласном **серединного слога трансформировалась в двуслоговую восходяще-нисходящую интонацию: *lopâta > *lópata, *korÿto > *kórÿto, *pešâtĭ > *péšâtĭ**. В тех случаях, когда сокращался долгий акутированный гласный начального слога, повышение тона, которому некуда было переместиться в пределах слова, полностью исчезало, в связи с чем отсутствовало и понижение тона. На месте однослоговой восходяще-нисходящей интонации осталось лишь динамическое ударение (на сократившемся гласном), которое обозначаем вертикальной черточкой перед гласным ('): *jâgodâ > *jagoda, *brâtĭ > *bratĭ, *sĭto > *sĭto. Динамическое ударение являлось позиционным вариантом двуслоговой восходяще-нисходящей интонации.

2. Традиционное положение о последовательном сокращении в праславянском языке долготы в открытом конечном слоге, впервые

сформулированное А.Шахматовым, следует отклонить, поскольку ему противоречат факты славянских языков, в частности южно-~~западно~~-славянских. Основываясь на этих фактах, В.А.Дыбо высказал предположение, что в праславянском языке не подвергались сокращению только те окончания, которые были ударными в подвижной а.п. Указанное предположение, на наш взгляд, нуждается в некотором **уточнении**: в праславянском языке не подвергались сокращению те окончания, которые были ударными одновременно и в подвижной, и в окситонированной а.п.

3. Долгие гласные, на которых происходило повышение тона (первый компонент двуслоговой восходяще-нисходящей интонации), не сокращались, так как обе моры долгого гласного были охвачены интонацией, воспринимавшейся (вместе с понижением тона на следующем слог) в позднепраславянском языке как особая интонация, а не как вариант двуслоговой восходяще-нисходящей интонации с повышением тона на краткостном слог. Указанная позиция **долгих гласных**, обычно определяемая как предударный слог, является общепризнанной позицией, в которой в праславянском языке сохранялась долгота (позиционная долгота).

Долгие гласные, на которых происходило понижение тона (второй компонент двуслоговой восходяще-нисходящей интонации), **сократились** во всех случаях, за исключением флексий, одновременно ударных в окситонированной и подвижной а.п. Сокращение долгого гласного с понижением тона (на первой море) происходило за счет второй, неинтонированной моры.

4. Поскольку в праславянском языке ударная конечная долгота при подвижной а.п. характеризовалась однослововой восходяще-нисходящей интонацией, а при окситонированной — понижением тона (вто-

рым компонентом двуслоговой восходяще-нисходящей интонации) и поскольку сокращение ударных долгот происходило за счет безударной моры (первой - при однослововой восходяще-нисходящей интонации, второй - при понижении тона), то при одновременной ударности конечной долготы в подвижной и окситонированной а.п. обе моры долготы были ударными, и следовательно, сокращение не могло произойти ни за счет первой моры, ни за счет второй. Это, на наш взгляд, и послужило причиной сохранения долготы в таких случаях. Несократившуюся флективную долготу в названных случаях называем двоякоударной. В именах существительных она имела место в формах: твор. п. мн. ч. и род.-местн. п. дв. ч. основ на -ǫ, -jǫ; им.-вин. п. мн. ч. основ на -ǫ, -jǫ с.р.; местн. п. ед. ч. основ на -ǫ; местн. п. ед. ч. основ на -ǫ; им. п. ед.ч. основ на -ǫ. Позиционная флективная долгота имела место в форме местн. п.: мн.ч. существительных ǫ-/jǫ- основ.

В подвижной а.п. на двоякоударной флективной долготе сохранялась однослововая восходяще-нисходящая интонация: твор. п. мн. ч. *zqbŭ̂, *jezerŭ̂, *polŭ̂, им. п. мн. ч. с. р. *jezerā̂, *pol'ā̂.

5. После сокращения долгих гласных с понижением тона (вторым компонентом двуслоговой восходяще-нисходящей интонации) краткость второго компонента двуслоговой восходяще-нисходящей интонации стала характернейшей особенностью этой интонации, в связи с чем понижение тона на долгом гласном уже не могло существовать: в тех случаях, когда флективные гласные с понижением тона сохраняли долготу, понижение тона (вместе с тонической и динамической вершинами) перемещалось на предыдущий слог. Если предыдущий слог был долготным, на нем возникала однослововая восходяще-нисходящая

интонация: твор. п. мн. ч. *kl'účī > *kl'ûčī, *krîdlÿ > *krîdlÿ, местн. п. мн. ч. *kl'účīxъ > *kl'ûčīxъ, *krîdlëxъ > *krîdlëxъ, им. п. мн. ч. с. р. *krîdlâ > *krîdlâ. Если предыдущий слог был краткостным и серединным, на нем и на третьем слоге от долгого гласного (к началу слова) размещалась двуслоговая восходяще-нисходящая интонация (на третьем слоге имело место повышение тона): твор. п. мн. ч. *sokólÿ > *sokòlÿ, *rešëtÿ > *rešëtÿ, местн. п. мн. ч. *sokólëxъ > *sokòlëxъ, *rešëtëxъ > *rešëtëxъ, им.-вин. п. мн. ч. с. р. *rešëtâ > *rešëtâ. Если предыдущий слог был краткостным и начальным, на нем возникало динамическое ударение: твор. п. мн. ч. *stólÿ > *stolÿ, *sélÿ > *selÿ, местн. п. мн. ч. *stólëxъ > *stolëxъ, *sélëxъ > *selëxъ, им. п. мн. ч. с. р. *sélâ > *selâ.

6. Долгие гласные с долгой нисходящей интонацией сохранили долготу в односложных и двусложных словах (*zqъ, *drûgъ, *vûlъ, *mëao, *tëlo), но сократились в многосложных словах, начиная, очевидно, с трехсложных. Сокращалась вторая, не охваченная интонацией мора. Сократившийся долгий гласный характеризовался краткой нисходящей интонацией: *dëverъ > dëverъ, *qъlъ > qъlъ. Долгий гласный начального слога, сохраняющий долготу в двусложных баритонированных формах слов с подвижной а.п. (характеризующийся долгой нисходящей интонацией), сохранял ее и в трехсложных баритонированных формах, и в окситонированных формах (не будучи интонированным): им. п. мн. ч. *avûove, род. п. мн. ч. *avûovъ, твор. п. мн. ч. *avûvml, местн. п. мн. ч. *avûxъ.

7. Долгие гласные, не охваченные интонациями, сократились во всех случаях, кроме начального слога в окситонированных формах двусложных слов с подвижной а.п. (примеры см. выше) и флективных

слогов в словах с баритонированной а.п., сохраняющих долготу в подвижной и окситонированной а.п. (под влиянием подвижной и окситонированной а.п. долгота флективного слога - двоякоударная или позиционная - была сохранена также в баритонированной а.п.):
твор. п. мн. ч. *brat̄y, *korȳty, им.п. мн. ч. с.р. *dělā,
*korȳtā.

ОСОБЕННОСТИ АКЦЕНТУАЦИИ КОСОВСКО-МЕТОХИЙСКОГО ДИАЛЕКТА

Этот диалект (в описании Г. Елезовић. Речник косовско-мето-хиског дијалекта. I-II. Београд, 1932-1935) относится к группе южноштокавских говоров, переживших ранний фонетический перенос ударения с конца слова типа жѐна слуга и не знающие новоштокавской ретракции (ср. литерат. сербохорв. жѐна слуга).

О-основы муж. рода. Несмотря на кажущееся смешение всех акц. типов: брѐт - брѐта, крѐс - крѐста, крѐль - крѐля, брѐг - брѐга, принадлежность основ к исконным а.п. выявляется по следующим признакам:

(а) основы, восходящие к исконной а.п. а, как правило, (1) не имеют удлинения в исходной форме, сохраняя краткость как рефлекс старого акута; (2) не переносят ударения на предлог: брѐт II:572, брѐта II:555, брѐту Д.ед. II:574; (х)лѐб - лѐба - лѐбови, лѐбове, без лѐба I:375; чѐс - чѐса II:434, за чѐс I:293; свѐт - свѐта - свѐтови II:583, 577, у свѐтове II:375; цѐр/цѐр - цѐра - цѐреви II:417-418, цѐра В.ед. II:561, до цѐра II:570; у камен II:375, до камена I:315, на пѐр I:426, до вѐтра II:14.

(б) основы, восходящие к а.п. ѐ, имеют (1) отличительную особенность - во мн.ч. ударение на -ов- (-ев-); (2) обычно не знают удлинения в исходной краткостной форме, кроме корней на сонорный (кѐнь двѐр зѐр клѐн, но пѐп снѐп кѐш крѐс); (3) ударение на предлог обычно не переносится, случаи с переносом ударения - в В. ед.: пѐп - пѐпа - пѐпови II:104, од пѐпа I:298, II:14; крѐс - крѐста, од крѐста I:332; двѐр - двѐра, на двѐр, на двѐру, но и на двор I:125; снѐп - снѐпа - снѐпови II:249; брѐо - брѐла - брѐлови

брловима Д., Тв., М. II:35; кѡнѣ - кѡна, на кѡна, на кѡна, од кѡна
I:310, II:556, 566, 568, 561; краль II:550, од краль / од краль II:
581, 582, краве В. мн. т. ж.; мн. ч. (1) волѡве I:178, II:10, волѡвима
I:211; кошѣви, кошѣве I:320; котлѡве I:317; топѡве II:551, сомѡ-
ви II:575; цепѡви II:550, цепѡве II:559, 582; огњѣви II:548, 549,
но стѡлове II:273 (если не опечатка!); (3) на зѡр I:212, код ѡг-
ња II:548, на пѹт I:427, под кѡнац I:308, у сѹд, на сѹд, по сѹду,
без сѹда II:281, за лек I:359, на лиц I:364, но на огањ, ѹ огањ
II:548, 555, на пут, пѡт пут II:151, 88.

(в) основы, восходящие к а. п. о, (1) имеют во мн. ч. накоренное ударение (перед -ов-/-ев-): ѡнови II:225, брѣгови II:575, дѡмови II:575, дѡстови I:370; (2) переносят ударение на предлог в Р., В., Д., Тв. ед. ч., а также могут терять ударение в случае тесного сращения с определением (Петрѡв дан, Спасѡв дан, Бурѣв дан I:122, ср. Петрѡв лѡз, Петрѡв брѣг II:70); (3) характерно удлинение исконно краткостных основ (брѡд дан бѡг дѡм лѡс, кѡв мѣд): бѡг- бѡга бѡгом, на бѡга, за бѡга, ѡд бѡга, дѡ бѡга, пѡд бѡгом, пѡ богу I:50-51, 140, II:563; дан- дана/дана, на дан, пѡ дан (ср. данѡс), но без дана I:122, 426; (2) ѹ траг II:331, пѡ трагу II:552, ѡд смеја I:202, на нос II:564, прѣко дан II:125, на врат, ѹ врат II:384, 281, на поклон I:426.

(г) основы, у которых реконструируется а. п. д, в этом говоре (1) имеют во мн. ч. ударение на корне (бѣсови, рѡгови, снѣгови) и один пример - с ударением на -ов- (редѡви); (2) не встретились примеры с переносом ударения в В. ед. (у рѣд, по рѣд, на рѣд, сѡс крѹг I:334, у снѣг, на зѹб I:427, у лѡд) и только два примера - с переносом ударения в Р. ед. (ѡд рѣда II:540, дѡ века I:140, ср. без рѣда, од града, из лѹга, од лѹга I:371, за лѡда): бѣс- бѣса,

бесови I:43; град II:556, града II:565, 581, од града II:14; ред-
реда, редови, у ред, по ред, на ред, без реда II:173, редом Т.ед.
II:584; рѡг-рѡга, рѡгови, рѡгове II:180, I:300, рѡга Р.мн. II:574;
снег-снега, снегови, у снег II:249; (х)лад-лада, у лад, за лада,
по ладу I:350.

Глаголы на -il(i), -iŭ имеют в кос.-метох. говоре три акцентн.
типа: I. оставит, оставим, аор. остави, II:39, оставио, -ла I:126;
II. оградит, оградим, оградила, аор. огради, оградеше II:12; исклю-
чит, исключаем, исключио, аор. исключи I:235; III. заросит, заросим,
аор. зароси I:199.

По составу основ I акц. тип состоит из глаголов исконной а.п. а:
каменит се, каменим се I:276, закаменит, закаменим, закаменио I:
190; окаменит се, окаменим се, окаменила се II:22; квасит, квасим,
квасили I:289, поквасит, поквасим, непочвасене II:95; засылит, за-
сылим, аор. засыли I:199; уставит, уставим, уставио, аор. устави
II:397; заратит, заратим, заратени, заратила I:202, нафатит, нафа-
тим, аор. нафати I:450; извадит, извадим, извадиш, извадио, изва-
дили, аор. извади I:221; а также сюда вошли краткосложные глаголы
исконной а.п. с - с возможным послекорневым ударением в причастии
на -лъ: сломит, сломим, сломлена, сломио II:243, уводит, уводим,
уводили II:378; претворит, претворим II:130; крмити, крмим, крмили
I:329, накрмит, накрмим I:432. Ср. намерит се, намерим се, намерио
ми се, намерише се I:441. Кратк. глагол исконно I а.п.: удобрити се,
удобрим се II:382.

II акц. тип, самый многочисленный, состоит прежде всего из ос-
нов исконной а.п. с: заснежит, заснежим, заснежило I:199; наградит,
наградим, наградили I:432; изврѣмит се, изврѣмим се 'скрасить вре-
мя' I:221-222; - исходит, исключаем, исключио, аор. исключи I:235;

заодѣт, заодѣм, заодѣю I:194; здесь же основы исконной а.п. ѣ: повратѣт, повратим, повратѣло II:85; засвинѣт, засвиним, засвинѣю I:199; обѣлит, обѣлим, обѣлѣю, обѣлѣла, аор. обѣли II:2; - напрѣит, напрѣим, напрѣила I:451; прекрѣтѣт, прекрѣтим, аор. прекрѣсти II:125, 265; сюда же попало несколько основ исконной а.п. а: наместѣт, наместим, наместѣю, наместѣла, наместѣн I:441; нанушит, нанушим, нанушию II:442.

III акц. тип, самый малочисленный, состоит из глаголов а.п. о: родѣт, родѣм, родѣло, роѣн, роѣна, роѣно, роѣни II:181, зародѣт се, зародѣм се, зародѣла се I:198, преродѣт, преродѣм, преродѣла II:128; развеселѣт, развеселѣм / развесѣлим II:161; строѣт, строѣм II:277; кроѣт, кроѣм, кроѣла I:331; простѣт, простѣм II:150; а также из глаголов исконной а.п. ѣ: зацрѣит се, зацрѣим се, зацрѣило се I:202; постѣт, постѣм II:111, испостѣт, испостѣм / испѣстим I:238. Здесь наблюдается перенос ударения на корень в формах презенса при прибавлении слоговой приставки, т.е. бесприставочные глаголы имеют III акц. тип, а приставочные от них - II акц. тип: крѣтѣт, крѣтим, крѣтели, аор. крѣтише I:333, прекрѣтѣт, прекрѣтим II:125, 265; острѣт, острѣм II:40, изострѣт, изострѣм, изострѣю I:227, наострѣт, наострѣм I:443; ломѣт, ломѣм I:369, исломѣт, исломѣм, исломѣю, исломѣла I:236-237; звонѣт, звонѣм / звѣним I:214, завонѣт, завонѣм I:189; постѣт, постѣм II:111, испостѣт, испостѣм / испѣстим I:238; лозѣт, лозѣ се I:368, полозѣт, полозѣм, полозѣла II:99; трошѣт, трошѣм II:341, натрошѣт, натрошѣм, натрошѣли I:449; кроѣт, кроѣм, кроѣла I:331, покроѣт, покроѣм, покроѣла II:96, ср. скроѣт, скроѣм II:237 - поскроѣт, поскроѣм II:109; солѣт, солѣм II:252, пресолѣт, пресолѣм II:130; топѣт, топѣм II:328, затопѣт, затопѣм I:201.

В косовско-метохийском говоре наблюдается переход глаголов на -it(i), -itъ в класс глаголов на -ĭt(i), -itъ, при этом, как правило, акцентный тип данных глаголов - с постоянным ударением на -i- во всех формах (т.е. тип III). Такой акцентологической трансформации подвергаются иногда даже глаголы исконной а.п. а:

помилѣт, помилѣм II:101 (ср. литератур. сербохорв. пòмилити, пòмилѣм); понездравѣт, понездравѣм II:103 (хотя есть и оздравѣт, оздравѣм II:12, (ср. литератур. сербохорват. òздравити, òздравѣм), как и старѣт, старѣм II:267, престарѣт, престарѣм II:130); побѣлѣт, побѣлѣм, побѣлѣло II:84 (ср. литератур. сербохорв. побѣлити, побѣлѣм); помодрѣт, помодрѣм II:102 (ср. литератур. помòдрити, помòдрѣм); удворѣт, удворѣм II:382 (ср. литератур. удвòрити, удворѣм); црвенѣт се, црвенѣм се II:423 (ср. литератур. црвèнити, црвèнѣм); чинѣт, чинѣм II:447 (ср. литератур. ч̀инити, ч̀инѣм); оглѣвѣт, оглѣвѣм II:11 (ср. литератур. оглѣ̀вити, оглѣ̀вѣм); ошкрѣт, ошкрѣм II:48 (ср. литератур. ошкр̀обити, ошкр̀обѣм); убурѣт се, убурѣм се 'вымокнуть' II:377 (ср. литератур. уб̀урити се, уб̀урѣм се); побурѣт, побурѣм II:84-85 (ср. литератур. поб̀урити, поб̀урѣм); цмурѣт, цмурѣм, цмурејо II:467 (ср. литератур. жм̀урити, жм̀урѣм); наборѣт се, наборѣм се I:433 (ср. литератур. на̀борити се, на̀борѣм се) 'напиться допьяна'; умудрѣт, умудрѣм, умудрејо II:390 (ср. литератур. ум̀удрити, ум̀удрѣм).

ОБ УДАРЕНИИ В ФОРМАХ РІ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА
В ЧАКАВСКИХ ДИАЛЕКТАХ ДАЛМАЦИИ

В чакавских говорах есть несколько типов распределения ударения в *ri* перед старыми долготными окончаниями *-i* *lpl*, *-ov* *Gpl*, *-eh/-ih* *Lpl*. В чак.-кайк. диалекте Ю.Крижанича, расположенном на правом берегу Купы вблизи Озля (*Ozalj*), отмечено распределение по "правилу Крижанича" – в конечноударном (далее к.-ударном) акц. типе оттяжка с долгого ударного гласного на предыдущий долгий и отсутствие подобной оттяжки на краткий, т.е. *вóл* – *воlá* – *волòв* vs. *грѣх* – *грѣхá* – *грѣхов*; аналогичное распределение в словинцком (см. Докл.). В далматинских чак. говорах аналогичное распределение обнаружено в говоре с. Сали (о-в Дуги Оток, р-н Задра, полевые материалы автора): краткосложные сущ. к.-ударного акц. типа имеют схему ударения *бòк* – *бокá* – *бокòв*, та же схема у сущ. с синхронно кратким *г* в корне: *вр̣х* – *вр̣хá* – *вр̣хòв*; долгосложные сущ. к.-ударного акц. типа имеют в *Gpl* ударение на корне, часто как вариант встречается и начальное ударение (тип *кр̣ạ́* – *кр̣ạ́á* – *кр̣ạ́òв* / *кр̣ạ́òв*). Сущ. начальнóудáрного (далее н.-ударного) акц. типа имеют только начальное ударение в *Gpl*. Видимо, подобная же, но более разрушенная система существует в сев.-чак. говоре о-ва Црес (*Cres*) в формах *Lpl* на *-eh* преобладает начальное ударение, конечное отмечено у нескольких лексем, в основном конечноударного типа, причем безвариантные к.-ударные формы *Lpl* есть только у краткосложных: *rozèh* – *Gsg rōga*, *spopèh* – *Gsg spopà*, *volèh* – *Gsg volà*,

а также у корня с редуцированным: *lahtëh* - Gsg *lãhta*. Формы Gpl с окончанием *-i* в говоре Цреса во всех акц. типах н.-ударны; единственное исключение Gsg *mêha* - Gpl *mêht* / *mehĩ* / *mehĩ*. В сев.-чак. говоре Сеня (Senj) также наблюдается система типа Крижаничевой: в к.-ударном типе есть оттяжка на краткие и отсутствует оттяжка на долгие: Gsg *popã*, *volã* - Gpl *popĩ*, *volĩ*, DLipl *popĩn*, *volĩn*, Gsg *kļũcã* - Gpl *kļũctĩ*, DLipl *kļũctĩn*. Интересно, что такая же оттяжка действует в н.-ударном циркумфлектированном типе: Nsg *sĩn*, *dãn* - Gsg *sĩna*, *dãna* - Gpl *sĩntĩ*, *dãntĩ*, DLipl *sĩntĩn*, *dãntĩn*; Nsg *brõd* - Gsg *brõda* - Gpl *brodĩ*, (но DLipl *brõdĩn*, *brõdĩman*). В говоре Сеня существует еще один акц. тип, к.-ударный с начальным ударением в Dsg и NApI; в него входят несколько сущ., все краткосложные: *drõb*, *lõu*, *mõst*, *nõs*, *põst*, *brõj*, *pokrõu*; в GDipl они имеют конечное ударение, как и подобает к.-ударным краткосложным: Nsg *drõb* - G *drõbã* - D *drõbu* - NApI *drõbtĩ* - Gpl *drõbtĩ* - DLipl *drõbtĩn*.

В описании говоров Истрии (Istra) для интересующих нас падежей приводится вариантное ударение для к.-ударного типа, одинаково для долго- и краткосложных: Gpl *póp* / *pòpt*, *skólj* / *skòljtĩ*, *králj* / *králjtĩ*, Lpl *popéh* / *popèh* / *pòpeh*, *skoljéh* / *skojuh* / *skòljeh*, *kräljéh* / *kräljèh* / *králjeh*, lpl *popì* / *pòpt*, *skolfì* / *skòljtĩ*, *kräljì* / *králjtĩ*. В н.-ударном типе ударение pl тж. начальное: NAVipl *brávtĩ*, *vòztĩ* - Gpl *bráuv* / *brávt* и *vóz* / *vòzt* - Dpl *brávon*, *vòzon* - Lpl *bráveh*, *vòzeh*; так же *kmètĩ* - *kmét* / *kmètĩ* - *kmèton* - *kmèteh*.

В описании говора Нови (Novi) GLpl к.-ударного типа *krõvĩh* / *krovĩh* как *bréstĩh* / *brèstĩh*, lpl *krovì* / *kròvt* как

brēstī / brēsti, т.е. кратко- и долгосложные одинаково дают варианты с начальным и конечным ударением. В н.-ударном циркумфлектированном типе у отд. сущ. отмечены к.-ударные формы: *vozīh, stogīh, brodīh, vlāsīh* (при *vđzīh, vlāsīh*).

Совершенно противоположная система наблюдается в сев.-чак. говоре о-ва Сусак (Susak): в pl к.-ударного типа отсутствует оттяжка на предыдущий долгий, но имеется оттяжка на краткий, т.е. Nsg *pōp* - G *porā* - NGLIpl *pōpi* vs *kļūč* - *kļūčā* - Nsg *kļūčī*, G *-ōf* - D *ōn* - LI *-ī*. В этой своей части система Суска совпадает с системами закарпатских украинских говоров, где также имеются типы *kļm'* - *кон'á* - Npl *kón'u* vs *кļm* - *кļmá* - *кļm'ú*. Н.-ударный акц. тип на Суске имеет начальное же ударение во всех падежах pl: Gsg *brīγα* - NGLIpl *brīγi*, Gpl *brīγof*, Dpl *brīγon*, LIpl *brīγαχ*, *-γima*; Gsg *mīša* - NGDLIpl *mīši*, Gpl *-of*, Dpl *-on*, LIpl *-ima*. Сущ. псл. а.п. *d* на Суске образуют особый, смешанный акц. тип, с конечным ударением в косв. падежах sg и н.-ударный в Nsg и во всех падежах pl вне зависимости от долготы гласного корня: *līst* - G *līstā*, D *-ū*, L *-ī/-ū*, I *-^uōn* - NGDLIpl *līsti*, *-of*, *-on*, аналогично с кратким гласным: *pl^uôt* - *plōtā*, *-ū*, *-ī/-ū*, *-^uōn*, pl *plōti* и т.д. Т.о., в pl смешанного акц. типа действуют не вторичные перетяжки ударения, а отсутствие в pl конечного ударения в а.п. *d*.

Правда, формы, приведенные в тексте описания вне парадигм, несколько противоречат вышеуказанной картине, а именно: если в н.-ударном типе ударение, приведенное в парадигме, соответствует ударению в других местах текста Npl **brāti* (103) - *brāti* (93, 118, 130), **zēti / zēti* (103) - *zēti*

(103), *zētof* (90) / *zēti* (101) etc., то для к.-ударного типа имеются расхождения. В примерах, приведенных в тексте, просматривается не только система с переносом ударения на краткие и отсутствием переноса на длинные, как в парадигмах, но и противоположная ей система Крижанича: *z volī, grozdōf - krāi, pūti, krīži*.

Системы третьего типа обнаружены в среднедалматинских говорах Кали (о-в Углян, полевые материалы автора) и Вргада (о-в Вргада, см. Vrg.) - оба в окрестностях Задра. Здесь все суц. к.-ударного типа, долго- и краткосложные, имеют в Gpl и др. падежах pī, кроме Npl, начальное ударение: *kļūš, kļūšā - kļūšēu* как и *kōn, koñā - kōñēu* (примеры из Вргaды). К.-ударные формы GDLpl встречаются у отдельных лексем н.-ударного акц. типа: *krūg, -a - krugōv, brōav, -a - bravōv, gradōv, mihōv, sinōv* и нескольких других, причем наборы лексем, имеющих ударное окончание в Gpl на Вргaде и в Кали почти совпадают. Это либо суц. а.п. *a: brōav (V,K), brīg (V,K), brōd (V), grōad (V,K), krūg (V,K), mih (V), mrōav (V), plāt (V), sīn (V, K), trōak (V, K), vrāg (V), črv (K), kluas (K), cvīt (K), pluōt (K), uruāt (K), ruōg (K)*, либо суц. а.п. *c: mūž (V, K), pīr (V), dīh (V), vūk (K)* (при этом *pīr* и *mūž* - *ŷ*-основы), большинство из них долгосложные. Возможно, ударное окончание *-ovъ ŷ*-основ а.п. с дало *-ōvъ* уже после того, как формы pī к.-ударного типа с *-ōvъ* полностью выравнивали ударение на корне. При этом уже невозможно выяснить, какая оттяжка в них происходила первоначально - на краткий, на долгий гласный или на оба. Интересно, что перед ударным *-ōv (Gpl)* и *-īn (DLIpl)*

отсутствует долгота корневого гласного, которая вообще сохраняется в предупдарном первом слоге. Видимо, это связано с тем, что в форме типа *gradovъ с ударением на *ъ* гласный корня оказывался в непервом предупдарном слоге и сокращался.

В ю.-чак. говоре о-ва Хвар, по неполным данным, приведенным Б.Юришичем в словаре Vrg., совмещены два принципа: оттяжка в к.-ударном типе на долгие, но не на краткие гласные корня (принцип Крижанича) и ударение на *-ov* в некоторых сущ. н.-ударного акц. типа. В к.-ударном типе имеется: Npl *volî* - *volov* и *grîhâ* - *grîhov*, а в н.-ударном: *brôda* - *brodov*, *dôra* - *darov*, *lîsta* - *lîstov*, *mîhov*, *sûda* - *sudov* ('посуда'), *sîna* - *stinov*, *vrôta* - *vratov*, *ukov* (как и на Вргаде, перед *-ov* долгота корня сокращается). Для окончания GLpl *-ih* обычно начальное ударение в конечноударном типе (как *grîhâ* - *grîsth* и *krîžâ* - *krîžih*, так и *vdih*), в н.-ударном типе встречается конечное ударение: *sûdih* ('посуда'), *sorpîh*, *vlosîh*, *vrotîh*, *vûcîh*, *zûbîh* / *zubîh*, сокращения долготы перед окончанием не происходит. По данным из грамматического очерка к словарю Брача, Хвара и Виса (далее BHV) в к.-ударном типе Gpl на *-ih* имеет начальное ударение вне зависимости от долготы/краткости корня: Gsg *čepâ* - Npl *čepî* - Gpl *čepih*, *spûžâ* - *spûžî* - *spûžih*. К.-ударные формы Gpl на *-ov* появляются только у некоторых сущ. н.-ударного типа: *cvîtov*, *rogov*, *ukov*, *lîstov*, *vragov*. В н.-ударном типе отмечены также формы DLpl с ударным *-îta*: *drob-*, *roz-*, *škoj-*, *voñ-*, *stoz-*, *lîst-*, *uroz-*, *kļun-*, *mîž-*, *žid-*, *mrôv-*.

Т.о., из рассмотренных систем Сали, Црес и Сень базиру-

ются на системе Крижанича (в *к*-ударном типе долготная оттяжка при отсутствии краткостной); иная основа у системы Суска (краткостная оттяжка при отсутствии долготной); система третьего типа отмечена в говорах Вргаче, Кали; возможно, сюда же относится система Брача-Хвара-Виса (в *к*-ударном типе начальное ударение в *ri*, конечное ударение имеется только в *ri* некоторых сущ. *н*-ударного типа). Если считать оттяжку или ее отсутствие старой псл. диалектной чертой, то наличие в чак. диал. области как минимум двух генетически различных систем, имеющих параллели в других диал. зонах (для русской зоны - противопоставление "кривичской" и "ильменско-словенской" систем, см. Докл.) дополняет картину псл. диал. членения.

ЛИТЕРАТУРА

Докл. - Р.В.Булатова, В.А.Дыбо, С.Л.Николаев. Проблемы акцентологических диалектизмов в праславянском // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов (София, сентябрь 1988 г.). Доклады советской делегации. М., 1988.

Материал цит.: BHV - Čakavisch-Deutsches Lexikon. Von M.Hraste und P.Šimunović. Teil I. Köln; Wien, 1979; Cres - H.P.Houtzagers. The Čakavian dialect of Orlec on the island of Cres. Amsterdam, 1985; Istra - D.Nemanić. Čakavisch-kroatische Studien // Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. Bd. 104. 1885; Novi - А.Белич. Заметки по чакавским говорам // ИОРЯС. Т. XIV, кн. 2. 1909; Senj - М.Могоuš. Današnji senjski govor // Senjski zbornik. II. Senj, 1966; Susak - J.Hamm, M.Hraste, P.Guberina. Govor otoka Suska // Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj. 1. Zagreb, 1956; V(rg). - В.Јуришић. Rječnik govora otoka Vrgađe. II. dio. Rječnik. Zagreb, 1973.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АКЦЕНТУАЦИИ *i*-ГЛАГОЛОВ
В СЛОВЕНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Данные о нормативном словенском (словен.) ударении с учетом его тонического характера содержатся в двух основных источниках – словарях Plet. (1894–1895) и SSKJ (1970–1985–). Представленные в них акцентные системы словен. литературного (литер.) языка в целом мало отличаются друг от друга, в особенности в том, что касается акцентуации производной лексики. Вместе с тем, в отдельных фрагментах акцентной системы (напр., отаđекивные имена суц. с суфф. *-ostь*, *-ota/-oča*, отглагольные суц. на *-nje* и некоторые др.) между Plet. и SSKJ наблюдаются существенные различия.

Многочисленные расхождения в акцентуации обнаруживаются и у *i*-глаголов: около половины глагольных основ относится в Plet. и SSKJ (в SSKJ часто в качестве одного из возможных вариантов) к различным акц. типам.

Акц. системы Plet. и SSKJ в своей основе относятся к "южнословенскому акцентологическому типу" (Дыбо 1982, с. 129–132): акц. тип А < а.п.а: *mísliti mîslim* (Plet.) ~ *mísliti mîslim, mîsil mîsila/mîsila, zamîsljen* (SSKJ); акц. тип В < а.п.в (b_2 (долг.) → акц. тип В): *nósiti nósim, béliti bélim* (Plet.) ~ *nosîti¹ nôsîm, belîti bêlîm, nôsîl nosîla, bêlîl belîla, pobôsen, pobêljen*; у долготных основ возможна иммобилизация ударения на корне: *bêliti, bêlila*; акц. тип С < а.п.с (а.п. b_2 (крат.) > а.п. с) *sušiti sušim* ~ *sušiti sušim, posušiti posušim, sušîl sušila sušîli, posušîl posušila posušîli, sušêp -êpa*.

Различия между Plet. и SSKJ, как правило, связаны с отступлениями хотя бы одного из словарей от данной схемы.

1. Расхождения, связанные с различиями между "южнословен." и "севернословен." акцентологическими типами. Словен. литер. язык на всем протяжении своей истории (от книжно-пи-

¹ Знак $\grave{}$ в SSKJ обозначает варьирование восходящей и нисходящей интонации (*nosîti = nosîti/nosîti*).

сьменного языка XVI в. до настоящего времени), также как, по-видимому, большинство словен. диалектов центрального ареала, перераспределение основ по акц. типам в которых близко к литературному, может быть охарактеризован как "южнословенский" с некоторыми отклонениями в севернословен. сторону. Учитывая историю создания Plet., включившего в себя собранные в разное время материалы из центр.-словен. региона (Plet., с. III-X), и то, что нормирование акцентуации в SSKJ проводилось на основе анкетного опроса носителей литер. языка (см. Rigler 1968, Rigler AV), можно предположить, что набор основ, имеющих "севернословен." акцентуацию в центр.-словен. диалектах варьируется.

а.п. $b_2 \rightarrow$ акц. тип C $\sim$ а.п. $b_2 \rightarrow$ акц. тип B

slojiti slojím, točiti točím, koliti kolím (<*kolь), postiti postím, -sloniti -sloním (SSKJ) $\sim$ slójiti slójim se, -tóčiti (-tóčiti) tóčim, kóliti kólím (<*kolь), póstiti póstim, -slóniti -slónim (Plet.); g(v)ozditi g(v)ozdím, ploviti plovím, tvoriti tvorím, dvoriti dvorím, globiti globím, lotiti lotím, rojiti rojím, trošiti troším, tovoriti tovorím, sočiti sočím (Plet.) $\sim$ gozditi/gózditi gózdim, ploviti/plóviti plóvim, tvoriti/tvóriti tvórim, dvoriti/dvóriti dvórim, globiti/glóbiti glóbim, lotiti/lótiti lótim, rojiti rójim, trošiti/tróšiti tróšim (с их дальнейшим переходом в акц. тип A: *tovóriti tovórim, -óčiti -óčim, sóčiti -óčim*) (SSKJ); *krojiti krojím (Plet., SSKJ) $\sim$ krojíti krójim* (динамическое ударение; *ó* обозначает долгий закрытый о) (SP-62); (для некоторых основ причиной подобного расхождения может служить возможность различной интерпретации в словен. диалектах основ с редуцированными плавными и *ę, *ɔ в корне как краткостных или как долготных): *srđiti srđím, -skopiti -skopím (<*skopь) (Plet.) $\sim$ srditi/srditi srdím (SSKJ), skópiti skópim (SSKJ); črniti črním, trđiti trđím, topiti topím (<*topь) (SSKJ) $\sim$ črniti črnim, trđiti trđim, tópiti (tópiti) tópim (Plet.); krstítiti krstím (SP-62) $\sim$ krsťiti/krstítiti krsťim (Plet., SSKJ).*

2. Интересной особенностью современной акцентуационной нормы *i*-глаголов является существование акц. типа D: *páziti/*

/pazīti pāzim, pāzil pazīla, - к которому относятся глаголы псл. а.п. а: *čuditi, glāditi, grabiti, laziti, plaziti, raniti, paziti, tlačiti, -staniti, plašiti, žaliti*, а также некоторые другие: *stopiti, gaziti* (b_1); *stražiti, truditi, hraniti* (b_2), *družiti, -straniti, kaniti, tolažiti, slutiti, -znāniti*. Примечательно, что и в словен. диалектах "литер." акцентологического типа подобное явление наблюдается именно у этих основ а.п. а: *čūī' sę čūt' sę, čūd'u čędīlę*, так же *łęzīlę, ręnīlę, pļęšīlę, žęlīlę* (*žaliti*), а также *stūępt' stūępš, stūęp, stūępu stępīlę* (*stopiti) (Tom.). Это явление отмечено не только на юго-западе (Tom.), но и в др. центр.-словен. диалектах (ср. замечание А.Брезника о недопустимости ударения *čūdīti, gāzīti, grabīti* itd., распространенного "в гореньских и каринтийских" диалектах [Breznik]). В Plet. невозможно определить наличие/отсутствие этого акц. типа у долготных глаголов, поскольку в нем не приводятся формы, отличающие данный акц. тип от акц. типа А; ср. однако *skōčīti skōčīm* (< а.п. b_1 ; в SSKJ *skočiti skōčīm*). В диалектах "севернословен." акцентологического типа такое явление, по-видимому, не наблюдается: *glāditi glādin, gāziti gāzin, grabīti grābin, -kāniti -kānin, pāziti pāzin, tlačiti tlāčin, žāliti -in* (?) (но *péjniti -in, plūjžiti -in*) (SPBG).

3. а.п. а → акц. тип С. Такой переход у отдельных основ наблюдается и в Plet.: *kamenīti -īm* (*starīti -īm, malīti -īm*, и в особенности *slabīti slabīm*, возможно, связано с колебаниями в акцентуации производящей основы, поскольку у прилагательных переход односложных основ а.п. а → акц. тип С довольно распространен). В SSKJ это явление представлено еще шире: *bogatīti -īm, gotovīti -īm, kruvīti -īm, jutrīti -īm, vetrīti -īm, mrazīti -īm, sajīti -īm* (<*sadjā). У *bogatiti, kamenīti* это, возможно, связано с влиянием глагола на *-ėti/-īm*. Акцентуация такого типа встречается в центр.-словен. диалектах (*gotovīm, Valj. Rad 105.137*), однако границы ее распространения неизвестны.

4. Наибольшую группу расхождений между Plet. и SSKJ представляют соответствия: акц. тип В (Plet.) ~ акц. тип А (SSKJ). Подобные различия в акцентуации между Plet. и SSKJ мо-

гут быть вызваны следующими причинами:

а) Для словен. литер. языка и словен. диалектов "литер." типа, а возможно, и для ряда других диалектов характерен переход долготных основ а.п. *ǫ* в акц. тип А: *čréditi črêdim*, *ključiti ključim*, *ljútiti ljútim*, *píliti pîlim*, *ščítiti šcîtim*, *šíriti šîrim*, *-áčiti -âcim*, *-áriti -ârim* (Plet., SSKJ); особо широко представленный в SSKJ: *blázniti blâznm*, *brázditi brâzdm*, *dáviti dâvim*, *dlétiti dlêtim*, *dráziti drâzim* 'дразнить', *glúmiti glûmim*, *knéžiti knêžim*, *krátiti krâtim*, *krmiti krmim*, *nágliti nâglm*, *rástiti râstim*, *skálim*, *-zvêžditi -zvêždm*, *zímiti zîmim* и др, ср. также в Том. к акц. типу А относятся глаголы *brusiti*, *daviti*, *gnezditi*, *gnusiti*, *hliniti*, *hraniti*, *-ključiti*, *-krčiti*, *piliti*, *puliti*, *rešiti*, *rubiti*, *rušiti*, *smraditi*, *šariti*, *-truditi*, *-ačiti* (*-koračiti*), *-ariti* (*gospodariti*); (в SPBG к акц. типу А относятся *dramiti*, *krčiti*, *krmiti*, *-kuriti*, *-mrsiti*, *rustiti* 'ustiti', *-trditi*, *vršiti*, *zvečiti*). Возможно, в ряде центр.-словен. диалектов мы имеем здесь дело с экспансией нового циркумфлекса типа той, что описана в системе именного словоизменения Я.Риглером [Rigler AV. II].

б) Возможно, в результате массового перехода долготных основ а.п. *ǫ* в акц. тип А может происходить и дальнейшее смешение основ, принадлежавших в псл. к а.п. *a* и а.п. *ǫ*, в том числе и переход основ а.п. *a* в акц. тип В с иммобилизованным на корне ударением, ср. *dúriti -im* (<*burja), *másliti -im*, *míiliti -im* (<*milb), *mírítiti -im* (<*myrʷ), *móžviti -im*, *mréžiti -im*, *prátiti -im*, *ráliti -im*, *-stréšiti -im*, *šcřbíti -im*, *trátiti -im*, *zrniti -im*, *žáiliti -im*, *žíiliti -im* (все примеры из Plet., в SSKJ только *blátiti blátim/blâtim*). (Ср. также возникновение (возможно, только в современном л и т е р а т у р н о м языке при стирании диалектных различий акц. типа Е: *âpniti âpnm*, *âpnil âpnila*, *poâpnjen*, к которому в соответствии с нормой, представленной в SSKJ, как к одному из возможных вариантов может относиться значительное число глаголов, как правило, долгосложных). Однако необходимо также учесть, что в Plet. могла просто отсутствовать запись ударения в праes. (ср. многочисленные опечатки и непоследователь-

льности типа *bávití -im* I.14 > *bávití bávim* II.1, *gnězditi -im* I.221, *prignězditi -im se* II. 305 ~ *dognězditi -gnězdim* I.147 и под.). Дialectы, в которых бы наблюдался массовый переход глаголов а.п. а в акц. тип В также неизвестны.

Таким образом, Plet. и SSKJ фиксируют, по-видимому, различные этапы развития одной или близких друг к другу систем (ср. степень проникновения в нормированную акцентуацию определенных диалектных черт), а не различные пути трансформации исходной системы, как это наблюдается у сущ. с суфф. *-ostь, -ota* (см. *Р.В.Булатова, Г.И.Замсатина. Общее и специфическое в построении акцентных систем суффиксальных имен в сербохорватском и словенском // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков (в печати)*).

ЛИТЕРАТУРА

Дыбо 1982 - *Дыбо В.А.* О некоторых акцентологических изоглоссах словенско-кайковской языковой области // *Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj. 6. Zagreb, 1982.*

Breznik - *A.Breznik.* Slovenska slovnica za srednje šole. Prevalje, 1921.

Rigler 1968 - *J.Rigler.* Problematika naglaševanja v slovenskem knjižnem jeziku // *Jezik in slovstvo. Let. 13. 1968, № 6, s. 192-199.*

Rigler AV - *J.Rigler.* Akcentske variante. I. // *Slavistična revija. Let. 18. 1970, № 1-2, s. 5-16; Akcentske variante. II // Slavistična revija. Let. 19. 1971, № 1, s. 1-12; Akcentske variante. III // Slavistična revija. Let. 26. 1978, № 4, s. 365-374.*

Материал цит. по: Plet. - *M.Pleteršnik.* Slovensko-nemški slovar. D. I-II. Ljubljana, 1894-1895; SP-62 - Slovenski pravopis. Ljubljana, 1962; SPBG - *F.Novak.* Slovar beltinskega prekmurskega govora. Murska Sobota. 1985; SSKJ - Slovar slovenskega knjižnega jezika. T. I-IV-. Ljubljana, 1970-1985-; Tom. - *I.Tominec.* Črnovrški dialekt. Kratka monografija in slovar. Ljubljana, 1964; Valj. Rad - *M.Valjavec.* Prinos k naglasu u (novo)slovenskom jeziku. Rad JAZU 43-121. Zagreb, 1876-1895.

О СООТНЕСЕННОСТИ ЗНАКОВ ЗНАМЕННОЙ НОТАЦИИ С УДАРЕНИЕМ

В литературе, посвященной древнерусскому (др.-русск.) знаменному пению, говорится о соответствии некоторых знаков знаменной нотации словесному ударению; однако, попытка Э. Кошмидера строго доказать это соответствие потерпела неудачу¹. По предположению В.А.Дыбо, новые возможности для установления соответствия знаков знаменной нотации ударению (или каким-либо другим просодическим признакам) открывает акцентологическая теория, разрабатываемая московской акцентологической школой, и основанная на этой теории реконструкция праславянского ударения, а также полученные в последнее время данные о славянской диалектной акцентуации.

Источником знаменной нотации считается палеовизантийская нотация, встречающаяся в греческих (греч.) певческих текстах VIII-IXвв. и ко времени древнейших знаменных рукописей (XIв.) вышедшая из употребления. Южнославянские аналоги знаменной нотации неизвестны. Ни палеовизантийская, ни древнейшая знаменная нотация не поддаются точной дешифровке.

Построчное сопоставление греческих (палеовизантийской нотации) и др.-русск. нотированных ирмосов показывает, что в др.-русск. тексте довольно точно воспроизведена нотная строка соответственного греческого текста². При этом в конце стиха (музыкальной фразы) сопоставляемые тексты обнаруживают почти полное совпадение нотных последовательностей, а в его середине др.-русск. текст допускает значительную свободу расстановки нотных знаков. Нотные последовательности конца строки как в др.-русск. певческих текстах, так и в греч., имеют характерный "рисунок" и исчисляются несколькими десятками. Зависимость расстановки нотных знаков от словесного ударения (или других просодических признаков) в др.-русск. рукописях знаменной нотации следует, очевидно, искать за пределами конечных нотных последовательностей, там, где нотная строка др.-русск. текста отклоняется от греч. "оригинала". Последнее подтверждается сопоставлением "нотных контуров" словоформ с их акцентными контурами: если в пределах конечных нотных после-

довательностей регулярно происходит "переакцентовка" словоформ, то за их пределами нотирование словоформ более упорядочено и может быть соотнесено с просодическими параметрами.

Традиционно считается, что знак $\surd$ (крюк) соотносится в знаменных текстах с ударением, а знак $\sphericalangle$ (столица) – с безударностью. По певческим азбукам XVIIв. знаки знаменной нотации делятся на имеющие нисходящий и ненисходящий распев, с одной стороны, и на долгие и краткие, – с другой. Поздние певческие азбуки не содержат указаний на то, какие мелодические свойства обуславливают "ударность" крюка. Очевидна его графическая выделенность, однако по этому признаку в число соотносящихся с ударением знаков должны быть включены стрелы (=—||—) и некоторые другие знамена.

Ниже приводятся данные новгородского Стихираря XII в., принадлежащего Хиландарскому монастырю на Афоне (по фототипическому изданию в серии *Monumenta musicae byzantinae*, vol. V, Copenhagen, 1957). В предлагаемый краткий список включены имена существительные (сущ.) и прилагательные (прил.), "нотные контуры" которых включают, как правило, не более одного крюка или стрелы в качестве знаков, соотнесенных с ударением, и столицы (реже – другие знаки), соответствующие безударности. Приводятся главным образом словоформы с неконечными "нотными контурами"; словоформы с начальными "нотными контурами" заключены в скобки, поскольку в начале стиха часто наблюдается "переакцентовка" словоформы. В скобки также заключены словоформы, "нотные контуры" которых в качестве соотносимых с ударением знаков содержат чашки ($\cup$) и статьи (=).

А.п. а : gen.sg. славы 95v; acc.sg. вѣроу 107v, instr.sg. вѣроу .108v, (loc.sg. въ вѣръ 102v); acc.pl. силы 98r; gen.sg. отъ неправды моучителя .101r; nom.sg. не польза 78r; nom.sg. воурл 18r; loc.sg. на вечера 30v; gen.sg. оутровы 13v, (изъ оутровы 95r); nom.sg. църкы 7v, (gen.sg. църковѣ . 102v); loc. sg. въ поустыни 63r, 43v; nom.sg. владыка 21v, владыка 15v; nom. sg. грѣшница 16r; (nom.sg. .отроковица 15v, acc.sg. .отроковицю 82r); (gen.sg. .смоковница 13r); nom.sg. влоудница 16v; gen.sg.

· отъ равоты 22v ; (acc.sg. доврѣтоу · 84v) ; nom.sg. чловѣкъ 10r, 82v, 93r ; gen.sg. чловѣка 82v, 83r, 83v, 84r, 93r, 93v ; nom.sg. рай 67v, рай 71r ; loc.sg. въ оубѣтѣ 57v ; nom.sg. ѡзыкъ 44r, ѡзыкъ 6r, ѡзыкъ 104r, nom.pl. ѡзычи 106r ; nom.sg. женихъ 68r, gen.pl. чюдесѣ 88r ; nom.sg. мати 29r ; loc.sg. на камѣнѣ 71r ; loc.sg. на мѣстѣ 62r ; loc.sg. въ малѣ 78r ; gen.pl. чадѣ свойхъ 10r ; acc.pl. вѣтви 4v, вѣтви 5r ; nom.sg. волѣзнь 64r ; acc.pl. пѣсни 67 ; dat.sg. коупѣли 83r ; nom.sg. памѣть 102v ; nom.sg.f. чистаѣ 28v, loc.sg.f. на прѣчистѣи 16r ; gen.sg.n. прѣчистааго 81, (gen.du. отъ прѣчистоу 25r), gen.pl. отъ прѣчистыхъ 39r ; instr.sg.m. мнѡгомъ 25r, (adv. мнѡго 16v ; gen.pl. не о нишиихъ 23r).

А.п. b : nom.sg. жена 17v ; acc.sg. хвалоу 3v ; gen.pl. отъ вѣдѣ 31r, (acc.pl. и вѣды расточивѣ · 108v) ; instr.sg. ихъ же волею възлюбилъеси · 96v, (instr.pl. · вѡнами 81r) ; voc.sg. · всеси · вселенѣи свѣще неогасима · 34r ; dat.pl. грѣхомъ 100r, (gen.pl. · грѣхъ радѣ 92v, instr.pl. грѣхми 18r), instr.pl. грѣхы 22v ; (nom.sg. · животъ 80v, 88r), gen.sg. живота 51v ; loc.sg. на соудѣ 41r ; acc.sg. змиѣ 68r ; gen.sg. крѣста 53v, dat.sg. къ крѣстоу 33v, loc.sg. на крѣстѣ 64v, 41r, 94v, на крѣстѣ 56v, (· на крѣстѣ 78r, на крѣстѣ 64v) ; instr.pl. пѣрсты 91v ; nom.pl. пѣси 53v, dat.pl. пѣсомъ 23v ; · оумъмъ 101r, (dat.sg. къ врачю 17v) ; nom.sg. равъ 33r, равъ 20r, равъ 16r, gen.sg. рава 23r ; nom.sg. зѣло 56v, (зѣло 16v, зѣло 5v) ; gen.sg. лица 21r, лица 96r ; nom.pl. плѣщи 21r ; acc.pl. рѣвра юго 35v, рѣвра 57r ; (nom.pl. · оуста же 99r, gen.pl. из оустъ 7r) ; gen.sg.m. · мѣртва 66v, 78r, 79v ; acc.pl.n. иже мѣртвымъ 79v ; (nom.sg.m. · єдинъ 21r), gen.sg.m. єдиногo 36v, 108v, · єдиногo 35r, voc.sg.m. єдине 8r, (nom.sg.n. · єдино 103r, · єдино 42r).

А.п. c : gen.sg. воды 84v, loc.sg. · иже на водахъ землю повѣ-

ший · 46v; instr.sg. съ слъзѣми 79r, 80r; loc.sg. въ роуцѣ 11v, въ
 роуцѣ 54v, gen.du. роукама 78r; nom.sg. земля 66v, gen.sg. · отъ
 земля 101v, loc.sg. на земли 106r, acc.sg. · на землю пришьдѣша
 108v, землю 46v || (nom.sg. ты мой богъ и господь · 77v, · богъ же
 99v, gen.sg. · бога 24r), voc.sg. воже 3r; nom.sg. другъ 60r,
 (· другъ и диаволь · 20r), nom.sg. сынъ 46v, instr.sg. съ сынъми
 106v, voc.sg. сыноу 45r, dat.sg. сыноу 5r, (· сыноу 12v); nom.sg.
 миръ 87v, (loc. sg. · въ мирѣ 42r); nom.sg. доухъ 96r, (· доухъ
 101v, 106v, 107r), dat.sg. доухоу 108v, gen.sg. доуха 104r, 105r,
 107v; nom.sg. море 35v, loc.sg. въ мори 43v, 63r; gen.pl. дѣлъ
 14v, дѣлъ 17v; acc.pl. дѣла 13v; gen.du. · отъ очию 101v || gen.
 sg. · страсти ради 89r, instr.sg. страстию 32v; nom.sg. съмъртъ
 75v, acc.sg. въ съмъртъ 22v, instr.sg. съмъртию 71v, съмъртию
 21r; (gen.sg. · и зѣлчи 36v); instr.sg. плътию 100v, loc. sg. въ
 плъти 5v, nom.sg. плъть же 52r, плъть 43v, плъть 52r; nom. sg.
 къгда · ношь 92r, (acc.sg. · въ ношь 44v), instr.sg. · и въниде · но-
 щию къ пилатоу · 78v; instr.sg. лъстью 28v; nom. sg. чьсть 72Ar;
 nom.sg. дѣти же 4r, дѣти 3v, 25v || (acc.sg. на жрева 8r), loc.
 sg. на жреватѣ 2r; nom.sg. время 11v, время 13v; acc.sg. въ има
 4r; loc.sg. тѣлѣ 81r, loc.sg. на дрѣвѣ 56v.

А.п. d (сущ. м. р.): acc.sg. въ дѣлгѣ 15r; gen.sg. отъ
 вѣка 67v; nom.sg. свѣтъ 88v, свѣтъ 107v, dat.sg. свѣтоу 109r,
 instr.sg. свѣтъми 66v; gen.sg. отъ грова 84v, грова 71r, dat.sg.
 къ гровоу 11v, gen.sg. отъ грова 72r, (dat.sg. · къ гровоу 71r,
 loc. sg. · въ гровѣ 66r).

Таким образом, в середине музыкальной фразы "нотные кон-
 туры" имен а.п. d отличаются последовательной постановкой
 крюка (стрелы) над корневым слогом (у производных - над
 определенным слогом основы). У имен а.п. b крюк ставится над
 окончанием; если окончание содержит редуцированный в слабой

позиции, крюк ставится над предшествующим слогом (это наблюдается и у ортотонических словоформ а.п. с). Обращают на себя внимание следующие особенности нотирования имен а.п. б: формы *пот. pl.* вѣды и членная форма *асс. pl. n.* прил. мѣртвым имеют крюк над корневым слогом; такой же "нотный контур" имеет словоформа *вос. sg.* свѣще. У словоформы *instr. sg.* грѣхъми корневой слог выделен чашкой, имеющей нисходящий распев. У словоформ *пот. pl.* плещи и *асс. pl.* ревра (дважды) крюк ставится над окончанием. Имеются два сомнительных примера *instr. sg.* волею с крюком над первым слогом окончания.

Ортотонические словоформы *сущ. ā-* и *ō-*основ а.п. с имеют "нотные контуры" с крюком (стрелой) над первым слогом окончания; исключения составляют *loc. pl.* на водахъ и *gen. pl.* дѣлъ с крюком над корневым слогом. Формы-энклиномены не имеют последовательной "акцентуации": крюк у них стоит как над корневым слогом, так и над окончанием (первый тип нотных контуров более частотен, второй встречается в основном в сомнительных примерах); у форм-энклиноменов встречаются также "безударные" "нотные контуры" и "нотные контуры" с крюком над клитиками. *Сущ. сынъ* в *sg.* имеет ударение на окончании. *i-*основы имеют нотные контуры с крюком (стрелой) над окончанием в *loc. sg.* (въ плъти) и, возможно, *gen. sg.* (страсти); в *instr. sg.* крюк ставится либо над корневым слогом (нощию, съмъртию), либо над вторым слогом окончания (лъбтъю, страстию, плътию). *Сущ. м.р. а.п. д* представлены формами *sg.*, у которых крюк ставится над корневым слогом. Крюк над окончанием встречается только в косвенных падежах слова *гровъ*. Приведенные примеры показывают, что в определенных участках стиха расстановка музыкальных знаков зависит от словесного ударения. Позиции акцентологической релевантности "нотных контуров" словоформ нуждаются в дальнейшем уточнении. К сожалению, малочисленность примеров не позволяет сделать определенных выводов об ударении памятника. По-видимому, данные Стихираря можно верифицировать материалами других рукописей знаменной нотации новгородского происхождения.

¹ E. Koschmieder. Die ältesten Novgoroder Hirmologien Fragmente. Bd. 1-2. München, 1955.

² M. Velimirović. Byzantine elements in early Slavic Chant. Vol. 1-2. Copenhagen, 1960.

Дорогому другу
в аннотации его книжки

С. Л. Николаев

К РЕКОНСТРУКЦИИ ПРАСЛАВЯНСКИХ ТЕМАТИЧЕСКИХ ГЛАГОЛОВ С
КОРНЯМИ НА ШУМНЫЙ

7.6.91
Николаев

В реконструкции акцентных типов праславянских тематических глаголов на шумный имеется следующий существенный пробел: в ней отсутствуют глаголы акцентной парадигмы, соответствующей а. п. b_2 i -глаголов¹. Предполагалось, что в большинстве праславянских диалектов эти глаголы перешли в а. п. с, на что вроде бы указывают аномалии в рефлексации акцентной кривой этой а. п. в отдельных славянских системах².

Материалы полевых исследований, ведущихся в последние годы в рамках экспедиций, проводимых на Западной Украине Сектором этнолингвистики и фольклора и Группой сравнительного и ностратического языкознания Института славяноведения и балканистики, видимо, дают основание предполагать, что различие между рефlekсами а. п. с и b_2 тематических глаголов на шумный в опосредованном виде сохранилось в галицком диалекте украинского языка³.

В галицкой диалектной области выделяются следующие 2 типа нетривиального ударения в презенсе⁴:

А. Западный тип (большая часть надднестрянских говоров,

¹ Среди тематических глаголов традиционно реконструируется только а. п. b_1 ; это небольшая группа глаголов с инфинитивно-асристной а-основой типа *tъkātī: *tъkō, *tъdětь, а также модальный глагол *mogō, *mdětь и суффиксальный *jdō, *jdětь.

² См. Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.А. Основы славянской акцентологии. М., 1990. С. 36-37.

³ Ibid. С. 110.

⁴ В "тривиальных" системах все или подавляющее большинство глаголов "классической" праславянской а. п. с ведет себя одинаково (в полностью инновационном типе глаголы имеют колонную окситонезу презенса, в более архаическом - баритонированное 1 л. ед. ч. и окситонированные прочие формы).

бойковские говоры, закарпатские говоры приблизительно к востоку от линии Хуст-Синевирское озеро). В этом типе глаголы делятся на 2 класса: 1) имеющие в презенсе "полуотметность" (термин Б.Цонева, введенный им для обозначения сходного явления в болгарском), т. е. оттяжку ударения на корень в приставочных формах и сохранение конечного ударения в бесприставочных⁵, и 2) имеющие неизменное окситонированное ударение как в бесприставочных, так и в приставочных формах. К "полуотметным" глаголам в западном типе относятся глаголы с корневым -е- и глагол *kladq. "Максимальная" система, представленная, например, в с. Турья Поляна Перечинского р-на Закарпатской обл., в "полуотметном" классе содержит, кроме *kladq, все без исключения глаголы с корневым -е-: *γrebú, γrebé : zaγrebú, zaγrebé; kladú, kladé : pokladú, poklade; meťú, meťé : zaméťu, zaméťe; nesú, nesé : ponésu, ponése; peč'ú, peč'é : spēč'u, spēče; pletú, pleté : splétu, spléte; wréč'u, wréče; teč'ú, teč'é : (i)stéč'u, (i)stéče; weđú, weđé : powéđu, powéde; wežú, wežé : powéžu, powéže, но: bođú, bodé : zbođu, zbodé; cwitú, cwité : roscwitú, roscwité; γuđú, γuđe : zaγuđu, zaγuđe; γyžú, γyžé : zaγyžú, zaγyžé; rořtú, rořté : pudrořtú, pudrořté; pr'adú, pr'adé : napr'adú, napr'adé; upr'ažú, upr'ažé; s'ič'ú, s'ič'é : nas'ič'ú, nas'ič'é; skubú, skubé : naskubú, naskubé; stryžú, stryžé : nastryžú, nastryžé; tr'asú, tr'asé : natr'asú, natr'asé; towc'ú, towc'é : natowc'ú, natowc'é; z'abú s'a, z'abé s'a : (i)z'z'abú s'a, (i)z'z'abé s'a⁶.*

В "редуцированных" системах к "полуотметным" относятся только глаголы с корневым -е-, первоначально находящимся перед шумным согласным, при этом исключаются глаголы с корнями, оканчивающимися на заднеязычный - например, в с. Керещки Свалявского р-на Закарпатской области: *vedú, vedé : povéđu, povéde; vezú, vezé : povéžu, povéže; nesú, nesé : ponésu, ponése; pletú, pleté : zaplétu, zapléte; γrebú, γrebé*

⁵ Из говоров западного типа лишь немногие сохраняют, причем обычно нерегулярно, архаическое начальное ударение 1 л. ед. ч.

⁶ Материал здесь и далее приводится в записи автора.

: *pořrěbu, pořrěbe; metú, meté : pudmétu, pudméte*, а также *kladú, kladé : pokládu, pokláde*, но: *pečú, peče : napečú, napeče; zarečú, zareče; tečú, teče : potečú, poteče* и т. д.

Встречаются также более редкие разновидности западного типа – например, распространение оттянутого ударения в глаголах "полуотметного" класса на приставочные формы (в западноднестрянских говорах).

Почти полностью "морфонологизированные" западные системы, к сожалению, не дают основания для реконструкции праславянского состояния, хотя сам факт существования в них двух классов тематических глаголов, один из которых не выводим непосредственно из праславянской акцентологической реконструкции, позволяет предположить вторичное перераспределение первоначально морфонологически не мотивируемых двух классов. Системы, сходные с западногалицкой, распространены в восточносербских (где "полуотметность" имеют глаголы с краткосложными корнями) и плохо изученных в акцентологическом отношении западноболгарских говорах (начиная со средневековых акцентованных памятников).

Б. Восточный тип (большая часть гуцульских говоров, а также закарпатские "укающие" говоры восточнее линии Хуст-Синевирское озеро). Для этих говоров не характерна "полуотметность" в презенсе тематических глаголов, но широко распространено начальное ударение в 1-м л. ед. ч. Примером архаичных систем являются системы отдаленных между собой географически и классификационно говоров с. Бороняво Хустского р-на Закарпатской обл. ("укающий" закарпатский говор) и с. Ясенов Верховинского р-на Ивано-Франковской обл. (центральногуцульский говор).

Характерной особенностью систем этих говоров является деление окситонированных в презенсе тематических глаголов на два класса: 1) глаголы, имеющие баритонированной 1-е л. ед. ч.⁷ и 2) глаголы, имеющие в презенсе колонную окситонезу.

⁷ Существенно отметить, что если в Бороняве ударение 1-го л. ед. ч. одинаковое в беспривставочных и привставочных формах, то в Ясенове баритонеза сохраняется только в беспривставочных формах, а привставочные формы всегда окситонированы.

Распределение глаголов по 2-м классам идентично и морфонологически не мотивировано.

К 1-му классу относятся: а) большинство глаголов с праславянским корневым *-e-* перед шумными: Бор. *γrēbu, γrēbé* ~ Яс. *hrēbu, hřebět*; Бор. *mētu, meté* ~ Яс. *mātu, metiět*; Бор. *něsu, nesé* ~ Яс. *niěsu, nesět*; Бор. *pěcu, pecé* ~ Яс. *pěc'u, peč'iět*; Бор. *plētu, pleté* ~ Яс. *plātu, pletiět*; Бор. *védu, vedé* ~ Яс. *vādu, vediět*; *vézu, vezé* ~ Яс. *vāzu, vezět*; также Бор. *těcu, tecé* (в Яс. не записана бесприставочная форма 1 sg.); б) глагол **kladq*: Бор. *klādu, kladé* ~ Яс. *klādu, klad'iět*; в) глагол **tręsq*: Бор. *tr'āsu, tr'asé* ~ Яс. *tr'iěsu, tr'isět*. К этому же классу, видимо, принадлежали глаголы, записанные только в говоре Ясенова: *vārzu, verzět* 'болтать вздор'; *tōw'cu, tōw'ciět*.

Ко 2-му классу относятся: а) из глаголов с корневым *-e-* перед шумным, видимо, глагол **rekq*: Бор. *zrečú s'a, zrečé s'a* (в говоре Ясенова бесприставочные формы не отмечены); б) глаголы с корнями других морфонологических типов: Бор. *zberēžú, zberežé* ~ Яс. *berēžú, berežět*; Бор. *perebrōdú, perebrōdé* ~ Яс. *brydú, brydiět*; Бор. *cvitú, cvité* ~ Яс. *cvitú, cvitiět*; Бор. *γrōzú, γrōzé* ~ Яс. *hryžú (hrěžu), hryžět*; Бор. *rostú, rosté* ~ Яс. *rostú, rostiět*; Бор. *pasú, pasé* ~ Яс. *pasú (pāsu), pasět*; Бор. *s'icú, s'icé* ~ Яс. *s'ic'ú, s'ic'iět*; Бор. *skubú, skubé* ~ Яс. *skubú, skubět*; Бор. *strižú, strižé* ~ Яс. *stryžú (strěžu), stryžět*⁸. Сюда же, видимо, относятся глаголы, отмеченные лишь в одном из говоров: Бор. *bođú, bodé*; *γudú, γudé*; Яс. *dowbú, dowbět*; *sterežú, sterežét*.

Большинство глаголов, принадлежащих к 1-му классу в рассмотренных выше восточных системах, генетически тождественны "полуотметным" глаголам западной зоны: основы с *-e-* (**vedq, *vezq, *nesq, *metq, *grebq, *pletq*) - при этом, по видимому, находит объяснение различие между "максимальным" и

⁸ Параллельные баритонированные формы 1-го л. должны считаться вторичными ввиду их продуктивности (в гуцульских говорах данного региона, в том числе и в Ясенове, они широко распространены также в *ě-* и *í-*глаголах).

"редуцированным" подтипами (в 1-м возобладала модель глаголов *pekq и *tekq, во втором - *rekq); глагол *kladq, противопоставленный другому глаголу с -a-, *pasq, как в западной, так и в восточной зоне). Судя по всему, мы должны предполагать переход во 2-й ("неполуотметный") класс в системах западного типа глаголов *trēsq, *v̄rzo, *t̄lkq. Другие "неполуотметные" глаголы западных систем генетически тождественны глаголам с окситонированным 1 sg. praes. в восточных системах.

Видимо, различие между двумя классами можно возводить к "прагалицкому" и, далее, к праславянскому уровню, хотя конкретный состав этих классов нуждается в существенном уточнении. В интерпретации нуждается и механизм развития праязыковой системы в "полуотметную". Важно, что восточногалицкие системы отражают в общем не мотивированное морфонологией ко-рня распределение тематических глаголов по двум классам, что характерно для любых неприводных на праславянском уровне морфем и основ. Формально "восточная" акцентная кривая 1-го класса глаголов (с баритонированным 1 sg. praes.) восходит к праславянской а. п. с, а акцентная кривая 2-го класса (с колонной окситонезой) - к праславянской а. п. b₂.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КРАТКОСТНОЙ ОТТЯЖКЕ В ГАЛИЦКОМ ДИАЛЕКТЕ

Ранее уже публиковались данные восточнолемковского говора с. Ярок (Ужгородский р-н Закарпатской обл.)¹. В этом говоре в пом.-асс. pl. о-основ м. р. (старые о-, и- и i-основы) с окситонированными формами ед. ч. конечное ударение фиксируется в праславянских долгосложных основах, тогда как в краткосложных основах ударение накоренное (например, *kl'uc'*, gen. sg. *kl'uc'á*, пом.-асс. pl. *kl'ucí* при *úil*, gen. sg. *volá*, пом.-асс. pl. *vóle*). В этом распределении акцента отражается одно из важных диалектных явлений позднепраславянского периода – оттяжку ударения с долготных слогов на краткостные².

Подобное распределение, несколько "подпорченное" инновационными процессами, ранее было обнаружено также в говорах бассейна Боржавы и Латорицы (с. Брод Иршавского р-на, с. Керцки Свалявского р-на Закарпатской обл.) и в надднестрянских говорах (с. Чапли Старосамборского р-на и т. д.). Во время весенней экспедиции 1991 г. система, подобная системе с. Ярок, причем не менее последовательная, обнаружена в западнобойковском с. Битля Турковского р-на Львовской обл. (запись А.В.Тер-Аванесовой и автора). Кроме дополнительного доказательства существования указанного акцентного распределения, материал говора Битли подтверждает его общегалицкий характер. Кроме того, материал этого говора позволяет конкретизировать детали распределения.

А. К р а т к о с л о ж н ы е о с н о в ы

1. П р а с л а в . а . п . б

γw'ist – *γvozdá* – *γvózdy* 'зуб бороны' (< *gvòzdzь, *gvozdá);
k'in' – *kón'á* – *kón'i* (Ярок: *kún'* – *kón'á* – *kón'i* < **kòп'ь*, **kòп'á*);
n'is – *nozá* – *nózi* (Ярок: *núž* – *nozá* – *nózi* <

¹ Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л. Основы славянской акцентологии. М., 1990. С.125-126.

² Ibid. С. 109-129.

*nòžь, nožá); oγón' - oγné - óγn'i (< *òžнь, *ožni); p'ip - porá - rópy (Ярок: píp - porá - pópe < *pòpь, *porá); s'c'iw - stolá - stóly (Ярок: stúl - stolá - stóle < *stòlь, *stolá); top'ir - toporá - topóry (< *topòpь, *toporá); w'iw - volá - vóly (Ярок: vúl - volá - vóle < *vòlь, *volú); dw'ir - loc. na dworí (но gen. двору) - двóry (Ярок: dwúr - dworá - dwóre < *dwòpь, *dworá); p'it - loc. na pod'í (но gen. под) - pódь (с вар. podý) 'чердак' (< *pòdь, *podá); ср. еще Ярок: kúl - kolá - kóle (в Битле k'iw - kolá - coll. sg. k'íl'a < *kòlь, *kolá); kús - košá - kósi (в Битле k'is - košá sg. t. < *kòšь, *košá); vepér' - vep'r'á - vep'r'i (< *vèpр'ь, *vepr'á); r'iw - rojú - róji (с вар. roji (ср. Ярок rúl' - ról'a - sic) < *ròjь, *rojá).

Следующее слово имеет инновационную баритонезу ед. ч.: s'n'ip - snóra - snópy (ср. Ярок: sníp - snorá/snóra - snóppe, ср. также в других галицких говорах: Семаково sníp - snorá, Ясень sn'ip - snorá - snópy, Чапли sníp - snorá - snóppe и т. п. < *snòpь, *snorá). Исключениями являются также: 1) окситонированные во мн. ч. основы: pir'ix - piroγá - piroγ'í 'вареник' (< *pírògь, *pirogá); xw'ist - xwostá - xwostý (ср. регулярное Ярок xwúst - xwostá - xwóstte < *xwòstь, *xwostá); 2) основы, приобретенные в ед. ч. баритонезу по модели s'n'ip - *snorá > s'n'ip - snóra, и перестроившие акцентуацию мн. ч. по аналогии с основами а. п. с: čip - čóra - čopy (< *čèpь, *čepá); p'ist - póstu - postý (< *pòstь, *postá).

Из краткосложных основ регулярную окситонезу имеют рефлексы существительных а. п. б с редуцированными в корне: 1) основы с "беглыми гласными": rez - psá - psý (< *pèstь, *pěsá и т. д.; 2) основа с невыпавшим рефлексом редуцированного: došč - dōžžú - dōžží (< *dòžžь, *děžžá).

Видимо, по морфонологической аналогии (корневые -o-, -e-) возникла баритонеза мн. числа следующих долгосложных основ: bork - borká - bórк'и 'бакенбард' (< *bòrkь, *bьrká); korč - korčá - kórč'i 'куст' (ср. перешедший в баритонированный тип Ярок korč - kórča - kórč'i < *kòrčь, *kьrčá); сюда же примыкает слово а. п. д vep'x - vlr'xá - vep'x'i (< *vèpр'ь, *vьpр'á).

2. Праслав. а. п. *d*

Краткосложные основы а. п. *d* как правило имеют в говоре Битли (равно как и Ярка) баритонезу ед. и мн. числа³:

n'is - *nósa* - *nósy* (Ярок: *nūs* - *nósa* - *nóse* < *nōstь, *nosá);
ś'ć'ix - *stóga* - *stóγ'I* (< *stōgь, *stogá); *klen* - *kléna* -
klény (< *klēnь, *klená); *t'ik* - *tōku* - *tók'I* 'гумно'
 (< *tōkь, *toká); *w'is* - *vóza* - *vózy* (с вариантом *vozý*;
 Ярок: *vūz* - *vóza* - *vóze* < *vōzь, *vozá); *zw'in* - *zvoná* -
zvonу (Ярок: *zūn* - *zvoná* - *zvonē* < *zvonь, *zvoná); *r'ix* -
róga - *róγ'I* (Ярок: *rūγ* - *róga* - *róγ'I* < *rōgь, *rogá).

Следующие слова приобрели акцентную кривую а. п. с (при этом в Ярке сохраняется старое состояние): *b'ik* - *bóka* -
bok'í (< *bōkь, *boká); *γr'ip* - *γróba* - *γrobý* (Ярок: *γrūb* -
γróba - *γróbe* < *grōbь, *grobá); *pl'it* - *plóta* - *plotý*
 'забор' (Ярок: *plūt* - *plóta* - *plóte* < **plō(k)ь*, **plo(k)tá*);
m'ist - *móstu* - *mostý* (Ярок: *mūst* - *mósta* - *móste* < *mōstь*,
 *mostá).

Немногочисленные краткосложные основы а. п. с, как и соответствующие долгосложные (см. ниже), имеют окситонезу пом.-асс. pl.: *r'ik* - *rōku* - *rok'í* 'год' (< *rōkь, *rōka);
γ'is'ć' - *γós'ć'a* - *γōś'ć'!* (< *gōstь, dat. *gōsti*).

Б. Долгосложные основы

Долгосложные основы как а. п. *b*, так и а. п. *d*, как правило, имеют окситонированные формы sg. и пом.-асс.pl.:

1. Праслав. а. п. *b*

byk - *byká* - *byk'í* (Ярок: *bekь* - *beká* - *bek'í* < *býkь, *byká); *čouén* - *čouná* - *čouný* (< *čōlnь, *čōlná); *d'hl* -
d'ilá - *d'ilý* 'высокая гора' (< *dēlь, *dělá); *γaj* - *γajú* -
γají 'поща' (< *gájь, *gajá); *γr'ix* - *γr'ixá* - *γr'ix'í* (Ярок:
γr'ix - *γr'ixá* - *γr'ix'í* < *gréxь, *gréxá); *kl'isč* - *kl'isčá*
 - *kl'isč'í* (Ярок: *kl'is'ć'* - *kl'is'ć'a* - *kl'is'ć'í* < *klésčь, *klésčá);
kl'uč - *kl'učá* - *kl'uč'í* (Ярок: *kl'uč'* - *kl'uč'a* - *kl'uč'í* < **kl'účь*, **kl'učá*); *koról'* - *koról'a* - *koról'í*

³ Такое развитие характерно для западного галицкого ареала; в восточных говорах эти слова обычно имеют окситонированное ед. ч.

'рождественский сноп' (Ярок: *koʀól'* - *koʀól'á* - *koʀól'i* < **kórl'ь*, **korl'á*); *kušć* - *kušćá* - *kušćí* 'куст' (< *kúšćь, *kušćá); *koʀš* - *koʀzá* - *koʀzí* (< *kóʀžь, *kóʀžá); *l'ik* - *l'ikú* - *l'ik'i* 'лекарство' (< *lékь, *lěká); *mn'ač* - *mn'ačá* - *mn'ačí* (< *měčь, *měčá); *opír'* - *opír'á* - *opír'i* 'упырь' (< **opír'ь*, **opír'á*); *uš* - *užá* - *uží* (баритонеза в Ярке: *uš* - *úža* - *úži* < *qžь, *qžá); *plast* - *plastá* - *plastý* 'пласт сена' (Ярок: *plast* - *plastá* - *plasté* < *plástь, *plastá); *plasc* - *plascá* - *plascí* (Ярок: *plasc'* - *plasc'á* - *plasc'í* < *plascь, *plascá); *smyk* - *smyká* - *smyk'i* 'смычок' (< *smý кь, *smyká); *šcit* - *šcitá* - *šcitý* 'фронтон' (< *šcítь, *šcítá); *šćur* - *šćurá* - *šćurý* 'крыса' (< *šćúrь, *šćurá); *xomút* - *xomutá* - *xomutý* (< *xomótь, *xomotá); *xrušć* - *xrušćá* - *xrušćí* 'майский жук' (Ярок: *xrušć'* - *xrušć'á* - *xrušć'í* < *xróšćь, *xróšćá); *kut* - *kutá* - *kutý* (баритонеза в Ярке: *kut* - *kúta* - *kúte* < *kótь, *kotá); *pryšć* - *pryšćá* - *pryšćá* (< *príšćь, *príšćá). Об исключениях см. ниже.

2. Праслав. а. п. d

dar - *darú* - *darý* (< *dārь, dat. *daróvi*); *doux* - *douxú* - *doux'i* (Ярок: *doux* - *douxá* - *doux'i* < *dǫlgь, *dǫlgá); *krux* - *kruxá* - *krux'i* (вторично Ярок: *krux* - *krúxa* - *krux'i* < *krǫgь, *krǫgá); *r'at* - *r'adú* - *r'adý* (вторично Ярок: *r'ad* - *r'áda* - *r'adé*: < *rǣdь, dat. *rǣdóvi); *sat* - *sadú* - *sadý* (Ярок: *sad* - *sadú* - *sadé* < *sādь, dat. *sadóvi); *š'vit* - *š'vidú* - *š'vidý* (Ярок: *sl'id* - *sl'idá* - *sl'idé* < *slědь, dat. *slědóvi); *stǫw* - *stǫwú* - *stǫwý* 'пруд' (Ярок: *staw* - *stawá* - *stawé* < *stāwь, *stāwá); *uǫw* - *uǫwú* - *uǫwý* 'вал сена' (Ярок: *uǫl* - *uǫlá* - *uǫlé* < *uǫlь, dat. *uǫlóvi); *znak* - *znakú* - *znak'i* (< *znākь, *znaká); *w'ik* - *w'ikú* - *w'ik'i* (< *věkь, *věká).

Исключения: 1) основы а. п. d, имеющие акц. кривую а. п. с: *béretx* - *béreteɣa* - *béreteɣ'i* 'берег; холм' (Ярок: *béreteɣ* - *béreteɣa* - *béreteɣ'i* < *běrgь, *bergá); *šerp* - *šérpa* - *širpý* (Ярок: *šerp* - *šérpa* - *šerpé* < *šěrpь, *šěrpá); *ɣorp* - *ɣórba* - *ɣorbý* 'горб; невысокая гора' (Ярок: *ɣorb* - *ɣórba* - *ɣorbé* < *gǫrbь, *gǫrbá); 2) основы а. п. d с узкими корневы-

ми гласными, приобретшие колонную баритонезу (акц. кривую а. п. а): *brus* - *brúsa* - *brúsy* (< *brúszь, *brusá); *ćip* - *ćípa* - *ćípy* (Ярок: *c'ip* - *c'ípa* - *c'ípe* < *cěpъ, *cěpá); *ćur* - *ćúba* - *ćúby* (< *ćúbъ, *ćubá); *klur* - *klúba* - *klúby* 'тазовая кость' (< *klôbъ, *klôbá); *zur* - *zúba* - *zúby* (Ярок: *zud* - *zúba* - *zúbe* < *zôbъ, *zôbá); *prut* - *prúta* - *prúty* (Ярок: *prut* - *prúta* - *prúte* < *prôtъ, *prôtá); *suk* - *súka* - *súk'i* (< *sôkъ, *soká); *gólur* - *góluba* - *góluby* (Ярок: *gólub* - *góluba* - *gólube* < *gôlôbъ, dat. *gôlôbi). Сюда примыкают: *mólot* - *mólota* - *móloty* (< *môltъ, *moltá); *véćir* - *véćera* (Instr. adv. *većeróm*) - *véćery* (ср. Ярок: *već'ur* - *već'ora* - *već'oré* < *većerъ, *većerá).

Долгосложные основы а. п. с имеют, как правило, баритонезу в ед. ч. и окситонезу в пом.- асс. pl.: *l'is* - *l'isa* - *l'isy* (< *lěszь, *lěsa); *syn* - *sýna* - *syný* (Ярок: *sen* - *séna* - *sené*: < *sýnъ, dat. *sýnovi); *d'ivir* - *d'ivir'a* - *d'ivir'í* (< *děvørъ, dat. *děveri); *uok* - *uóka* - *uok'í* (Ярок: *uok* - *uóka* - асс. *uok'í* при пом. *uówc'i*: < *uôlkъ, *uôlka); *žól'ip* - *žóluba* - *žolobý* (< *žêlbъ, *žêlba). Колонную баритонезу (акц. кривую а. п. а) имеют основы а. п. с с узкими гласными (ср. аналогичное развитие а. п. d): *kut* - *kúta* - *kúty* (ср. регулярное Ярок: *kut* - *kúta* - *kuté*: < *kúntъ, *kúnta); *muš* - *múža* - *múži* (Ярок: *muž* - *múža* - *múž'i*: < *môžъ, *môžá); *m'ix* - *m'íxa* - *m'íx'i* 'мешок' (Ярок: *m'ix* - *m'íxa* - *m'íx'i*: < *měxъ, *měxa); *trup* - *trúpa* - *trúpy* (Ярок: *trup* - *trúpa* - *trúpe*: < *trúrъ, *trúra).

Основы а. п. а, как правило, имеют колонную баритонезу: *m'ís'ac'* - *m'ís'ac'a* - *m'ís'ac'i* (< *měšecъ, *měšeca); *gorix* - *goríxa* - *goríx'i* (< *orěxъ, *orěxa); *porôx* - *poróga* - *porógi* (вторичная окситонеза мн. ч. в Ярке: *poruγ* - *poroga* - *porogi* < *pôrgъ, *pôrga); *ruk* - *rúka* - *rúk'i* (< *rôkъ, *rôka); *rak* - *ráka* - *rák'i* (< *rākъ, *rāka); *w'as* - *w'áza* - *w'ázy* 'шейное сухожилие' (< *uězъ, *uěza); *γap* - *γába* - *γáby* (Ярок: *γab* - *γába* - *γábe* < *grābъ, *grāba); *jásćur* - *jásćura* - *jásćury* 'саламандра' (< *jāsćurъ, *jāsćura); *jazyk* - *jazyka* - *jazyk'i* (< *jęzýkъ, *jęzýka); *klin* - *klýna* - *klýny* (Ярок: *klin* - *klína* - *klíne* < *klíntъ, *klína); *lys* - *lýsa* - *lýsy* (< *liszь, *liša); *zájac'* - *zájac'a* - *zája-*

č'i (< *zǎjěcъ, *zǎjęca); žuk - žúka - žúk'i (но Ярок: žuk - žúka - žuk'í < *žúкъ, *žúka); γγρ - γγύβα - γγύβυ (с вар. γγύβύ; Ярок: pl. γρίβε < *grǐbъ, *grǐba).

Лишь немногие слова праслав. а. п. а приобрели (как в Битле, так и в Ярке) акц. кривую а. п. с, т. е. окситонезу в пом.-асс. pl.: γat - γáda - γadý 'гад (ругательство)' (Ярок: γad - γáda - γadé 'змея' < *gǎdъ, *gǎda); kraj - krája - krají (в Ярке колонная окситонеза: kraj - krajú - krají < *krǎjъ, *krǎja); svat - sváta - svatý (Ярок: svat - sváta - svaté: < *svǎtъ, *svǎta); žit - žída - židý (Ярок: žed - žéda - žedé < *žǐdъ, *žǐda); ž'at' - ž'át'a - ž'at'í (< *zĕtъ, *zĕti).

В заключение следует отметить еще один способ образования мн. ч. в говоре Битли - с помощью всегда ударного суффикса -á, восходящего к собирательному -a. В Ярке это окончание, широко распространенное в бойковских и боржавских говорах, не отмечено: γólos - γólopsu - γolosá (а. п. d); γórot - γóroda - γorodá (а. п. d); nóxut' - n'íxt'a - n'íxtá (а. п. d?); lókut' - l'íkt'a - l'íktá (а. п. d?); put' - put'á - put'á (а. п. b); stóroš - stóroža - storožá (а. п. d); žiw'ít - životá - životá (а. п. b).

ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ДИСТРИБУЦИЯ ФОРМ ИМ. МН. НА -á
В РУССКИХ ДИАЛЕКТАХ

Исследователи (Унбегаун, Обнорский и др.), изучавшие процесс распространения форм им. п. мн. ч. на -á, считали, что первичный круг этих форм охватывал только неодушевленные существительные с подвижным ударением. "Позднее... началось расширение этих новообразований им. мн. на -á, направившееся на категории существительных, вообще характеризовавшихся ударяемостью на основе, как а) на русские по происхождению дву- или многосложные... в значительной части принадлежавшие именам одушевленным, так б) на заимствованные и многосложные, и односложные"¹. Однако в перечне Обнорского отмечены формы на -á и от существительных с постоянным ударением на окончании (акцентная парадигма в): *дворá, дождá, ключá, крестá, кустá, кулá, плотá, полкá, скотá, столбá, судá, трудá, жукá, царя́* (ibid., с. 23). Две последние формы, образованные от одушевленных существительных, отнесены Обнорским к поздним формам аналогического происхождения. По данным картотеки Акцентологического словаря славянских языков (АССЯ) для этих двух слов реконструируется а. п. а, т. е. ударение на окончании у них действительно не исконно (*жук, царь*). Относительно остальных форм Обнорский предполагает, что они ранее были подвижноударными или имеют диалектное ударение на основе, т. е. ударение на окончании для них, по Обнорскому, вторично. Слова а. п. в составляют лишь 9% от общего списка форм на -á, приводимых в различных исследованиях. В литературном языке формы им. мн. на -á образуются лишь от существительных подвижной а. п. Таким образом укрепилось мнение, что формы на -á регулярно образовывались в русском языке только от подвижноударных существительных и что подобные формы от существительных с неподвижным ударением на окончании являются вторичными, поздними формами аналогического происхождения.

¹ Обнорский С.Л. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 2. Мн. число. Л., 1931. С. 53-54.

По данным картотеки АССЯ приведенные выше существительные *двор, дождь, ключ, крест, куст, плот, полк, скот, суд* и *труд* на самом деле исконно принадлежали к окситонированной а. п. и все они (кроме заимствования *куль*) относятся к праславянской лексике.

Материалы же Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ) "в силу того, что они охватывают сплошной диалектный континуум, т.е. обладают свойством непрерывности" (С.В.Бромлей), а также сопоставимости (т.к. они собраны по единой программе), позволяют выявить ареалы распространения форм на *-á* от существительных а. п. *б* и интерпретировать эти формы иначе.

Для картографирования были отобраны слова а. п. *б*, имеющиеся в "Программе": *двор, столб, сноп, куст, дождь* (вопрос 80а), а также слова: *серп, стол, скот, крест, перст, овёс, холст, хлев, хвост, цеп, конь, рубеж* - и некоторые другие, наиболее регулярно встречающиеся в материалах. Формы на *-á* от существительных окситонированной парадигмы образуют небольшие рваные ареалы: на северо-западе вокруг Гдова, в районе Опочки, в верхнем течении Волги и Зап. Двины; восточнее Москвы в междуречье Клязьмы, Оки и Москвы-реки, вокруг Саранска и Пензы, по течению р. Суры; на юго-западе небольшие ареалы между Ельней, Брянском и Мещовском; на юге в верховьях Оки и южнее в районе Курска, Обояни, Белгорода и Суджи, а также в районе Ряжска, Липецка и южнее Тамбова; на севере в междуречье Мологи и Волги, в междуречье Волги и Клязьмы, восточнее Кологрива между р. Унжой и Ветлугой, к югу и востоку от В. Устюга.

Ареалы распространения форм на *-á* от окситонированных существительных с твердой и мягкой основой, как правило, совпадают, и лишь в южнорусских говорах форма *дождя́* распространена несколько шире, чем другие. Возможно, здесь имеет место лексикализация, связанная с влиянием форм им. мн. на *-á* от существительных с *i*-основами (типа *площади́*), широко распространенных в южных говорах.

Ареалы распространения форм на *-á* от окситонированных существительных целиком входят в два описанные С.Л.Николаевым ареала, которые образованы древними изоглоссами, отчасти

восходящими к позднеславянскому периоду: а) на западе, востоке и севере – с "кривичским поясом", возникшим в результате раннесредневекового переселения южнопсковских и смоленских кривичей на восток: для него характерны формы типа *оденье*, *одэнье* (с особой судьбой "напряженного" *ѣ – *одѣньје), распространение форм твор. п. *а*-основ типа *оббуи*, *пáмжуи*, глагольных форм с полной контракцией во всех лицах (1 ед. *дѹту*, 3 мн. *дѹмут*), форм род. мн. типа *дворох* с *х* нефонетического происхождения; б) на юге – с пучком изоглосс, восходящим к племенному диалекту вятичей: ударение *тучá*, *пашá*, лексема *т'етинка/цетинка* 'бьющая часть цепа' и т.д. Кроме того, общими для "кривичского пояса" и вятичского ареала являются сохранение смычного в рефлексах праслав. *kvěť > *кв'ет/м'в'ет*, "южнорусская" система отражения трех палатализаций велярных, особые рефлексy а. п. *d*.²

В связи с этим важным с исторической и лингвогеографической точки зрения представляется отсутствие форм на *-á* от существительных с окситонированной парадигмой в говорах, восходящих к племенному диалекту ильменских словен, т.е. на территории вологодских, костромских, ладого-тихвинских, североновгородских говоров. Такие формы не характерны также для говоров так называемого "брянского угла" (междуречье Десны и Оки к северу от Севска), видимо, сформировавшихся на основе племенного диалекта северян.

Таким образом, на русской территории различаются по крайней мере два типа говоров, характеризующихся разными условиями образования форм им. мн. на *-á*. С одной стороны, это говоры, в которых эти формы образуются только от существительных подвижной а. п. (вторично – от любых баритонированных существительных: "словенские", "северские" говоры, с некоторыми характерными ограничениями литературный язык), с другой стороны – говоры, в которых формы на *-á* образуются от любых существительных ("кривичские" и "вятичские" говоры).

² См. Николаев С.Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах // БСИ. 1986. М., 1988; БСИ 1987, М., 1990. Ч. 1–2.

О КРИВИЧСКОМ ЭЛЕМЕНТЕ И КРИВИЧСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Недавние исследования новгородских берестяных грамот (А.А.Зализняк) и особенностей современных сев.-зап. говоров, отражающих черты кривичского племенного диалекта (С.Л.Николаев), содержат ряд столь важных открытий, что возникает необходимость в пересмотре многих устоявшихся представлений об общей картине ранних вост.-слав. диалектов и, более того, всей схемы диалектного членения Славии в начальную эпоху. Впрочем, эта "вынужденность" пересмотра мнима: она то легкое иго, приняв которое, можно расставить с большим, чем ранее, основанием давно напрашивающиеся акценты в более общем плане кривичской проблемы.

То, что кривичи (К.) занимали особое место среди вост.-слав. племен (хотя бы по величине территории и отчетливой выраженности вектора движения, ее образовавшего), не должно вызывать удивления. В списке вост.-слав. племен (Лавр. 4 об. - 5) К. отсутствуют; откуда они пришли, не сообщается; зато К. упоминаются в контекстах, где фигурируют и заведомо неслав. племена (ср. под 6367 г. /859/ о варягах, бравших дань на Чюди и на Словѣнх. на Мери и на всѣх Кривичѣх или под 6415 г. /907/ - о походе на греков Олега, взявшего воя многи, варяги, чюдь, словѣни, мерю и всѣ кривичи... и т.п.), и при панорамных обзорах племенных территорий, в которых К. занимают периферийное место - между заведомо слав. и неслав. племенами. Очень показательное сообщение об обычаях племени (Лавр. 5 - 5 об.), размещенных по принципу убыва-

ния на шкале "культура (закон) - отсутствие ее (беззаконие)": поляне характеризуются безусловно положительно; древяне, как правило, упоминаемые сразу вслед за полянами, отрицательно, но все-таки эта "отрицательность" относительна (она на фоне "положительности" полян); еще ниже оцениваются остальные племена: радимичи, вятичи и север имеют один общий обычай и живут в лесах; особенно подробно говорится об их отступлении от "нормы" в брачных обычаях, похоронном обряде, ритуалах, играх как о своего рода экзотике. Ряд замыкают К. - си же творяху обычая Кривичи и прочии погани: не вѣдуце закона Бжа . но творяще сами собѣ законъ. Это пространственное и "нравственное" аутсайдерство К. соотносится с двумя новейшими попытками этимологии этого племенного названия (от б.-сл. *kreiṣ 'отделяю', *kreiuos 'живущий при границе' / Z. Goṣaṣ /; кривич как живущий по кривде, несправедливо, безнравственно /С.В.Дмитриев/).

Археологические данные, с достаточной определенностью относимые к К. (с нач. 3ой пол. I тысяч. н.э.), позволяют очертить границы ареала К. с XI в. (особенно важна непосредственная смежность с латгалами на западе и радимичами и вятичами на юге), установить многочисленные общие элементы и/или заимствования балт. типа (похоронные обряды, украшения, одежда и т.л. Седов 1982, 158-169), определить, что этот тип в культуре К. практически совпадает с латгальским и отчасти вост.-литовским, и, наконец, высказать предположение о проникновении К. в Понеманье, чему отвечало бы распространение топонимов Кривичи и под. в относительно узкой полосе Слонимск., Лидск., Ивненск., Вилейск. р-нов белорусского Понеманья, где еще в XVIII-XIX в. сохранялись многочис-

ленные очаги балт. речи. Как бы то ни было, ни одно из востслав. племен в археологическом отношении не может быть сравнено с К. по степени насыщенности соответствующих ареалов балт. или балтообразными элементами. Этой "балтизированнойности" соответствует целый пучок гидронимических изоглосс, охватывающих ареал К. и связывающих латгалск. и отчасти вост.-лит. ареал с племенной территорией К. — вплоть до ее юго-вост. пределов (ср. Balvi, Bolvi, Bolva, Balvis — Болва; Balda/s/, Balde, Baldaine, Baldāni, Baldiņš — Болдинка; Krupeli — Крупела; Auzāni, Авза, Auziņa — Ауза /Ауза/; Aunēja-Унея; ср. также общие элементы на сев.-зап., в басс. Великой, Зап.Двины, Ловати и в Поочье и Верхн.Поднепровье: Исса — Исса, Синяя — Синея, Локня — Локня/а/, Ловать — Ловать, Сороть — Сороча, Дрисса — Дрисенка, Дрисела, Улла — Улинка, Улупинка, Оболь, Оболянка — Обля, Обельна, Абольна и т.п.). Во многих случаях сев.-зап. предел этих переключек лежит в Вост. Пруссии, вплоть до низовьев Вислы.

Все эти данные (летописные, археологические, гидронимические) в известной степени статичны и соответственно интерпретируются как результат некоей "неподвижной" смежности, корректируемой лишь временными, но не пространственными изменениями. Отсюда два основных недостатка в истолковании этой картины — сугубая консервативность, нечуткая к новым фактам и идеям, и экстенсивный характер предлагаемых объяснений. Эти недостатки тем более обидны, что проблема К. IX-XIII вв. имеет свою пространственно-временную перспективу. Говорить здесь о ней не придется, но обозначить ее стоит — распространение кривичского элемента далеко на восток, на

территорию Рост.-Сузд. княжества и в Подмоскowie (ранее отмечались случаи удивительных латышско-подмосковных гидронимических связей). Эта кривичская экспансия в вост. направлении дает основания думать, что она всего лишь продолжение начавшегося ранее продвижения К. с запада на восток (в частности, нельзя исключать, что "кривичские" следы в Понеманье остатки этого более раннего движения, а не предполагаемого более позднего движения К. в обратном направлении).

В этом контексте возникает идея, о которой уже приходилось писать и раньше, — об исходном локусе кривичского элемента далеко на западе от исторической территории К., в южной Прибалтике, возможно, в местах, прилегающих к нижнему течению Вислы. Сейчас эта точка зрения, может быть, не покажется оригинальной после того, как благодаря исследованиям А.А.Зализняка было установлено, что "сев.-кривичские" диалектные элементы новгородских берестяных грамот связаны не с вост.-слав. диалектным комплексом, но отсылают к языковой ситуации сев.-зап.-слав. территории, к польским и лехитским диалектам. Новым, однако, может оказаться то, что кривичский элемент не только сопоставим как родственный и синхронный ("братский") с диалектами этого сев.-зап.-слав. ареала, но — в более глубокой временной ретроспективе — и как родственный тоже, но более поздний языковой срез некогда балтийских идиом этого же южно-прибалт. ареала. Иначе говоря, если сев.-кривичск. элемент явление одного ряда с сев.-зап.-слав. диалектами, то по отношению к балт. речи этого ареала он явление более позднее, так сказать, "сыновнего" ряда, что предполагало бы славизацию этого некогда балт. кривичск.

диалекта в процессе передвижения его носителей с зап. на вост. (надо помнить и о более общей идее о возможности зап.-балт. происхождения праслав.) Когда, где и как совершалась славизация балт. К., — вопрос особый. Но едва ли можно исключать наличие у ранних К. Псковско-Смоленск. зоны балт. языковых черт и балт. колорита, к началу историч. периода уже полностью перекрытого славянским. Но даже если не ставить цели разрешить вопрос об исходной языковой принадлежности К., существенно все-таки проследить факты, свидетельствующие об их продвижении из южн. Прибалтики на вост., в Псковск., Полоцк., и Смоленск. земли (нужно отметить, что и позже под давлением Ордена пруссы не раз мигрировали на восток в южн. Литву и сев. Белоруссию/"бартяки" и др./, и этот путь был хорошо знаком населению этих мест). Характерно, что для Дусбурга, описывающего поход Генриха 1314 г. в землю К. (Criwicie; in daz lant Kriwitzin у Ник. из Ерошина), она лежала в верховьях Немана, вокруг Новогрудка (1).

Лучшим ориентиром в этом отношении является этноязыковой элемент Kriv-, культурно-историческое значение которого весьма велико. Ср. название верховного жреца у всех балтов Krive, Kriv-aitis, но особенно у пруссов в святилище Ромове (Надравия; именно здесь /ср. Romovupiai, Romanuppen на реке Romovupė/, вблизи предполагаемого места святилища, отмечено селение Kriwuczei, Kreiwutschen, Kreiwuczei; Krivučiai, Kreivučiai) и у литовцев в Вильнюсе, в долине Швинторога, где было святилище Перкунаса. Поздняя традиция называет первым Криве-кривайтисом Брутена (V в., важный рубеж в жизни балт. народов). Согласно преданию и ряду документальных свидетельств, Kriv- был родоначальником религиозной традиции, а Krivait- — института власти, первым вождем (близнецы — "основатели"); ср. лит. krivūlė, кривая палка, посох как важный

символ религиозной и светской власти. Вместе с тем элемент Kriv- обозначал и локус верховного жреца, то ядро, из которого вырос Вильнюс (ср. Curvum castrum, Krzywgorod, Кривой город), и соответствующее население, составлявшее особую общность, которая могла, видимо, обозначаться как Kriva- (характерно, что взятая в этническом ракурсе, эта форма аналогична Lištuvà, Лотьва, Łotwa /*Lat/u/va/*; суф. -ичи появился позже: как и в случае вятичи, радимичи, он - знак "пришлости" и некоторой чуждости носителей названия племени с этим суффиксом; радимичи и вятичи, видимо, с основанием считаются в летописи пришельцами "из Ляхов"). Едва ли можно отрицать связь между этим Kriva-:Kriv- и кривичским элементом Вильнюса, очевидно, древнейшим славянским населением города, генетическое родство которого с балтами, возможно, продолжало осознаваться довольно долгое время. Во всяком случае некоторая недовыясненность этнической природы kriv- элемента в Вост. Литве и Латгалии нередко чувствуется в некоторых старых источниках. Также характерно и то, что элемент Kriv-:Kreiv- весьма част в балтийской антропонимии, как и в топонимии. Исключая отдельные примеры типа лит. Krivičiai, Krivaičiai, латг. Krīeviete и т.п. (часть их может оказаться поздними и даже заимствованными), общая картина ясна: граница между Kriv- и Kriv-ic- в топонимии смежного балто-слав. ареала проходит весьма четко, хотя сам ареал ядерного элемента Kriv- непрерывен во всей полосе от Пруссии до территории псковских и смоленских кривичей. В этой связи привлекает к себе внимание еще одна особенность, проявившаяся благодаря Атласу диалектов литовского языка

и диалектным словарям: в ряде случаев прусские слова, не имеющие практически параллелей ни в литературных вариантах лит. или лтш., ни в подавляющем большинстве говоров этих языков, находят себе соответствие в редких диалектных фактах, выстраивающихся в цепочку, идущую из Вост.Пруссии через Литву (иногда захватывая и сев. Белоруссию), с юго-запада на северо-восток, и далее в Латгалию, т.е. практически совпадающая с полосой, образуемой Kriv- элементом.

Но, разумеется, решающие доказательства не просто сев.-зап.-слав., но и балт. типа сев.-кривичского элемента лежат в сфере языковых фактов. Однако прежде чем их оценивать ("сев.-кривичско-балт." сопоставление), необходимо учесть, по меньшей мере, два обстоятельства. Первое - при таком сопоставлении сравниваются поневоле факты двух хронологически разных срезов - более архаичного балт. и более "продвинутого" сев.-кривичского. Величина этого разрыва определяется в терминах языкового времени и измеряется числом шагов-"изменений", на которое ушел от балт. типа слав. сев.-кривичский диалект. Последний в своем развитии ушел так далеко от своего "предка", с которым он, однако, сосуществует в "неязыковом" времени, что многие условия и позиции, сохраняемые в балт., в нем утрачены, и в этих случаях сев.-кривичский выбывает из сравнения: несовпадение с балт. в таких ситуациях не может рассматриваться как значимое и тем более как опровержение исходного тождества (ср. серию изменений, которые привели в сев.-кривичском, как и в других слав. языках, к открытию слога, и отсутствие этих изменений в балт.). Второе - сопоставление балт. с сев.-кривичским должно учитывать

не только генетические основания, но и ареальную специфику с ее интерференционными процессами, накладывающимися на схему "чистых" соотношений. Именно поэтому в определенных случаях важнее общая тенденция развития, действующая вне подобных схем и работающая на том материале, который оказывается под рукой. И, наконец, главное — многие фонетические "сев.-зап.-славизмы" сев.-кривичского диалекта совпадают с соответствующими особенностями балт. диалектов, что делает более чем вероятным единое объяснение общих черт на единой, по сути дела, территории, где слав. и балт. находились (или находятся) в отношении смежности или даже смешанности, языковой чересполосицы. В историческом и стадильном планах балт. элемент претендует на статус исходного и на индуцирующую роль.

Несколько пунктирно обозначенных фонетических "сев.-кривичизмов", отраженных в берестяных грамотах и в совр. диалектах, как эти особенности видятся с балт. точки зрения. — 4. к отсутствию следов 2ой палатализации (ср. къл 'целый', совр. кед-, кеп-, кев-) — в одних случаях балт. факты не входят в игру (ср. пр. kail- , монотонгизация отсутствует; так сказать, "дослав." состояние), в других совпадают с сев.-кривич. (ср. кед- < *кѣд- при лит. skied-: skaid-; кеп- < *кѣр- при лит. skīėpas, skīėpti, лтш. skīėpsna; кев- < *кѣв- при лит. kāivinti, keiva, пр. kaywe и под., но не šėivà!) — как словах, связанных этимологически и принадлежащих к общему б.-слав. фонду, так и — гораздо шире — в независимых случаях (балт. ке-, ки-, ге-, ги- и под.); при этом балт. языки, как и слав., знают и

эффект палатализации в этих условиях (ср. лтш. ciems при лит. kiemas и т.п.); - 2. к отсутствию палатализации kv, gv в тех же условиях (квѣт, гвѣзда и под.; квѣлити, совр. квелить, ср. гверста < *гвѣрста и др.) - ср. балт. сочетания kve-, kvi-, gve-, gvi- и т.п., в частности, и в словах общего корня (лит. kvaili- квѣлити; лит. gveigžti - при girgždėti /!/, лтш. gverkstēt, gvergzdis и т.п.); - 3. к сохранению в сев.-кривич. кѣ, гѣ, как и в зап.-слав., из *tj, *dj - ср. егла - лит. ėglė (но пр. addle), жагло - лтш. dženūgls (инфл. dzanyūglen-) и др., ср. пр. clockis:tlok- и др.; - 4. к смешению сев.-кривич. ц и ч; с' и ш'; з' и ж' - ср. аналогичные явления в говорах лит. и лтш., притом далеко не только в смежных с слав. языками; - 5. к переходу праслав. *tj, *dj в сев.-кривич. к', г' с последующим отвердением (сутрекать, погаты и т.п.) - ср. широкий круг балт. фактов: такой же переход наблюдается в говорах юго-вост. Литвы на "ятвяжском" субстрате (rakėlis < ratėlis, prāgeda < prādeda, mókina < mótina, mak'ic < matyti и т.п.), в лтш. kakis < *katja- и т.д.; в прусск. отмечен целый ряд примеров, где в написании смешиваются с (= к) и т; однако в большинстве случаев это не причуды графики, но результат смешения соответствующих звуков (это же и в лит. говорах, ср. tėlias < kėlias, delazīnis < geležinis и под.); как правило, прусск. примеры отражают т' > к', хотя есть и вторичные эффекты, обязанные гиперкоррекции; ср. и крайне западн. слав. факты - полаб. nūd'ēt < *nogъtъ, vilt'ə < *velik- и др. (кстати, и на востоке такое же явление в обратном варианте отмечено в

балт. заимствованиях: скирд(а), блр. сцрта, укр. скирта из лит. stirta, ср. польск. sterta, стар. styrta); т.обр., совпадение рефлексов *tj, *dj и *k', *g' (в позиции 2ой палатализации) в кривичском имеет аналогию не только в сев.-зап.-слав. (ср. польск. swieca с с <*tj и rzece с с <k), но и в балт. (ср. литовск. говоры, где и *tj, *dj и *k', *g' совпадают в с, dz); - 6. к кривич. *stj и *skj > ш'к' и *zdj и *zgj > ж'г' ср. лтш. *stj и *skj > šk и лтш. *zdj и *zgj > žg' (ср. лтш. riksku <*rikstju. Gen. от rikste или skelt при лит. skelti и т.п.); любопытно, что ильм.-словен. рефлексы этих же сочетаний (ш'ч' / =с'ц' / и ж'дж') также находят соответствия в результатах развития их в ряде говоров Курземе - šo, ždž (riksou, skruždžu и т.п.); - 7. к сев.-кривич. *tʀt > tʀrt и *tʀt > tʀrt (ср. смьрдѣ при смьрдѣ, жълтое при жълтъ) ср. лтш. dzel^ats 'желтый' при dzelts; zirⁱgs, zirags при zirgs; dar^azi при darzi; kur^ape при kurpe и т.п. (не и другие варианты, ср. s^utulps при stulps, из stulbs / ср. стыльпъ при стыльпъ; spalava < spalva; d^araugs < draugs и др.); - 8. к отсутствию -ть в большинстве примеров 3Sg. и Pl. Praes. в сев.-кривич. (живе, възмьльви, почьну и т.п.) ср. подобные же факты во всех балт. языках (ср. пр. giwa, лтш. dzivo, лит. gyvėna, gyvuoja и под.) и др.

Эта предварительная картина нуждается в более конкретных разработках, и здесь на первое место, как кажется, выдвигается кривич.-латг. проблема. Время, когда она была актуальна, - с 2ой пол. Iго тысячел. н.э. в течение многих

веков. Место — одна и та же территория (о ней ниже), в худшем случае и позже — смежные под-ареалы, взаимопроникающие друг в друга и, вероятно, связанные с метисным кривич.-латг. населением. В ряде ситуаций трудно отделаться от впечатления, что кривичи и латгалы выступают как две ипостаси одного и того же этнокультурного (и, может быть, языкового) комплекса или как два сильно "параллелезированных" субъекта истории этого двуединого ареала. В этой перспективе можно ограничиться минимумом. По совокупным данным археологии, истории, этнографии, языка (особенно гидро- и топонимии), латг. ареал распространялся некогда довольно далеко на восток от современных границ. Черты латг. субстрата в говорах Псковщины и смежных территорий указывались и раньше. Количество местных названий латг. типа очень велико (как минимум 200—300; Букш указывает 2000 как число латгализмов вне Латгалии), и они покрывают практически всю основную часть древней кривичской земли — от Пскова до Смоленска и от Полоцка до Ловати и Ильменя. Уже Горшанас в 1913 г. сообщил о русских деревенских жителях псковских деревень, по временам говорящих на латг. (названия этих деревень объяснялись из латг.). Н.В.Волков-Муромцев в своих воспоминаниях, относящихся к началу века, рассказывает о крестьянах Опочецкого у., называвших себя латгалами, но говорящих по-русски, правда, с вкраплением большого количества нерусск. и не-лтш. слов (по данным тогда же проведенных раскопок могильника на соседней Лапиной горе он относился ко времени до VI в. н.э.). Губернские ведомости, статистические отчеты, местная пресса и т.п. во 2ой пол. XIX — нач. XX в. дают

основание говорить о псковских, новгородских, нелюцких и даже смоленских латгалах. Если даже появление латг. элемента в этих местах было в ряде случаев "сезонным", occasionalным, это тяготение к названным центрам, возможно, отражает известную тенденцию к возвращению в "свои" прежние места, где, хотя бы на время, происходит частичное проступание прежнего культурно-исторического и этноязыкового элемента. Исследования Букша (ср. и последнюю статью Кольбушевского, написанную им перед смертью) создадут достаточные предпосылки для дальнейшего изучения исторических судеб латгалов к востоку от Латгалии и приглашают к совокупному рассмотрению кривич.-латг. связей, их истоков и дальнейших переносов.

О СООТНОШЕНИИ СТРУКТУРНОГО И СЕМАНТИЧЕСКОГО
АСПЕКТОВ В ЭТИМОЛОГИИ

Весьма распространенное и достаточно обоснованное убеждение в преимущественной трудности семантической реконструкции в этимологии по сравнению со структурной (формальной) реконструкцией, способствуя концентрации внимания на семантическом анализе и совершенствовании его методов, одновременно несколько вытесняет из поля зрения и разработки органическую связь семантической и структурной реконструкции. Эта связь определяется как изначальным структурно-семантическим единством лексемы, так и взаимообусловленностью её структурных и семантических изменений. Яркими проявлениями этой взаимообусловленности являются деэтимологические и народно-этимологические преобразования слов: структурное преобразование, выражающее новые мотивационные отношения, базируется на обнаружении лексемы, которая и формально близка, и семантически сближаема с лексемой, утратившей этимологическую прозрачность. Например, русск. тенёта > диал. новосиб. тяноты 'сети для ловли мелкого зверя' - ср. тяга 'веревка, за которую вытягивают невод; палка у сети, за которую берутся, выбирая сеть'; баллон 'камера автомашины' > новосиб. болбонь то же - ср. болбонь 'слой древесины между корой и сердцевинной створкой' (Словарь русских говоров Новосибирской области. Под ред. А.И.Федорова. Новосибирск, 1979, с.548, 34-35). В последнем случае формальное отождествление преобразованной лексемы баллон с болонь и

включение значения 'камера автомашины' как переносного в семантику многозначного слова БОЛОНЬ свидетельствует о том, что произошли изменения не только в мотивации слова, но и его значении. Вероятно, этимологическая трудность многих древних лексем объясняется тем, что в их истории имели место подобные сближения и преобразования.

При всей вероятности разной степени изменения первичной формы и первичного значения слова или даже преимущественного изменения формы в одних случаях и значения в других, лишь параллелизм и взаимодействие структурного и семантического анализа позволяют уяснить степень изменения или подтвердить константность формы или значения и определить потребность в реконструкции того или иного плана. Так, для этимологизации русск. звездануть 'сильно ударить', априори соотносимого со звезда, решающим представляется не доказательство возможности развития значения 'сильно ударить' на базе семантики 'звезда' через ступень 'ударить, чтобы искры из глаз посыпались' (Преображенский I, 245; Фасмер II, 86), а уяснение фонологической двусмысленности гласного [и] во втором предударном слоге этого глагола в его устной форме в условиях иканья (возможны фонемы [и] и [э]), так что написание глагола через е может быть следствием вторичного отождествления корня со звезда (тоже [и] в безударном слоге!) при первичности формы *звезда-нуть и родстве со звукоподр. с.-хорв. звизнути 'свистнуть', звизнути 'хватить, ударить', др.-русск. звиздати 'свистеть'.

Важнейшая задача этимологии - совершенствование методов взаимодействия структурной и семантической реконструкции, извлечения семантической информации из структурных данных и

информации о форме, структуре - из семантики лексемы.

Особый интерес для этимологии в этом плане представляют отношения деривации как область пересечения структурных и семантических связей. При всей возможности затемнения первоначальных семантических отношений производящего и производного позднейшими изменениями значений того и другого, именно их структурные и семантические отношения могут быть ключом к этимологизации лексемы - производящей основы. Пример - выяснение происхождения праслав. **prę̑tati*. Относительно этого глагола, несмотря на существование нескольких гипотез, признается отсутствие надежных индоевропейских соответствий и убедительных толкований и вероятность родства с **prę̑tъ* (Фасмер III, 396; Skok III, 36). Примечательно, что из вероятности родства **prę̑tati* и **prę̑tъ* и признания для **prę̑tъ*, как основного, значения 'гибкий побег; материал, годный для обвивания, плетения', был сделан вывод о первичности для **prę̑tati* значения 'обвивать' (Преображенский II, 145), однако Фасмер отметил незафиксированность его для **prę̑tati*. В последующей разработке этимологии **prę̑tati*, предложенной В.А. Меркуловой (Этимология. 1974, 64-71), из сопоставления семантики глаголов в слав. языках реконструируется первичное значение 'рыть, рыться' и предполагается происхождение из гнезда и. -е. **sr(h)er-* 'дергаться, барахтаться'; родство с **prę̑tъ* не упоминается. Представляется, что на фоне словообразовательных связей структурно однотипных глаголов праслав. **krę̑tati* - **krę̑tъ*, **krę̑gnę̑ti* - **krę̑gnę̑tъ* (а последних см. Ж.Ж. Варбоф. - Этимология. 1970, 74) следует считать - с возможностью образования **prę̑tъ* от **prę̑tati*, и

анализ семантики каждой из этих лексем должен учитывать семантику другой. Для *prętatı из всего разнообразия значений, представленных в слав. языках, признак архаичности побуждает выделить как вероятное первичное значение 'разрабатывать новую пашню: корчевать, рубить лес под пашню, жечь вырубленный лес и собирать головни' (термин подсечного земледелия, известный преимущественно в северных и западных русских говорах, но ср. и словац. *oprátka*, морав. *oprát; oprátka* 'участок леса, проданный на сруб' - *Káral* 428, *Kott* УП, 116); из него хорошо объясняются вторичным развитием и все другие значения ('нагрести (пепел)', 'хоронить мертвеца', 'сгрести, собирать, убирать (лен, сено, урожай)', 'сквашивать молоко', 'разгрести, разрывать', 'приводить в порядок', 'прятать', 'одеваться' и т.п.). Сопоставление с семантикой *pręť поддерживает эту реконструкцию первичного значения *prętatı: ср. 'разрабатывать новую пашню' (= очищать от леса!) - 'прут', и одновременно акцентирует в семантике *pręť аспект не гибкости, а очищенности, обрубленности, особенно явный в русском языке; в отличие от ветки, прут лишен листьев, это голая ветка (Ушаков 3, 1051; Даль² III, 529), обычно - и сорванная ветка. В результате обратной проекции семантики *pręť 'очищенная, обрубленная ветка' на *prętatı как производящую основу, из синкретического значения 'разрабатывать новую пашню: корчевать, рубить лес, жечь вырубленный лес и собирать головни' в качестве доминирующего элемента выделяется значение 'корчевать, рубить' (= 'вырывать, обрывать'). Это позволяет предполагать, что, подобно происхождению праслав. *křęgnęti и *křętatı как расширенных и назализованных

основ из гнезда и.-э. *(s)ker- 'сгибать', праслав. *pretati восходит к и.-э. *(s)per- 'рвать' (русск. пороть, лит. spūrti 'обтрепываться', арм. pērt 'оторванный кусок', греч. σπασσ 'разрывать', др.-сканд. spjǫtt 'лоскут', см. В.М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков II, 100-101: ностр. p̄ar' /a/ 'рвать, ломать, расщеплять'). Ср. свидетельства земледельческой, пахотной семантики в слав. продолжениях этого гнезда: русск. лемеж землю порет, смол. прать лядо, с.-хорв. prlj 'род рала', возможно - и русск. пар 'паровое поле' (Ж.Ж.Варбот, - Этимология. 1977, 21-28).

Очень существенны для этимологии факты однотипности словообразовательной структуры синонимов: ср. праслав. *rušajь - укр. течій; русск. падеж скота - иркут. валёж 'падеж скота, птиц'. Подобная лексико-семантическая специализация словообразовательных моделей может быть следствием образования более поздних лексем по аналогии со структурой старых синонимов и является опорой для реконструкции при этимологизации древних образований. Например, синонимами праслав. названия крапивы, формальная реконструкция которого вызывает разногласия (*kopriva или *kropiva ?), являются с.-хорв. диал. užjāvica (Susak), польск. żegawka, кашуб. pāṛava. Образование этих синонимов с тем же суффиксом, что и праслав. название, может быть свидетельством позднейшего воспроизведения словообразовательной модели праслав. слова, но в таком случае вероятно, что воспроизводилась и первичная мотивация, которая, судя по производящим основам поздних лексем - глаголам с семантикой 'жечь, обжигать', реконструируется как 'обжигающая'. Следовательно, наиболее вероятна реконструк-

ция *kropiva - как производное от *kropiti 'окроплять (кпятком), обваривать' (ср. русск. арханг. кропить 'обжигать, мечь (о крапиве)', если только это не результат влияния семантики имени на глагол).

Е. Н. О в ч и н н и к о в а

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ В СЛАВЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

1. В слав. языках широко распространены лексемы, образованные от корней *gledati, gledĕti с осн. знач. 'смотреть'. В словц. языке два глагола: h'adiet' 'смотреть' и h'adat' 'искать'. Глаголы, аналогичные h'adat' известны лишь чеш.яз. и ряду укр. диалектов.

2. Подобная география распространения известна для целого круга слав.лексем. Через призму карпатоукраинских диалектов эта проблема рассматривается И.А. Дзендзелевоким.

3. Новые данные для исследований в этой области дает ОКДА. Мы прослеживаем географию распространения h'adat' в карпатском регионе, отмечая употребление аналогичных лексем также в некоторых польск. и словен. говорах. Полагаем, что это результат общих процессов развития, а не заимствования.

4. Рассмотрение в свете данных ОКДА лексем, распространенных в зап.-слав. и крпатоукр. диалектах, представляется плодотворным и позволит расширить представление о географии их употребления, выявить общие закономерности и изоглоссы.

СЛАВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАРПАТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Карпатское языкознание, как особая лингвистическая дисциплина, зародилось в недрах славистики и вплоть до создания Карпатского диалектологического атласа (1967 г.) продолжало развиваться в ее рамках. Импульсом данного научного направления явилось стремление выявить и объяснить карпатоукраинско-южнославянские схождения в области лексики и семантики — задача вполне в русле традиционных славистических штудий.

На следующем этапе своего развития, связанном с созданием Общекарпатского диалектологического атласа, карпатское языкознание расширило область своей компетенции и, подобно другим аналогичным отраслям языковедения (средиземноморскому, балканскому, кавказскому), построенным по территориальному (ареальному) принципу, сделало предметом своего исследования лингвистическую общность, сложившуюся в результате перекрестных разнохронологических взаимодействий родственных и неродственных языков и диалектов. В контактную зону карпатского лингвистического пространства, неомогенного генетически и системно, на синхронном уровне входят: диалекты близкородственных славянских языков (польского, чешского, словацкого, украинского), отдаленно родственных языков на уровне индоевропейских подсемей (румынский) и, наконец, диалекты венгерского языка, принадлежащего иной языковой семье. Исторически в карпатскую область включаются и южнославянские языки, история которых связана с более или менее длительным пребыванием предков южных славян в районе Карпат и близлежащих тер-

риторий. Сюда же могут быть отнесены и так называемые "дако-славянский" и "паннонославянский" диалекты, ассимилированные румынским и венгерским языками. Все перечисленные языки появились в карпатской контактной зоне не одновременно, пройдя совершенно особый путь развития в процессе своего генезиса, и вступили в перекрестные отношения на различных хронологических срезах.

При этом необходимо подчеркнуть, что несмотря на всю гетерогенность лексических единиц, образующих многомерное карпатское лингвистическое пространство, карпатистика в целом имеет четко выраженную славистическую направленность, так как всё разнообразие интерференционных процессов в этом ареале исследуется прежде всего по отношению к славянским языкам и диалектам, будь то взаимодействие славянских языков и диалектов между собой (от позднепраславянского состояния до современности) или их взаимодействие с неславянскими языками. Сказанное находит подтверждение при анализе Вопросника ОКДА (М., 1981) и его первых двух выпусков (М., 1988 и К., 1989).

К ИЗОГЛОСНЫМ СВЯЗЯМ ПРАСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ
КАРПАТСКОГО АРЕАЛА

Как известно, специфика праславянской лексики карпатского ареала — т.е. изоглоссы, охватывающих, как минимум, карпатские украинские говоры и южнославянские языки при исключении возможности заимствования, — была показана В.М.Иллич-Свитычем (1960) как инновационная специфика семантики на примере географической терминологии, в состав которой вошел новый "горный" пласт. Однако лингвистическое значение этого наблюдения ограничено тем, что в условиях нового для славян контакта с горными массивами Карпат естественно ожидать приспособления имеющихся славянских наименований к экзотическим реалиям, ср. возникшие противопоставления типа метафорического карп.-слав. *bъrdo 'горная вершина' на фоне общеслав. *bъrdo 'часть ткацкого стана'. В этом плане горную терминологию можно уподобить этнографической лексике (ср. карпатскую специфику слав. *kŕtja, *gatji, *gun'a и под.; здесь и далее используется словник "Карпатского ареально-этимологического словаря. Праславянский компонент", составленный Л.А.Гиндиным и И.А.Калужской — с дополнениями автора этой заметки — на основе вопросника КДА; фрагменты словника опубликованы в Гиндин, Калужская 1991): встречающиеся изоглоссы отражают особенности значения, вторичные от особенностей среды обитания. Заметим также, что пред-

положение Иллич-Свигица о достаточно длительном пребывании предков южных славян в районе Карпат как о необходимом условии прочного закрепления новой горной терминологии в их языке можно прокомментировать так, что при расселении на Балканском полуострове славяне продолжали оставаться в условиях горного рельефа, и это поддержало семантику соответствующих терминов.

Для установления определенной изолированности праславянской карпатской лексики в славянском мире более доказательными представляются слова, связанные с общераспространенными реалиями, т.е. сопоставимые с лексикой иных славянских ареалов. Инновационная словообразовательная и семантическая природа подобных карпатских слов рассматривается в статье Гиндин, Калужская 1991.

В то же время едва ли не бóльшую ценность представляет пласт карпатской лексики, образуемый праславянскими архаизмами. Это, в частности, слова, словообразование и семантика которых позволяет устанавливать генетические связи с неславянскими языками, в том числе связи изоглоссного типа. Напр., отдельные изоглоссы с германским образуют карп.-слав. *borъ в значении 'сосна' в отличие от производного значения 'лес' в других славянских ареалах; *bergъ 'холм, гора', ср. вторичную семантику 'берег'; *stěna 'скала' при производности значения 'стена'; балто-германские соответствия отмечаются для карп.-слав. *lěviti 'отпускать, ослабевать', *drōgъ 'веретено', *drōgati 'сучить нитку' (ср. Stang 1972: 15, 55, 32, 19; Trautmann 1923: 30).

Для ряда карпато-славянских слов представлены изоглоссы с

балтийским. Ср., напр., семантическую параллель карп.-слав. *gъpa в значении 'нарост, опухоль; гриб': лит. gūšvas 'нарост' и др. (Trautmann 1923: 101; Sławski 1970: 502) при вторичности значения 'губа', отмечаемом в славянских диалектах за пределами карпатского региона (ЭССЯ 7: 78-79). Словообразовательную инновацию образуют слав. *къръ > *къръсь 'вид обуви': лит. kūrė 'ботинок' и др. (Sławski 1970: 504) < и.-е. *kъr- с -r- суффиксальным (Топоров 1984: 332, ср. ЭССЯ 13: 240, 237-238).

Подробнее рассмотрим словообразовательную параллель с балтийским, обнаруживаемую для карп.-слав. *klebeta > *klebetati и вар.: ср. укр. клебета 'клевета' (КДА, № 362), клебетуха 'клеветница' (Онышкевич 1972: 336), пол. klebotka 'колокольчик на шее скотины', klebotać 'мутить воду' (Karłowicz 1901: 363), rozklebotać się 'разболтаться, расшататься' (SJP I: 629), словац. klebeta 'клевета' (SSJ I: 699), чеш. klebetati 'клеветать' (PSJČ II: 124), klebtati 'бить' (Gebauer 1916: 43), klebet'ňik 'клеветник; вид корзины, коробка для картошки' (Vydra 1923: 105), с.-хорв. klebětati 'махать крыльями (о ястребе)', klebětati se '(отвратительно) смеяться, щериться' (РСА 9: 563), сюда же, очевидно, словен. ĩklebetáti 'издавать короткие отрывистые звуки, ударяя одним предметом о другой' (SSKJ IV: 1076). Формы вроде словац. klebeta трактуются в ЭССЯ (10: 14) как фонетические варианты *kleveta. Учитывая, однако, отсутствие в славянском меню b/v в интервокальной позиции, а также значения польских и сербохорватских соответствий слова, к тому же расширяющих его географический ареал, можно думать о самостоятельной лексеме *klebeta. Это подтверждается и гла-

голами с иносуффиксальным оформлением: чеш. *klebeš'yš'* = *klebetiti* 'клеветать' (Lamprecht 1963: 59), *klebūnat* = *klebetiti* то же (Vartoš 1906: 144; аналогичные образования с **klev-* отсутствуют). Можно предположить, что *klebeta – производное от некоторого *klebti, незасвидетельствованного в славянском. В то же время соответствующий глагол сохранился в лит. *klėbti*, *klebū* 'шататься, расхлябываться' (LKJ VI:22), лтш. *klabēt* 'колотить (в дверь)' (Mūlenbachs – Endzelīns 1923: 607). (Семья балтийских слов рассматривается как ономотопеическая, коштаминирующая, с одной стороны, с гнездом лит. *kalbà* 'язык', а с другой – лит. *klības* 'шаткий, валкий': Fraenkel 1955-1965: 266, 262; 267-268).

Семантика слав. *klebeta легко объясняется значением глагола: развитие 'шатать, гнуть' > 'клеветать и под.' представлено, напр., с.-хорв. *крѣвити* 'делать кривым; хромать; гримасничать; обвинять' (РСА 10: 531-533; РЈА V: 571-572). Как объект действия 'гнуть' можно осмыслить чеш. *klebet'ňík* 'вид корзины'.

Слав. *klebeta и производные находят словообразовательные соответствия в лит. *klebėtas* 'щеколда; расхлябанная вещь', *klebėti*, *klebū* 'хлябать, шататься' (Юшкевич 1922: 150). Эта параллель тем более заслуживает внимания, что в славянском, как и в балтийском, суффикс *-et- сравнительно малопродуктивен (Otrębski 1965: 249; Sławski 1974: 53).

Примером изоглосных связей иного рода может служить слав. *мѣрха / *мѣрха, *мѣрѣа / *мѣрѣа 'кляча; падаль' < слав. *мѣрсти / *мѣрсти (откуда *мѣрсити > *мѣрхити > *мѣршити, ср. также *мѣрхати) со значением, близким 'тереть', ср. ср.-в.-

нем. *zerstören* 'мять, давить', др.-инд. *ṛṣ - ṛṣā* как 'растирать'. Как славянские глаголы, так и производные имена распространены исключительно в карпатском ареале (подробнее см. Осипова 1991).

Наблюдения показывают, что из четырехсот с лишним позиций праславянского словника к Карпатскому словарю несколько десятков слов представляют собой, в отличие от инноваций периода Карпатской миграции, архаичные лексемы с изоглоссными индоевропейскими связями. Как и внутриславянские лексические изоглоссы, это свидетельствует в пользу понимания карпатской зоны как достаточно замкнутого лексического ареала.

Литература

- Гиндин, Калужская 1991 = Гиндин Л.А., Калужская И.А. Реконструкция карпатского ареального компонента позднепраславянского лексического фонда // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. М., 1991.
- Иллич-Свитыч 1960 = Иллич-Свитыч В.М. Лексический комментарий к карпатской миграции славян // Известия ОЛЯ, 1960. Т. XIX, №3.
- КДА = Программа собрания материалов для "Карпатского диалектологического атласа". М., 1964.
- Онышкевич 1972 = Онышкевич М.О. Словарь бойковского диалекта (буква "К") // Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972.
- Осипова 1991 = Осипова М.А. Слав. *mygka, *mygъa < слав. *mygъ // Этимология. 1988-1989. М., 1991.
- РСА = Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1959-1984-. Књ. I-II-.
- Топоров 1984 = Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь. К-Л. М., 1984.
- ЭССЯ = Этимологический словарь славянских языков (Под ред. О. Н. Трубачева). М., 1974-1990-. Вып. I-IV-.
- Юшкевич 1922 = Юшкевич А. Литовский словарь. Пг., 1922. Т. III.
- Bartoš 1906 = Bartoš F. Dialektický slovník moravský. Pr., 1906.
- Fraenkel 1955-1965 = Fraenkel L.E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1955-1965.

- Gebauer 1916 = Gebauer J. Slovník staročeský. Pr., 1916. D. II.
- Karłowicz 1901 = Karłowicz J. Słownik gwar polskich. Kraków, 1901. T. 5.
- Lamprecht 1963 = Lamprecht A. Slovník středoopavského nářečí. Ostrava, 1963.
- LKZ = Lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1941-1976. T. I-X.
- Mūlenbachs - Endzelīns 1923 = Mūlenbachs K. Latviešu vālodas vārdnīca. Red. J. Endzelīns. Rīgā, 1923. Sej. I.
- Otrębski 1965 = Otrębski J. Gramatyka języka litewskiego: Nauka o budowie wyrazów. W-wa, 1965. T. II.
- PSJČ = Příruční slovník jazyka českého. Pr., 1935-1957. D. I-VIII.
- RJA = Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880-1976. Sv. I-XXXIII.
- SJP = Słownik języka polskiego. W-wa etc., 1952-1953.
- Sławski 1970 = Sławski F. Lexikalische Neurungen im Baltisch-Slavischen // Donum Balticum: To Professor Chr. S. Stang on the occasion of his seventieth birthday. Stockholm, 1970.
- Sławski 1974 = Sławski F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański. Wrocław etc., 1974. T. 1.
- SSJ = Slovník slovenského jazyka. Bratislava, 1959-1968. D. 1-6.
- SSKJ = Slovar slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1970-1985. Knj. I-IV.
- Stang 1972 = Stang Chr. S. Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischem, Baltischen und Germanischen. Oslo etc., 1972.
- Trautmann 1923 = Trautmann R. Baltisch-slavischen Wörterbuch. Göttingen, 1923.
- Vydra 1923 = Vydra B. Popis a rozbor nářečí hornoblanického. Pr., 1923.

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЛЕКСИКОЙ НОВОБОЛГАРСКИХ ДАМАСКИНОВ

1. В болгаристике накоплен ценный опыт систематического исследования дамаскинов, написанных на книжном языке на народной основе (=КЯНО). Это прежде всего монографии Е.И. Деминой, посвященные Тихонравовскому дамаскину XVI в. (=Тх), которые, по существу, являются программой дальнейших лингво-текстологических исследований всего корпуса памятников указанного жанра. Заметное место в труде Е.И. Деминой занимает рассмотрение проблем словарного состава Тх (т. III), — главным образом, в плане локализации самой рукописи. Замечания об особенностях лексики находим и в главах, содержащих сопоставление некоторых текстов Тх и других дамаскинов (т. I). Лексическую проблематику затрагивают в той или иной степени и ученые, исследовавшие различные дамаскины новоболгарских типов (=нбт).

2. Первый этап изучения различных уровней языка того или иного дамаскина, в том числе его лексики, состоит в каталогизировании и классификации (с учетом текстологической структуры каждого памятника) в с е х зафиксированных в нем лингвистических фактов. Следующий этап изучения языка дамаскинов связан с обращением к сравнительно-сопоставительным студиям — путем привлечения возможно большего числа болгарских версий "Сокровища" Дамаскина Студита. Эта чрезвычайно трудоемкая работа (которая, несомненно, потребует компьютеризации) позволит в дальнейшем решать кардинальные вопросы становления и развития КЯНО, — такие, например, как соотношение языка дамаскинов нбт, с одной стороны, и дамаскинов, написанных на церковнославянском языке

(болгаро-сербская редакция), - с другой (и, следовательно, динамическое соотношение традиционных и инновационных элементов в деятельности болгарских книжников), изменения в КЯНО - за счет его «демократизации» (в частности, - проникновения "народных" ["диалектных"] черт) и др. Сравнение большого количества списков разных дамаскинов нбт позволяет изучать и направления стилистических (и - тем самым - литературно-художественных) поисков создателей дамаскинов.

3. В сообщении на примере сопоставления одного фрагмента (о царе Дарии и пророке Данииле) в Статье об архангелах Михаиле и Гаврииле в дамаскинах I нбт (Тх, Троянский [=Тр], Копривщенский [=К]) и IУ нбт (Свиштовский [=С]) анализируются общие и варьирующиеся черты (=признаки) данного текста и предлагаются возможные их интерпретации. В Тх, Тр этот фрагмент находится в статье № 11, в К - № 5, в С - № 10.

4. Параллельное чтение текста, воспроизведенного ниже, выявляет несколько видов расхождений (=вариантов) между дамаскинами прежде всего I нбт и IУ нбт. Эти различия у с о в н о можно трактовать следующим образом.

а. «демократизация» текста (=возрастание "народного" пласта лексики) - скръбъ : грижа, м : четиридесет, стѣето (на трап) : уста́та (~) (при общем для четырех дамаскинов стата «пасть [льва]»), кнѣсове : господарѣ, рѡвьтъ//трапъ : трапъ, загради//затвори : затвори (жа); ср. также приди (приди) (Тх, К) : елá (илá) (Тр, С).

б. «отражение диалектных различий» - мнѡго любеше : тврѣдъ любеше (при общем для четырех дамаскинов мнѡго скръбъ : мнѡго грижа, тврѣдъ зарад[ъ]ва), сега : сеги, прѣзъ (...ночь) : у

Тх: ... Да| сторишь повелѣнѣ по| сич' ко| твоѣ цар' ство. Да| не| пой-
ше никои нѣчто| никому, за, м, дни. ни ѿ | ба нѣчто да| йше, || ни ѿ |
чка. ако| ли| се нѣкои найде да| не| послуша| твоѣ повелѣнѣ. да| се
тѣри оу| трапъ при| лѣво| вете да| го извѣдѣть. И| послуша| ты дарѣ
цар' и| написа таквѣзи повелѣнѣ. А| прѣкъ данѣиль| имаше ѿбычаи,
три пѣты днѣска да| се, || покланѣа бѣ, и| като| сѣ имаше ѿбычаи па||-
де на колѣно оу| ѿн' зи днѣ и| поклонѣ| се бѣ| своѣму .и| ѿнѣа зави-
дниците, пригледѣа го, и| видѣха данѣила че| сѣ мли бѣ .и| ѿидоше
и| рекоше царю .нѣли| сѣ| сѣ поставилъ ты царю|| повелѣнѣ. никои за
м, дни. да| не| пойше нѣчто ни ѿ | ба. ни ѿ | чка. приидѣ сегѣ сам' сѣ
и| виждѣ|| данѣила как' сѣ покланѣава бѣ .и| йше нѣчто|| ѿ | него. Тогази
царѣ катѣ чю за данѣила|| ѿскрѣби се тврѣдѣ. ѿти зашѣ| го много лю-
|| бѣше .и| не| щѣше да| го тѣри оу| ѿн' зи трапъ|| при лѣвовете и| ѿнѣа
кнѣзове пойдѣха и| реко|| ха царю .нѣ| е поббно тебе царю да| см раз-
ва|| лишъ повелѣнѣето что| сѣ повѣльль. И| царю| вѣме не| има что да|
стори, а| ми повелѣ и| приведохѣ данѣила, и| тѣриха| го | ѿн' зи трапъ
при| лѣвовете .и| донѣсоха камѣкъ голѣмъ, || и| ѿстѣвихѣ| го| на| ѣстѣето
на| ѿн' зи трапъ. || и| запечатѣихѣ със' || печатѣ цар' скии ѿн' зи трапъ.
и| сѣбѣ|| ѿстѣви своѣ прѣстенѣ и| запечатѣихѣ да| не| бѣ нѣчто было да
бѣ извѣдѣнъ былъ. И| царѣ ѿ | много скрѣбѣ не| вѣрѣ, ни заспа прѣз'
ѿнѣзи нощь. И| гѣ пѣсти архѣгла михѣила|| и| затвори ѣста| на| лѣвове-
те .и| прѣбѣ да| нѣиль | ѿн' зи трапъ непочѣкнѣтъ ѿ | ѿнѣа || свѣрѣве
И| наѣтрѣ станѣ царѣ наѣлно със' || ѿнѣа кнѣзове .и| ѿидоха на | ѿн'-
зи трапъ|| гдѣето бѣхѣ лѣвовете .и| повѣка царѣ ѿда|| мѣче .жив' | ли| сѣ
данѣиле дрѣже мой .и| данѣиль || чю из' вѣтрѣ и| ре . да| сѣ| живѣ царю
до| вѣха . || гѣ бѣ пѣсти архѣгла своѣго и| загради ѣста|| лѣво .и| живѣ |
съм досѣга .и| зарѣдѣва| се царѣ тогази тврѣдѣ .и|| повелѣ и| извѣ-
дѣха да| ила || ѿ | рѣвьтъ :

(... нощь). Ср. и варианты с иным распределением между данными
дамаскинами - тогази (Тх, К) : тогѣва (Тр) : тогѣзи (С). Впрочем,
эта группа различий может рассматриваться внутри первой, если
понимать под "демократизацией" и смену диалектной базы протого-
рафа в процессе создания более поздних списков.

в. «семантический сдвиг» в той или иной лексеме - повелѣнѣ

Тр: ...Да стóришь повелѣнїе ꙗко сичко твоѣ царство. Да не по-
 ѡйше нїкой нѣшо нїкому ꙗзъ дѣнїи ни ѡт б(ог)а ни ѡт чл(овѣ)-
 ка. Ако ли се нѣкой найде да не послуша твоѣ повелѣнїе: да се ту-
 рѣ трапѣ при лѣвовѣте да го извѣдѣтъ. И послуша ги дарѣе царь
 | И написа такова повелѣнїе. А прор(оукъ) данїила ꙗмаше обычай, па-
 де на колѣно оу бнзи дѣнѣм и поклонїи се б(ог)у своему . и ѡнїа
 завїднїи прегрѣлаха го, и видѣха да нїила че съ м(ол)и б(ог)у:
 и ѡтїдоше, и рѣкоше царь : нѣ ли сї поставїи ты царь повелѣнїе
 нїкой ꙗзъ дѣнїи, да не поїше нѣшо нї ѡт б(ог)а нї ѡт чл(овѣ)-
 ка. елѣ сегѣ сам' сї и вїжлѣ данїила как' се поклонѣ б(ог)у, и ище
 нѣчто ѡт него. Тогїва царь като чю за данїила, оскрѣби се тврѣ-
 дѣ: защо го много любѣше, и не щѣше да го турї оу она трапѣ
 при лѣвовѣте. И ѡнїа кнѣзѣ ве ѡтїдоха и рѣкоха, царь нѣ е подб-
 оно тебѣ да сї развалишь повелѣнїето что сї повелѣлъ. И царь
 векъ не можа що да стóри, ами повелѣ и доведоха данїїла, и тѣ-
 рїха го оу она трапѣ при лѣвовѣте. и лонѣсоха камїкъ голѣмъ
 оставїаха го прѣдїна оустїето на она трапѣ, и запечѣтиха съ сї
 царьски печѣть трапоть и сѣкъ оставїи свої прѣстѣнь и запечѣти-
 ха, да не бѣ нѣшо было ꙗко бѣ извѣдѣнъ былъ и царь ꙗ много скрѣбѣ
 | не в(е)чѣра нї заспа прѣзь тѣа ноцѣ. И г(оспод)ь пїстї арх(а)-
 гг(е)ла мїхаїла: и затвори оустїата на лѣвовѣте. И прѣбѣ данї-
 иль оу бнзи трапѣ непочѣкнѣтъ ѡт лѣвовѣте. И на оутрѣ станѣ
 царь на едно съ ѡнїа кнѣзѣ ве, и ѡтїдоха на она трапѣ гдѣто
 бѣха лѣвовѣте, и повїка царь ѡтдалече: живѣ ли сї данїїле
 дрѣже мой, и данїиль чю извѣтрѣ, и реч(е): да сї живѣ царь довѣ-
 ка. г(оспод)ь б(ог)ъ пїстї агг(е)ла своего, и загради оустїа лѣ-
 вѣм и живѣ съм досѣга. И зарадува се царь тогїва тврѣдѣ. И
 повелѣ и извадїа данїїла ѡт рѡвьтъ.

поставїи : законь стóриль (при обычном законь бжїи, за конь
хвѣ, также законь монастыр'ски и под. - Тх и др.); в изучае -
 мом фрагменте во всех дамаскинах: повелѣнїе написа (не послѣ-
 ша, развалишь, стóришь).

г. «стилистическое» (с целью достижения большей выразительно -
 сти, экспрессии) редактирование текста протографа - тѣрїха (ка-

К: ... да сторишь повелѣнїе по сич'ко твоє црѣтво да не поїше
 нїкой нѣчто нїкомъ за мѣ дни нї ѿ ба нѣчто да ише нї ѿ члїка,
 ако ли се нѣкой найдѣ да не послуша твоє повелѣнїе, да се тѣри
 оу трапѣ при лѣвовете да го извѣдуть, и послуша гы дѣрїе црѣ и
 написа так' возы повелѣнїе. А прѣркѣ данїл' имаше обычаи трѣ пѣ-
 ты днєска да се покланѣ бѣ и като си имаше обычаи падѣ на колѣ-
 ноу он'зы днє и поклонї се бѣ своемѣ, и онїа завїдницїте прїглѣ-
 даха го и видѣха данїила че съ мли бѣ и ѿидоше и рєкоше црѣ.
 нѣли сї си поставилъ тѣ црѣ повелѣнїе нїкой, за мѣ дни да не по-
 їше нѣчто нї ѿ ба, нї ѿ члїка. прїди сегѣ сам' си и вїжѣ дѣ
 данїила как' се покланѣва бѣ и ише нѣчто ѿ него. тогѣзи црѣ като чо за
 данїила оскрѣбї се тврѣдѣ, отѣ зачо го много лѣбєше. и не щѣше
 да го тѣри он'зы трапѣ при лѣвовете и онїа кнѣзовє поїдоха и
 рєкоха црѣ. нѣ е по лѣбно тебѣ царѣ да си развалишь повелѣнїето
 что сї повѣлѣлъ и црѣ вѣкє не има что да стори, ами повелѣ и
 прївѣдоха данїила и тѣриха го он'зы трапѣ при лѣво вєтє. и до-
 нєсоха камикъ голѣмъ и оставїха на встѣето на он'зы трапѣ и за-
 печѣтиха съ печатъ црѣкѣи он'зы трапѣ. и сѣкы оставї свой прѣ-
 стєнь и запечѣтиха да не бы нѣчто было да бы извѣдєнъ былъ. И
 црѣ ѿ много скрѣбѣ не вѣрѣрї нї заспѣ прѣзѣ он'зы ноцѣ. И гѣ пѣ-
 сты архїггла мїхаїла и затвѣри встѣта на лѣвовете и прѣбѣ данї-
 илѣ он'зы трапѣ непочѣкнѣтъ ѿ онїа свѣровє и на втрѣ стѣнѣ
 црѣ наєдно съ онїа кнѣзовѣ и ѿїдоха на он'зы трапѣ гдѣто бѣ-
 хѣ лѣвовете и повїка црѣ ѿ далѣче. живѣ ли си данїїлє, друже мой
 и данїїлѣ чо извѣтрѣ и рѣ. да си живѣ црѣ до вѣка. гѣ бѣ пѣсти
 агггла своєго и заградї встѣ лѣвом. и живѣ съ до сѣгѣ. И зарѣдѣ-
 ва се црѣ тогѣзы тврѣдѣ и повелѣ и извѣдїха данїила ѿ рѣвѣтъ.

микъ) . : фѣрлїха ~; этого же типа, вероятно, варианты свѣровє (Тх,
 К) : лѣвовете (Тр) : лѣвовы и свѣровы дївы (С).

5. Сопоставительный анализ лексико-семантических явлений и
 соответствующие выводы должны базироваться на тщательном уче-
 те данных текста дамаскинов, написанных на церковнославянском
 языке.

С: ... Да сторишь повелѣние на царството си, да ни поише никой никому нищо за четиридесет динѣ нити от бога нѣщо да ише нити от чловѣка. Ако ли са нѣкой намери да ни послуша твоето повелѣние, да са турѣ у трапотъ при лѣвовыте да го изядѣтъ. И послуша ты царь и написа таквѣзы повелѣние. А пророкъ Данѣиль имаше обичий три пъте днеска да се покланѣ богу. И катѣ имаше, падна на коленѣте си на тѣзы дѣнь и помоли са богу своему. И онѣзы завѣстници видѣха го, катѣ са моли богу, отидоха и рекоха царю: не ли си сторишь законъ ты, никой да не поише нищо нити от царь нити от чловѣка за четиридесет динѣ. ила сеги да видишь Данѣила, какъ са покланя богу и ише нѣщо от него. Тогиши царь, катѣ чю заради Данѣила оскрѣби са тврѣдѣ, боти зашѣ го тврѣдѣ любемѣ и не щѣши негу да го фрѣли у онѣзы трапъ при лѣвовыте. И онѣзы господарѣ утидоха (с)и рекоха царю: нѣ е подобно тебѣ та си развалишь повелѣнието, щото си сторишь. И царь векѣ нема шо да стори, ами повелѣ и заведоха Данѣила и фрѣлиха го у онѣзы трапъ при лѣвовыте. И донсоха камикъ голѣмъ и турѣха го на устѣта на онѣзы трапъ и запечѣтиха го със царскѣ печатѣ и сичкѣ господарѣ удабѣха тѣхни прѣстинѣ и запечѣтиха тврѣдѣ, да ни бы нѣщо станало, да дѣйде нѣкой да извади Данѣила от трапутъ. И царь от много грижа ни вечерѣ нитѣ заспа у тѣзы нощѣ. И господь провѣди архангѣла Михаилѣ у тѣзы часѣ и затвори устѣта лѣвовы. И бы Данѣиль непочѣкнать от онѣзы лѣвовы и свѣровы дивы. И на утрѣ станѣ царь и повѣка онѣзы завѣстници господарѣ та утиди на едно със тѣхъ на онѣзы трапъ, лѣто бѣха лѣвовыте. И повѣка царь от далѣчь Данѣила: Данѣиле, друже мой, живѣ ли си? И Данѣила чю от трапотъ, и рѣчи царютому, да си живѣ царю до вѣка. Господь имѣи и богъ мой провѣди ангѣла своего и затвори устѣта лѣвовы, и живѣ самъ до сега, царю. И катѣ чю царь, зарадва се тврѣдѣ и повелѣ да извадиха Данѣила от трапотъ.

СИСТЕМА ЭНКЛИТИК В СЕРБСКИХ ГРАМОТАХ XIV - начала XV в.

О. Как известно, сербохорватский язык относится к группе славянских языков, для которых сохраняет актуальность т.н. закон Вакернагеля, согласно которому энклитики, относящиеся к группе сказуемого, стремятся занять место в первой тактовой группе предложения. В синтаксическом поведении энклитик представляет интерес не только их место в предложении, но и внутренняя организация энклитической системы. Такая организация непосредственно проявляется в предложениях с несколькими энклитиками, синтаксически или морфологически связанными с одним глаголом: стремясь к началу предложения, они образуют единый блок, причем порядок энклитик в блоке четко определен.

1. Сербские грамоты XIV - начала XV в. показывают одну из завершающих стадий развития современной сербской энклитической системы; в это время уже образовалось большинство современных энклитических форм штокавского диалекта. Принципиальное отличие от современной системы обнаруживается лишь в отношении порядка энклитик в блоке ("старый" порядок: местоименные энклитики в перфекте и в буд. вр. предшествуют глагольным).

Для языка, представленного в грамотах XIV - первой половины XV в., зафиксированы следующие энклитические формы (в скобках приводятся соответствующие полные (ударные) формы):

Местоименные энклитики

Лицо	Падеж	Ед. ч.		Мн. ч.
1	Дат.	ми (<i>миѣ</i>)		нам* (<i>нам</i>)
	Вин.	ме (<i>мене</i>)		нас* (<i>нас</i>)
2	Дат.	ти (<i>тебѣ, теби</i>)		ви (<i>вам*</i> (<i>вам</i>))
	Вин.	те (<i>тебе</i>)		вас* (<i>вас</i>)
3	Дат.	Муж. и ср. р.	Жен. р.	им (<i>им</i>) је, их (<i>их</i>)
	Вин.	му (<i>њему</i>)	јој (<i>њој</i>)	
		га, њ (<i>њога</i>)	ју (<i>њу</i>)	
Возвр. мест.	Дат.	си (<i>себѣ</i>)		-

Формы, отмеченные (*), являются новыми и употребляются нерегулярно.

Глагольные энклитики

Форма	Лицо	Ед. ч.	Мн. ч.
Наст. вр. глагола <i>бити</i> (в перфекте)	1	<i>сам (јесам)</i>	<i>смо (јесмо)</i>
	2	<i>си (јеси)</i>	<i>сте (јесте)</i>
	3	<i>је, јест (јест, је)</i>	<i>су (јесу)</i>
Аорист глагола <i>бити</i> (в сослаг. накл.)	1	<i>бих (бих)</i>	<i>бисмо (бисмо)</i>
	2	<i>би (би)</i>	<i>бисте (бисте)</i>
	3	<i>би (би)</i>	<i>би (би)</i>
Наст. вр. глагола <i>штети</i> (в буд. вр.)	1	<i>ћу (хоћу)</i>	<i>ћемо (хоћемо)</i>
	2	<i>ћеш (хоћеш)</i>	<i>ћете (хоћете)</i>
	3	<i>ће (хоће)</i>	<i>ће (хоће)</i>

Частицы: *ли*; возвр. *се*.

Современная система энклитик отличается от системы грамот наличием местоименных энклитик род. п. (*ме, те, га, је, нас, вас, ит.*), а также формы 3 л. жен. р. вин. п. *је* (наряду с *ју*), отсутствием старых форм мн.ч. *ни, ви, је* (3 л. вин.п. мн.ч.) и неупотреблением в энклитической позиции полной формы 3 л. ед.ч. наст. вр. глагола *бити* (*јест*).

2. Строгий порядок энклитик в блоке позволяет установить следующую иерархию внутри современной системы: 1. *ли*; 2. глагольные энклитики, кроме *је*; 3. местоименные энклитики род. п.; 4. местоим. дат. п.; 5. местоим. вин. п.; 6. возвр. *се*; 7. глаг. *је*. В блоке энклитика младшего "ранга" всегда предшествует энклитике старшего.

Для древнесербского языка основным принципом, определяющим порядок энклитик в блоке, считается их распределение по времени формирования, а именно – более старые по происхождению энклитики предшествуют более новым [Грицкат, с.95]. В грамотах XIV–XV в. представлена следующая иерархия: 1. *ли*; 2. энкл. формы глагола *бити* в сослаг. накл. (*бих, би...*); 3. местоим. дат. п.; 4. местоим. вин. п.; 5. возвр. *се*; 6. энкл. формы глаголов *бити* (наст.вр.) и *штети*. ("Новые" местоим. формы *нас, вас, нам, вам* здесь не учитываются).

Примеры:¹ тко ли ви се потвориль или порекаль 431.62;

¹ Тексты цитируются по изданию: Стојановић Љ. Старе српске повеље и писма. Т. 1–2. Београд, 1929–1932. Цифры после примеров означают номер грамоты в издании, цифры пос-

ако ли мѹ га не ѡткуплю а ꙗ да мѹ га ѡсвовогѹ 185; аке ли имъ се коѹ чѹтета ѹчини 47; да ни се врати що ни ю ѹзето 477.23; да си се скупе съ вѣсьмь своимь 232.39; и да имь се плакѹ како имь сѹ и прѣво почтено плакѹто 201.20; писасмо (...) за сѹдове сребрьне по коѹ посласте да ю дамо привисавѹ похваликю (...) да ви ихъ донесе и дали мѹ ихъ смо 334; да исправиль ми се юѣ и ничтаре ми не ѡсталь дльжан 49; дохѡдькьнашь (...) како ми га сте ѹдали попѹ раткѹ тако ни га ю почтено принесѣь 84; или ако си га кю ѡвѣсти сѡвомь гѡптвѹ ви 162.27-28; словѣ и ѡвѣщанїе наше ѹ коѹ се смо овѣшали и записали 83.192-193; и кои се сѹ дѹбровчане забавинили по мойхъ градовехъ 140.38; а къда бѣь донесе г-на кѡстадина ми се кюмо ш нимь стати 245.10; юрь се ю великѡсть гптѡ ти мѣшо спорасрьдила 226.4. Исключения: да си има и дрѣжи градъ дѹбровниѣ тузи зѣйлю . како ю имь юѣ и даровало и записало црѣвми 96.26; любовь како ю си имали с нимь прѡродителїе (в копии ю сѹ имали) 83.178-179.

3. Помимо этих двух исключений, противоречащих и старой (отраженной в грамотах), и современной иерархии, существуют также примеры нового порядка энклитик:

а) перфект возвратных глаголов: како им сам се ѣа заклевѡ 610.26-27; и како сте се потрѹдили и стали при г-ну кралю 503; и како сте се много потрѹдили при г-ну кралю 328; коимь сте се ѡбитомь ѡвитовали мому г-нѹ кралѹ 491; бѣь юднѣ вѣ да ѹ нашей ѡпкѣмѣ не нахѡди се ни динарь юрь смо се можно ѡтратили ѹ сѣ вѣрме 139; а и томѹи смо се възда ѡ ваше любве надидали 262; и да смо се ѡвѣрекли бѣа и мнѣгела млтивоѡга 601. 423-425; тко ли ви се потвориль или порекаль да сѹ се все клетви на немь извршили 431.62; юрь сѹ се ѡбое стране прѣдъ нами завезали 543; и да сѹ се дали кралю тврѣткѹ 559;

б) перфект с местоименными энклитиками: юрь по вашей доброй любвѣ примили смо те и записали за нашего слаткога и многопочтеного бра^т 304.5; нарѹчили смо имь да гѡре и потомь ѹписали-мь смо 139; да даю кралевствѹ ми таи дохѡдакѣ вко сѹ га давали нашимь прѣвимь (в копии га сѹ давали) 428.30-31.

ле точки - номер строки в грамотах большого объема.

4. Наряду со старыми местоименными формами 1 и 2 л. мн.ч. *ми, ви* в энклитических блоках встречаются и формы *нам, вам, нас, вас*, которые не входят в "старую" иерархию. Колебания в их употреблении, видимо, отражают процесс их включения в класс энклитик. Эти формы встречаются в следующих разных позициях:

а) в конце блока после глг. *је*: а юрь пише^Т да ю вамь рекль вашь гань 412; юрь ю намь шета съ вашомъ вѣстю ѿь ниуь ѹчинена 295.37; що ю наась гптво ви свѣтовало 328; бгь ю вась поутиль 309 и др.; после возвр. *се*: и много се намь хвале наши трьгоуци 268. Такая позиция противоречит правилам организации блока при любой формуле расположения энклитик.

б) после других глагольных энклитик, что не противоречит "новому порядку": ѹли смо юрь си намь ѹ сѹсѣдствѣ кнезь ѹ сплѣти 498; юрь сѹ вамь погинѹла .Ѣ. братѹчеда на косовѹ полю 500.12; и ѡни сѹ нась како срьчѹни примтелие и ѡбѣтнѹ ѹзьдрьжали 270; юрь смо вась примили за наше поутене дѹбровчане и за нашѹ братию 422; юрь ако инако бѹде мноу ю намь ѹсильно и сѹпротѣвь законѣхъ би^Т 269.28 и др.

В следующих позициях эти формы выступают перед другими энклитиками и поэтому надежно энклитичны²:

в) перед глг. *је* и возвр. *се* (правильно и для старой, и для новой иерархии): ере намь е потрѣвань кнезь грьгѹрь 252; много нась ю приправио ѹчинити ѡнеи ствари кое намь ю рекао 337.46-47; и кои вамь е мои прьстенакъ казао 536; а ѡнь по наводѹ злѣхъ люди допѹсти да намь се чине толике шете 292.11-12 и др., а также дат. п. перед вин. п. местоим. и много намь га припорѹчѹе благански 526.27-28.

г) перед глагольными энклитиками в перфекте ("старый порядок") – 2 примера: говорише намь наши властеле (...) рчи кою намь си порѹчиль 497.3-5; лѹди да вамь сѹ свидоци 456.

Новые энклитики *нам, нас, вам, вас*, таким образом, тяготеют к современной системе организации блока.

5. Вопрос о взаимном расположении энклитик в истории сербского языка затрагивался многими исследователями. Указывались факторы, повлиявшие на утверждение нового порядка эн-

² Ср. и слитное написание в рукописи: молѹвась како мою братию драгѹ 82 (проверено по фотокопии оригинала).

клитик: 1) влияние слитных форм будущего времени типа *писаћу* [Rešetar]; 2) перемещение возвр. *се* в позицию после глагольных энклитик [Marković], ср. поведение энклитики *се* в грамотах); 3) влияние стяженных отрицательных форм типа *нисам, нећу* [Schütz]. На наш взгляд, в изменении порядка энклитик сыграли роль также и внутрисистемные факторы. Для древних текстов формула "местоименная энклитика + глагольная" обычно приводится как универсальное правило, определяющее "старый порядок энклитик" [Marković 1961/62, Младеновић 1964, 181, Младеновић 1973, 182 и др.]. Однако эта формула не учитывает статуса энклитических форм глагола *бити* в сослаг. накл. (*бих, би...*), которые в древнесербских текстах всегда предшествуют местоименным энклитикам. Переход к новой формуле "любая глагольная энклитика + местоименная" в некотором смысле выравнивает систему, объединяя все глагольные энклитики на одной ступени в общей иерархии³. При этом устраняется и "неловкость" с новыми местоименными энклитиками *нам, вам, нас, вас*, которые тем самым объединяются с остальными местоименными формами. Особый статус в современной системе сохраняет лишь глаг. энклитика 3 л. ед.ч. наст.вр. *је*, всегда занимающая последнее место в блоке.

СОКРАЩЕНИЯ

- Грицкат - Грицкат И. Актуелни језички и текстолошки проблеми у старим српским ћирилским споменицима. Београд 1972.
 Младеновић 1964 - Младеновић А. О народном језику Јована Рајића. Нови Сад, 1964.
 Младеновић 1973 - Младеновић А. Језик владике Данила. Нови Сад, 1973.
 Marković - Marković S. Међусобни положај глаголских и заменичких енклитика у језику Ивана Анђића. - Зборник Матице Српске за филологију и лингвистику, IV-V. Нови Сад, 1961-1962, с. 207-211.
 Rešetar - Rešetar M. Primorski lektionari XV vijeka. Rad JAZU, 1898, knj.CXXXIV, s.80-160; knj.CXXXVI, s.97-199.
 Schütz - Schütz J. Die sogenannte Umstellung der Enklitika. - Die Welt der Slawen, 1961, № 6, с.410-418.
 Sławski - Sławski F. Miejsce enklityki odmiennej w dziejach języka bułgarskiego. Kraków, 1946.

³ Вероятно, по формуле "глагольная энклитика + местоименная" сербская энклитическая система была организована и до образования энкл. форм глаголов *бити* (наст.вр.) и *итети* и других собственно сербских энклитик (ср. систему энклитик старославянского языка, см. [Sławski, 5-31]).

ОБ УСТОЙЧИВЫХ ЗВУКОВЫХ ПОВТОРАХ

Паронимический фонд языка, образованный близкозвучными, но разнокорневыми словами, а точнее словами с совпадающими согласными при несовпадающих гласных¹² — основа не только паронимии, или паронимасии, как определенного художественного приема, но и звуковой организации стиха вообще.

В русской поэзии XV—XVI вв. источник контактных и дис-тантных звуковых повторов — паронимические гнезда, которые группируются вокруг слов с двух-, трех- или четырехконсонантными созвучиями: с-н, т-н/т-м-н, с-т-н; к-р/к-р-с/к-р-т/к-р-с-т; п-р/п-р-т/п-р-с/п-р-с-т; в-л-н, к-л-н, п-л-н, к-л-т, п-л-т, с-л-т, к-л-п, с-в-т, с-т-р, в-р-н, в-р-т, к-р-в, п-л-ч и некоторыми другими и созвучиями с соответствующими звонкими согласными. Эти гнезда представлены в текстах русских поэтов повторяющимися парами слов, количество которых все увеличивается. О. Брик отметил несколько пар слов, которые устойчиво сопутствуют друг другу: плач-печаль, темный-туман, ветер-трава, клонить колени¹³. Кроме того, в строке, соседних строках, в строфе объединяются слова печаль-плечи, темный, туман-мутный, роза-заря, роза-риза, гора-гореть, гора-город, гордый-грудь, тень-тайна-стена-тесный, слово-слава-соловей, веселье-власть-вселенная-волосы, блеск-ласка, скала-склонить, скала-садня, тусклый-стекло, тусклый-тоска, стройный-струна, страна-старина, смерть-смотреть, стремить, кровь-коварство, кровь-покров, кровь-сверкать, кровля-ковер, душа-дышать, душный, воздушный, душистый, волна-волнение, волна-ленивый, свет-святой, зима-земля, земля-змея, сон-синий, синий-сияние

и т.п.

Повторяются и пары, включающие слова с согласными разного качества (глухие одного слова соответствуют звонкому или звонким другого слова): окно-огонь, трава, ветер-дерево, роза-роса, дым-туман: Окна ее, как сгни... (Жуковский), Огонек в окне горит (Фет), Зажигали огни в несметных окнах вокруг меня (Бунин), За окном, как тогда, огоньки (Блок), И редкие огни неспящих окн (Кузмин), В окнах теплятся огоньки (Ахматова), Окно в слезах. Огни. Глаза (Пастернак).

Повторяющиеся слова используются в разных позициях. Близкозвучные слова могут быть связаны синтаксически, эти же слова находятся в строке или соседних строках, но синтаксически друг с другом не связаны. Например, слова тусклый и стекло объединены синтаксически: На тусклом озера стекле (Тютчев), Стекло хранит мои черты; Оно не бьется, не тускнеет; Туманна даль, как тусклое стекло (Кузмин). Эти же слова образуют контактный повтор, но синтаксически не связаны: Глядится тусклый день в стекло Прозрачных льдин (Лермонтов), Мы одни; из сада в стекла окон Светит месяц... Тусклы наши свечи (Фет), Сквозь стекла расплющенный месяц, Как тусклое блещет пятно (Бунин).

Слова тоска и тусклый также объединяются в синтаксически связанные сочетания: тусклый, тоскующий день (Коневской), тоскою тусклой обуян (Сологуб). Они же используются в рамках контактного повтора: "Тоска кануна" - О, тусклость мертвого заката (Анненский), И тусклый день жалю я, как брата, Смотря с тоской, что теплится (Брюсов), Сказать, что тосковал о ней... Смотрел я тусклыми глазами (Блок). Все три слова образуют

многократный повтор: Но уж тусклой огоньки Блещут за стекла-
ми... Ночь убегает, Сердце болит от тоски (Апухтин).

При дистантном расположении паронимов они по большей части независимы друг от друга в смысловом отношении, хотя встречаются и дистантно расположенные пары слов, логически связанные друг с другом. В стихотворении Лермонтова "Когда волнуется желтеющая нива..." пара ландыш-душистой представляет чисто звуковую переключку: "Когда, росой обрызганный ду-
шистой, Румяным вечером иль утра в час златой, Из-под куста мне ландыш серебристый Приветливо кивает головой". В стихотворении Фета "Первый ландыш" отношения между членами такой же пары иные: душистой характеризует ландыш: О первый лан-
дыш! <...> Какая девственная нега в душистой чистоте твоей!

Некоторые пары слов объединяются в синтаксически связанные сочетания в поэзии XVIII в. и в таком качестве повторяются и варьируются. Такова пара струна-строй, стройный. Употребленная Тредиаковским: Десять струн на ней звенящих, Строй-
но и красно гласящих, она в разных вариантах используется и в XIX и в XX вв.: Мужественный строй моих свободных струн (Вяземский), стройные струнные хоры (Бальмонт), золотые стру-
ны стройте без меня... (Вяч.Иванов), струнат и строят инстру-
менты (Белый), На верхний лад я струны перестрою; Смотри: я стройных струн не трогаю (Кузмин). Эти слова используются и в соседних строках без синтаксической связи между ними: Да снова стройный глас героям в честь пролетит, И струны гордые посылает огонь в сердца (Пушкин).

Некоторые синтаксически связанные сочетания не повторяются, в то время как слова, их образующие, повторяются в не-

посредоточенной близости друг к другу. Сочетание багряный брег, принадлежащее Державину, не повторяется. Слова багряный и брег (или производные) объединяются в соседних строках: Ревут брега и воет лес. Среди тучных туч, разданных с треском, В тьме молнии багряным блеском Чертят гремющий след колес (Державин), День багрянил, померкая, Скат лесистых берегов (Жуковский), мчался Вдоль берега крутого Клязьмы. Вечер Погас уж на багряном небосклоне (Лермонтов), ср.: Черный корабль я видала под флагом багровым, Стал он на якорь от нашего берега близко (Щербина). В стихотворении Вяч. Иванова "Баркаролла" с заглавным словом соотнесены слова багрит, брег, погребальные: Багрит венец лилей и льет с улыбкой слезы... А с брега, мертвый взор нперив на дальний челн, Тень, погребальные влачащая одежды, Белеет. Не повторяется и сочетание бугристы берега, принадлежащее Ломоносову, в то время как пара берег-бугор повторяется. Например, у Державина: Седая пена по брегам Лежит буграми в добрях темных.

Прежде чем некоторые слова объединятся в синтаксически связанные пары, они многократно употребляются как независимые контактные и дистантные повторы (душа-дышать, душа-душный, дума-дым). В то же время далеко не все повторяющиеся слова образуют в конце концов синтаксически связанные сочетания, а появление некоторых синтаксически связанных пар в XVIII в. не предвещает употребления соответствующих слов в других позициях.

Благодаря тому, что повторяются не только контактные, но и дистантные повторы, сквозные звуковые ряды в разных текстах отчасти совпадают. В оде Тредиаковского "Вешнее тепло"

соотносятся строки: Пестрясь древ лиственным непраздных, Его чредит все лозы перст, Церера пестует их младость, Царь в рощах намащен стреляет, Ишел и пастыр в злачны луги. Звуковые переключки оторваны друг от друга. Во Вступлении к "Евгению Онегину" отражается другой фрагмент этого же ряда: ... Хотел бы я тебе представить Залог достоиннее тебя, Достоиннее души прекрасной, Святой исполненной мечты, Поэзии живой и ясной, Высоких дум и простоты; Но так и быть - рукой пристрастной Прими собрание пестрых глав, Полусмешных, полупечальных, Простонародных, идеальных. Еще один фрагмент того же звукового ряда, отчасти совпадающий с первыми двумя, отражен в стихотворении Манделштама "На каменных отрогах Пизарии...". Сопоставленные слова проходят через часть второй строфы: Обула Сафо пестрых сапожок, И молоточками куют цикады, Как в песенке поется, перстенок. Высокий дом построил плотник дожий, связывают начало и конец третьей строфы: Нерасторопна черепаха-лира... Сухих перстов предчувствуя налет и переходят в четвертую строфу: Простоволосая шумит трава.

Описание повторяющихся близкозвучных слов прелмает свет не только на характер звуковой организации русского стиха, но и на особенности развития паронимии.

Литература

1. Григорьев В.П. Поэтика слова. - М., 1979
2. Брик О. Звуковые повторы. Поэтика. - Пг., 1919.

Т. М. Николаева

О ТИПАХ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В РЕЧИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ
ПЕРВОГО ПОКОЛЕНИЯ В ЮГОСЛАВИИ

В 1977, 1980 и 1982 годах в гг. Белград, Валево и Нови Сад записывалась речь русских эмигрантов. Информантами были лица, родившиеся в России и покинувшие страну в возрасте от 9 до 35 лет. Все они говорили по-русски дома и были уверены в правильности своего русского языка. Речь русских, родившихся за пределами России, сознательно не привлекалась, поскольку, по нашему мнению, она уже требует иного подхода.

В общем виде можно говорить о следующих типах креолизованных высказываний.

I.1. В правильно построенную структуру русского высказывания вставляется слово-сербизм, т.е. собственно сербское слово, в русском словоупотреблении неизвестное.

1а. Этим словом может быть имя существительное:

Сын умер, и отец все ходил и ходил на гробле;

Он ехал в Москву, должно было быть двадцать новинаров;

Поверьте, это была совсем не легкая ствар;;

Он был в Вашингтоне и пошел в Белу Кучу;

А ведро было в подроме. Отец пошел в подром...;

Пакуете стварь? ;

Отвезите меня в ОБИР - это где овера паспортов;

Он пошел за пасошем и сказал...;

Она не кончит никакую историю уметности, если не будет заниматься;

Существительное может иметь количественное значение:

Когда будете в Москве, зайдите в квартиру брой четыре;

Мне одна дама два пута дала по пятьдесят тысяч.

1б. Может вставляться прилагательное:

Я не чувствую ни найманей боли;

Я ходила и мне смотрели очное дно. Моя подруга - очный доктор;

Мне отказали по "временским обстоятельствам".

1в. Вставляется наречие:

Ситуация была врло опасная ;

Спирт действует на метиловый спирт разблажающе (в этом случае последовала реплика собеседника, тоже эмигранта: "Говорите по-русски. Что это - разблажающе?").

Местоименное наречие:

Я в этом доме значу ништо!

2. Употребляется сербское служебное слово и тем самым меняются синтаксическая рамка:

А тогда в Одессе брали хорватов на службу, не знаю, због языка или еще почему-то;

Я прошу меня похоронить в стене, а Нина сказала - код Виктора;

Шиптары кончат, появятся у Сербии и будут искать работу.

3. Модифицируется синтаксическая модель:

Я с удовольствием съем, ведь скоро не съем;

Я заполняю в книжечку, что я встретил;

Маловероятно, что цыган шел на постройку работать.

II. Употребляется общеславянская лексема, известная и в рус-

ском языке, но в другом значении и/или в другой комбинаторной сочетаемости:

В Прибалтике у вас время, по-моему, на три-четыре градуса теплее;

Почему я, из социалистичной земли, ничего не могу купить?;

Была в Европе не всюду: в скандинавских землях не была;

(описывается ситуация в Киеве): Я подхожу к театру, а все просят: "Карту, карту, у Вас есть лишняя карта?". Все спрашивают карту;

Я решила до края жизни этого не делать.

Употребляется русское слово, но с суффиксом, неупотребительным в современной русской традиции:

Надо пить помидоровый сок;

Я сразу поняла, что это докторско дитя;

Таня приготовила блюдо из тыквиц.

Употребляется словосочетания, каждый из компонентов которого в русском языке представлен, но сама комбинация эквивалентна сербскому идиому:

Повеяло холодом: это где-то дождь падает (ср. Киша пада).

III. Употребляется слово общекультурного происхождения (неславянское), известное и русскому языку, но с иным словообразовательным наращением:

Он поступил на предприятие финансовым директором;

В два часа ночи ждал телефонский разговор с Белградом;

В Сербии нет своего кофе, они пьют бразилианский;

Вот передача, видели на телевизии, показывали Белград;

Стоят автобусы не только югославские, но и других агентий.

Употребляется известное в русском языке слово международного корня, но в сербоязычной ситуативной комбинации:

Подошел поезд. Композиция была небольшая;

Надо применить суггестию;

В ресторане освещение было совсем дискретное.

Употребляется слово международного корня, входящее в сербский лексикон:

Самолеты не могли атерировать;

Квартира была дефинитивно демолирована.

Какие соображения можно высказать в связи с приведенными примерами?

Прежде всего необходимо сказать, что вовсе неверно будет предположить, что находясь в русской эмигрантской среде Сербии, мы слышали только такую "креолизованную" речь. Вовсе нет, многие сохраняли безупречное состояние русской речи; далее, и наши информанты по большей степени говорили по-русски правильно и приведенные выше примеры часто выглядели странными отклонениями. Здесь важно подчеркнуть другое: сами говорящие не ощущали того, что в тех или иных случаях они уже отходили от русского языка. Например, старая женщина, выехавшая из России в 1919 г. тридцати лет, рассказывает о своей жизни в Москве и о решении выйти замуж за однокурсника в 1910 г. Она описывает, как они с женихом пришли с этим сообщением к ее родителям. "Чекайте, чекайте..." - сказала мне мама". Когда же собеседник шутя спросил ее, почему же ее мать говорила по-сербски, оказалось, что говорившая просто не догадывалась о своей речевой подмене.

Во-вторых, существенно отметить, что на степень отклонения от русской нормы не влиял возраст информантов (диапазон был от 68 до 90 лет), ни тот факт, говорят или не говорят они по-русски дома. Например, случилось увидеть старую женщину, которую практически не понимали ни русские, ни сербы, при том, что ее дочь и внук говорили по-русски очень хорошо.

В-третьих, для более серьезных выводов необходимо было бы сравнить русскую речь наших информантов с речью двух других категорий: 1) их русскоязычных потомков; 2) сербов-русистов, выучивших русский язык как иностранный. К сожалению, многое в этом плане уже упущено, так как уже в 1987 г. мы не застали в живых многих эмигрантов первого поколения.

Наконец, попытаемся ответить на вопрос, какое из перечисленных отклонений является наиболее распространенным. По нашим впечатлениям, явно доминировал тип: международный корень + нерусская привязка суффикса. Сербизмом было употребление -ск-, когда русская норма предпочитает -н-: учился на машинском факультете; написал дипломскую работу и под. Таким образом сложным оказывалось построение новой лексики, т.е. выбор словообразовательной модели. В связи с этим можно отметить и московско-ленинградские расхождения: таксист/ таксер; дипломник/ дипломант и т.д.

РУССКИЕ НАРЕЧИЯ:

ФУНКЦИИ - СЕМАНТИКА - ПОЗИЦИИ - АКЦЕНТНОЕ ВЫДЕЛЕНИЕ

- Ии, изволь и стань же в позытуру!
(Я.Б.Княжнин)

0.0. Известно, что в европейских языках (и, в частности, в тех, которые являются "позиционными") варианты словоупотребления и закрепление слов за теми или иными позициями в словосочетании (синтаксической группе) и в предложении не используются для выражения и разграничения лексических значений.

0.1. Едва ли не единственный, хотя и не безупречно чистый пример такой взаимосвязи, упоминаемый в литературе предмета, представляет французский язык, где, при нормальном для большинства прилагательных следовании за определяемым именем, некоторые из них могут употребляться и в препозиции, причем обычно либо с коннотациями усиления и эфазы (un livre excellent 'превосходная книга' - un excellent livre 'великолепная книга'), либо (по-видимому, вторично - на эфатической основе) с более или менее значительным сдвигом значения (un livre cher 'дорогостоящая книга' - un cher ami 'дорогой друг') [Л.Блумфилд 1968, 211 - 212; Н.Д.Арутюнова 1972, 217-218]. В аналогичной зависимости от позиции находятся здесь и значения некоторых наречий [В.Г.Гак 1989, 204].

0.2. В русском языке - языке "непозиционного" типа с развитой флексией - подобные явления до сих пор не отмечались, хотя есть все основания предполагать их реальность и вести их целенаправленный поиск в кругу неизменяемой - безфлексийной лексики.

1.0. Действительно, позиционное разграничение (позиционное распределение) значений и связанных с ними (или стоящих за ними) семантико-синтаксических функций широко распространено в адвербиальной сфере русского языка и должно быть признано одной из характерных особенностей семантики значительного числа русских наречий, не получившей, однако, отражения ни в грамматиках, ни в толковых словарях.

1.1. Так, например, ОБЫЧНО, которое в БАС дается как цельная однозначная единица (с заменой толкования отсылкой к считающемуся производящим обычный "всегда свойственный кому-, чему-либо; постоянно бывающий; всегдашний, привычный" [8, 583]), в действительности представляет собой единство двух противопоставленных лексико-семантических вариантов: постпозитивного обычно¹ - с определительной функцией и качественно-характеризующим значением 'так, как всегда, не выделяясь ничем особенным' (ср.: К этому времени он был уже одет обычно) и препозитивного обычно² - с комплексным кванторно-темпоральным значением 'всегда, постоянно, большей частью, как правило' и обстоятельственно-детерминантной функцией (ср.: К этому времени он был уже обычно одет). О глубине и резкости семантического и функционального противопоставления этих двух вариантов ОБЫЧНО свидетельствуют глубокие различия их сочетаемостных возможностей и их парадигматических и синтагматических связей. Так, они различаются по способности: а) вступать в связь с синсемантическими глаголами отношения, поведения и других групп: Он относится к ней / ведет себя / чувствует себя обычно¹, но *Он обычно² относится к ней / ведет себя / чувствует себя; б) сочетаться с препозити-

вным и постпозитивным отрицанием: не обычно¹ (Он был одет не обычно, а в какую-то куртку... Н. Чуковский), откуда далее необычно, но *не обычно²; с другой же стороны - обычно² не (Об этом обычно не говорят / не задумываются / не знают...), но *обычно¹ не; в) определяться кванторными наречиями степени: вполне (довольно, достаточно, очень, совсем...) обычно¹, но *вполне обычно²; г) вступать в сочинительные ряды: обычно¹ и просто; обычно¹ и обиденно; обычно¹ и заурядно; но *обычно² и ...; д) управлять формами имени: обычно¹ для + Род. п. (Рошаковский начинал обычно для представителя дворянской семьи... Л. Разгон), но *обычно² для...; е) сочетаться с формами совершенного вида: обычно¹ + сов. / несов. - обычно² + несов. и т.д. Различия между двумя семантическими комплексами, объединенными под общей для них оболочкой ОБЫЧНО, настолько значительны, что - в качестве средства их разграничения - оказалось необходимым их закрепление за двумя противопоставленными позициями. Это позиционное противопоставление доводится до предела сдвигом постпозитивного обычно¹ к концу высказывания, а препозитивного обычно² - к его началу. Ср. их контрастное столкновение в тексте: Я его легко так шлепнул, - обычно. Обычно так и бьют... (А. Терехов. Дурачок).

1.2. Точно так же, ПО-ПРЕЖНЕМУ, которое всеми словарями подается как целостная единица, толкуемая при помощи сравнительного оборота "как и прежде", в действительности расщеплено на по-прежнему¹, несущее значение сравнения, свойственное модели (ср. по-старому, по-новому, по-другому, по-иному), и по-прежнему², в котором значение сравнения погашено и которое функционирует как фазовый определитель - показатель

продолжения действия (сохранения признака). Ср.: Он работает по-прежнему¹ (как прежде: плохо, хорошо, с увлечением, самоотверженно) - Он по-прежнему² работает (все еще, до сих пор работает, продолжает работать). Отсюда их яркие различительные признаки, сходные с рассмотренными выше признаками вариантов ОБЫЧНО (см. подробнее [А.Б.Пеньковский 1988, 56]), и их жесткое позиционное противопоставление: обязательная постпозиция по-прежнему¹ и столь же обязательная препозиция по-прежнему².

1.3. Аналогичные отношения - с разной степенью глубины семантических и функциональных различий и связанных с ними различий в сочетаемости и системных связях и, соответственно, с разной степенью жесткости позиционного распределения - характерны для внутренних семантических комплексов таких наречий, как БЕССПОРНО, ВПЕРВЫЕ [А.Б.Пеньковский, 1977], ЕСТЕСТВЕННО, ЗАМЕТНО, НАВЕРНО, НАТУРАЛЬНО, НЕПОСРЕДСТВЕННО, НЕСОМНЕННО, ОБРАТНО, ОБЫКНОВЕННО, ОПРЕДЕЛЕННО, ОЧЕВИДНО, ПОДОБНО, ПОХОЖЕ, ПРОСТО, ПРЯМО, СЛАБО, ТРАДИЦИОННО, ЯВНО и мн. др.

2.0. Позиционное закрепление членов наречных пар типа обычно¹ - обычно² оказывается не единственным и - более того - не основным средством разграничения и противопоставления их функций и значений. Постпозиция в таких случаях всегда соединена с усиленным ударением (Он уже немолод, но работает по-прежнему и очень гордится этим). Препозиция же всегда безударна (Он уже немолод, но по-прежнему работает и очень гордится этим). В случае инверсии, какими бы причинами она ни вызывалась, признаки ударности-безударности как признаки формы языкового знака сохраняются и переносятся вместе с

инвертированными членами — их носителями. Так, безударность переносится в постпозицию и сохраняется там как единственный дифференциальный признак препозитивного варианта: Так обычно и бывает / Обычно так и бывает → Так и бывает обычно. Точно так же усиленное ударение переносится в препозицию и сохраняется там как единственный дифференциальный признак постпозитивного варианта: Город жил обычно → Но ничего не изменилось и обычно жил город (В. Зарубин). Именно этим независимым, константным признаком ударности-безударности рассматриваемая адвербиальная группа (группа наречий с акцентно маркированной семантикой) отличается от всей остальной массы русских наречий, ударность-безударность которых выступает как переменный признак, обусловленный синтаксической позицией, особенностями актуального членения или особыми заданиями экспрессивно-стилистического характера (см. о них [И.И. Ковтунова 1976]).

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н.Д. Морфология // Общее языкознание. М.: Наука, 1972.
- Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968.
- Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М.: Просвещение, 1989.
- Ковтунова И.И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976.
- Пеньковский А.Б. Очерки по семантике русских наречий. Наречие впервые // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1977.
- Пеньковский А.Б. Семантика наречия и ее отражение в словаре // Словарные категории. М.: Наука, 1988.

ОБ ОЧЕРЕДНОЙ ПОПЫТКЕ ПРОЧТЕНИЯ "ФЕСТСКИХ ДИСКЕТ"

Количество работ, посвященных дешифровке знаменитых "Фестских дискет", весьма велико [1]. Тем не менее, попытка, предпринятая авторами пока мало известной читателю работы [2], выделяется из общей массы сочетанием трех особенностей. Во-первых, и в-главных, авторы впервые, насколько нам известно, вводят в рассмотрение третью дискету, до сих пор, видимо, абсолютно не поддававшуюся усилиям исследователей. Во-вторых, дешифруемый текст носит, по мнению авторов [2], характер стиха (гимна?). В-третьих, они полагают его написанным по-русски.

В нашу задачу не входит рассмотрение путей, по которым продвигались авторы дешифровки. Поэтому сразу приведем полный текст, пронумерованный по дискетам (Рис. 1):

1. много дали зерна
  . мало амбаров остались пустыми
  . миска богов до дна видна
  . много дали зерна
2. много дали зерна
  . мы позабыли им в горестях имя
  . миска богов до дна видна
  . много дали зерна
3. много дали зерна
  . милость богов мы не знали доныне
  . миска богов до дна видна
  . много дали зерна

То, что данная расшифровка непротиворечива, легко проверить по таблице соответствий значков "Фестских дискет" и букв русского алфавита, приводимой в [2] (Рис. 2).

К сожалению, этого недостаточно для обоснования правильности дешифровки.

Как справедливо указано в [1], малое количество знаков, содержащихся в "Фестских дискетах" (а привлечение третьей дискеты, хотя и увеличивает материал, но, конечно, не дает

качественного скачка), делает возможным множество непротиворечивых расшифровок; между тем авторы [2] не приводят никаких дополнительных аргументов в пользу своей точки зрения.

В то же время очевидно, что психологическая достоверность предлагаемого авторами [2] текста сомнительна. Имеется в виду явно что-то вроде благодарственного гимна по поводу хорошего урожая. При этом указано, что имена ныне благодаримых богов были забыты. Наше основное возражение заключается в том, что с гораздо большей вероятностью "горести" должны были заставить людей проявлять к богам повышенное, а не пониженное внимание. Кроме того, на наш взгляд, сочинители гимна сочли бы неправдоподобным непоследовательное поведение богов, дающих хороший урожай при полном пренебрежении ими. Авторы [2] объясняют эти, также замеченные ими, странности амбивалентностью мифологического сознания. С нашей точки зрения, это недостаточное объяснение.

Таким образом, рассматриваемая дешифровка остается сомнительной, хотя сама идея прочтения "Фестских дискет" на русском языке, хотя и не является новой (см. [1]), не слишком распространена и уже поэтому заслуживает внимания.

По-видимому, правильный подход к расшифровке "Фестских дискет" невозможен без рассмотрения внешних по отношению к тексту обстоятельств. Из таких обстоятельств нам кажется наиболее замечательным точное совпадение размера дискет - $5\frac{1}{4}$ дюйма - с одним из распространенных стандартов на магнитные дискеты современных компьютеров. Насколько нам известно, никто еще не делал попыток сопоставить знаки "Фестских дискет" с обычными ASCII или шестидесятиричными кодами. Нам представляется, что такая попытка могла бы быть более успешной, чем сделанная авторами работы [2].

ЛИТЕРАТУРА

[1]. А.М.Кондратов, В.В.Шеворошкин "Когда молчат письменна". М, "Наука", 1970, с.90-110.

[2]. Altuchoff A.A., Ivanoff W.W. Zur Frage der Festdyskinschrift. Das Bussgebet der Rossen. // *urbis. Festschrift* З.Ф.Яноросoff. В. СМХХV, 234-345. Heidelberg, 1991.

Рис. 1.

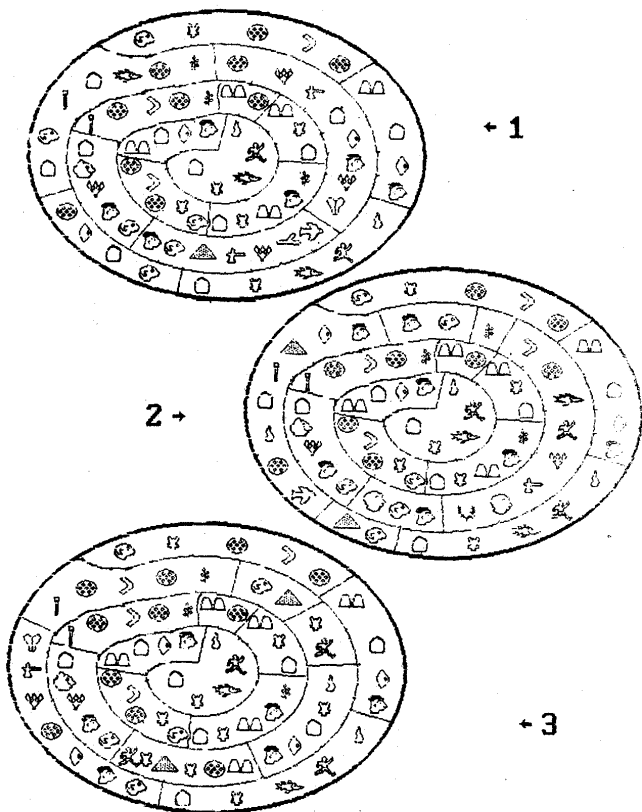

Рис. 2. Интерпретация знаков дискет в [2].

	М		Н		О		Г		Д		А		Л
	И		З		Е		Р		С		К		Б
	В		Т		Ь		П		У		Ы		Я
	Х												

СО Д Е Р Ж А Н И Е

О В.А.Дыбо. Библиография основных трудов В.А. Дыбо.....	3
С.Я.Яхонтов (<i>Ленинград</i>). Прародина ностратических языков.....	13
В.А.Терентьев (<i>Москва</i>). Ностратические этимологии.....	18
Е.А.Хелимский (<i>Москва</i>). К топохронологии уральско- алтайских этноязыковых связей.....	26
М.Е.Алексеев (<i>Москва</i>). Категория числа: проблемы общедагестанской реконструкции.....	30
С.А.Старостин (<i>Москва</i>). Реконструкция общевосточно- кавказской системы основных падежей.....	35
А.Е.Аникин (<i>Москва</i>). Из сибирской космогонии: <i>Ursa Major</i> ...	37
В.К.Вернер (<i>Таганрог</i>). К проблеме германо-енисейских лексических отношений.....	42
О.А.Мудрак (<i>Москва</i>). К реконструкции чукотско- корякского сингармонизма.....	47
А.В.Дыбо (<i>Москва</i>). Тюрк. *t-, *d-.....	50
Я.Г.Тестелец (<i>Москва</i>). К реконструкции пракартвель- ского несонантического вокализма.....	66
М.М.Сахокия (<i>Тбилиси</i>). Диахронно-типологические морфо- синтаксические общности индоевропейских и картвельских языков в свете ностратики..	71
А.А.Королев (<i>Москва</i>). <i>Qvisquillae hethiticae</i>	79
Л.И.Куликов (<i>Москва</i>). Древнеиндийские глагольные корни на -ā. (К проблеме определителей корня и перестановочного аблаута).....	82
В.В.Мартынов (<i>Минск</i>). К реконструкции индоевропейского консонантизма.....	88
Т.А.Михайлова (<i>Москва</i>). К вопросу о судьбе и.-е. *deks-....	93

В.Д.Фатнева (Томск). Некоторые мысли о собирательном "оба".....	98
А.Б.Копелиович (Колхозольск-на-Амуре). Структура родо- образующих противопоставлений и тенденции развития и.-е. рода.....	103
С.В.Кодазасов (Москва). Пространство просодических возможностей и акцентная эволюция.....	108
М.В.Софронов (Москва). Просодия основных единиц китайского языка.....	113
В.Ф.Выдрин (Ленинград). К реконструкции показателей именных классов в пра-манде.....	118
Д.И.Эдельман (Москва). К истории глагольного ударения в мунджанском и памирских языках.....	123
Ю.С.Кудрявцев (Гарту). Две альтернативные акцентологи- ческие реконструкции.....	124
В.Г.Скляренко (Киев). Сокращение долгих гласных в позднем праславянском.....	129
Р.В.Булатова (Москва). Особенности акцентуации косовско-метохийского диалекта.....	134
Е.Э.Будовская (Москва). Об ударении в формах р ₁ . существительных мужского рода в чакавских диалектах Далмации.....	139
Г.И.Замятина (Москва). Некоторые особенности акцен- туации <i>i</i> -глаголов в словенском литературном языке.....	145
А.В.Тер-Аванесова (Москва). О соотносности знаков знаменной нотации с ударением.....	150
С.Л.Николаев (Москва). К реконструкции праславянских тематических глаголов с корнями на шумный.....	155
С.Л.Николаев (Москва). Новые данные о краткостной оттяжке в галицком диалекте.....	160
И.А.Букринская (Москва). Лингвогеографическая дистрибуция форм им. мн. на - <i>а</i> в русских диалектах.....	166
В.Н.Топоров (Москва). О кривичском элементе и кривичской перспективе.....	169

Ж.Ж.Варбот (Москва). О соотношении структурного и семантического аспектов в этимологии.....	181
Е.Н.Овчинникова (Москва). К вопросу о лексических параллелях в славянских диалектах.....	186
Л.А.Гиндин, И.А.Калужская (Москва). Славистические аспекты карпатского языкознания.....	187
М.А.Осипова (Москва). К изоглоссным связям праславянской лексики карпатского ареала.....	189
Г.П.Клепикова (Москва). Наблюдения над лексикой новоболгарских дамаскинов.....	195
М.Н.Толстая (Москва). Система энклитик в сербских грамотах XIV – начала XV в.	201
Н.А.Кожевникова (Москва). Об устойчивых звуковых повторях.....	206
Т.М.Николаева (Москва). О типах интерференции в речи русских эмигрантов первого поколения в Югославии.....	211
А.Б.Пеньковский (Владимир). Русские наречия: функции – семантика – позиции – акцентное выделение...	216
А.Ф.Борун (Москва). Об очередной попытке прочтения Фестских дискет.....	221

Подписано в печать, в свет 12.06.91 г.
Формат бумаги 60 x 84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 8,7. Уч. изд. л. 14,25.
Тираж 300 экз. Заказ 156. Цена 3,50 руб.

Отпечатано на роталпринте ВНИПИстатинформ
Госкомстата СССР. Б.Грузинская ул., д. 52